

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 4 · 2012

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

4-2012

Согласно Ф3 от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста двенадцати лет. Издаётся с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 29.12.2012
Уч.-изд. л. 9,86. Усл. печ. л. 10,0
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т. А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У);
Арутюнян Л. А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ);
Бабешко В. А., д-р физ.-мат. н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ);
Бедерханова В. П., д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ);
Бодалев А. А., д-р психол. н., проф., академик РАО;
Деллер С., PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США);
Жаде З. А., д-р полит. н., проф. (Адыгейский ГУ);
Зинченко Ю. П., д-р психол. н., проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова);
Знаков В. В., д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН);
Иванов А. Г., д-р ист. н., проф. (Кубанский ГУ);
Кузьмина Н. В., д-р психол. н., проф. (РАО);
Латфуллин Г. Р., д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления);
Марьин М. И., д-р психол. н., проф. (МВД РФ);
Никовская Л. И., д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН);
Романова А. П., д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ);
Рябкина З. И., д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ);
Сморгунов Л. В., д-р филос. н., проф. (СПбГУ);
Фадеева Л. А., д-р ист. н., проф. (Пермский НИУ);
Шабров О. Ф., д-р полит. н., проф. (РАНХиГС);
Шпак В. Ю., д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т. Т., д-р эконом. н., проф. (зам. гл. редактора);
Белоконь Т. М., канд. филол. наук, доц.;
Дёмин А. Н., д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора);
Ермоленко В. В., канд. тех. н., доц.;
Ждановский А. М., канд. ист. н., проф.;
Кимберг А. Н., канд. психол. н., доц.;
Кольба А. И., канд. полит. н., доц. (зам. гл. редактора);
Курбатова Г. С., отв. секретарь;
Лаврова Т. Г., канд. эконом. н., доц.;
Лузаков А. А., д-р психол. н., доц.; проф.;
Мясникова Т. А., канд. эконом. н., доц.;
Оберемко О. А., канд. социол. н., доц.;
Ожигова Л. Н., д-р психол. н., проф.;
Остапенко А. А., д-р пед. н., проф.;
Савва Е. В., канд. филос. н., доц.;
Филиппов Ю. В., канд. эконом. н., проф.;
Фоменко Г. Ю., д-р психол. н., проф.;
Юрченко В. М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

4-2012

Содержание

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Оберемко О. А., Иванова И. И. Опыт совмещения трех методов агрегирования экспертных мнений 4

Хлыщева Е. В. Культурная динамика Пограничья (на примере Астраханской губернии) 22

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Шлыкова Ю.Б., Шахова Е.М. Стратегии достижения жизненного успеха в автобиографических воспоминаниях мужчин и женщин. 30

Волобуева Н.М. Инновативные качества молодых людей с различным уровнем жизнестойкости личности. 39

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Величко Е.В., Райский Д.В. Изобразительная деятельность как средство коррекции двигательных и психомоторных нарушений детей в домах ребенка 46

Асеева Т.А. Формирование готовности студентов вуза к организации туристско-сервисной деятельности 56

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Баранов А. В. Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии 62

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Усманов Р. Х., Кинжуваев Р. З. Леворадикальные молодёжные объединения в контексте безопасности этнополитических процессов Юга России 74

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Меньшиков В. В., Пеницын Ю. А. Легитимность и сводимость политических интересов в поле властного взаимодействия 89

Зеликова Ю. А., Чернова Ж. В. Патернализм современной российской семейной политики: позиция государства и ожидания граждан 96

Довбыш Е. Г. Сетевые технологии формирования городской идентичности. 111

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 119

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 120

ОПЫТ СОВМЕЩЕНИЯ ТРЕХ МЕТОДОВ АГРЕГИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ МНЕНИЙ

О. А. Оберемко, И. И. Иванова¹

Представлены результаты совмещения трех методов сбора оценок «успешности модернизации России»: контент-анализ текстов, написанных политическими экспертами; дистанционных фокус-групп с «народными экспертами», отобранными по смешанной выборке; личных интервью, собранных по целевой выборке ученых, работающих на переднем крае науки, — отраслевых экспертов по модернизации. Контент-анализ и фокус-группы позволили выделить актуальные дискурсы модернизации, а интервью с экспертами — сузить предмет обсуждения и получить собственно экспертную оценку важного аспекта модернизации и обосновывающие ее аргументы.

Ключевые слова: совмещение методов, контент-анализ, он-лайн фокус-группы, личные экспертные интервью, принцип воронки, модернизация.

The results of a multi-methods inquiry in evaluating «the successfulness of the modernizing Russia» by 3 different categories of experts are expoused: content-analysis of a sample of texts, published in authoritative sources by political experts; on-line focus group interview with mixed sampled «folk experts»; face-to-face interviews with a purpose sample of the professional experts in modernization, working at the front edge of scientific research. The data of types 1 and 2 allowed specifying actual «modernization» discourses, while the data of type 3 did narrowing the subject-matter at hand and getting reasons to explicate their negative attitudes onto modernization.

Key words: multi-methods inquiry, content-analysis, on-line focus group interview, face-to-face expert interview, the principle of the funnel, modernization.

В статье представлены результаты последовательного использования по принципу воронки трех методов сбора данных для получения оценок «успешности модернизации России». Первым шагом по результатам контент-

---

¹ Оберемко Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Эл. почта: ooberemko@hse.ru

Иванова Инна Игоревна — старший научный сотрудник Фонда «Общественное мнение», аспирантка кафедры методов сбора и анализа социологической информации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Эл. почта: ivanova.rzn@gmail.com

анализа официальных источников, освещающих реализацию мероприятий по модернизации России, и дистанционных фокус-групп, проведенных в формате онлайн-форумов «народных экспертов», недирективно был очерчен актуальный для общественности тематический репертуар разговоров о модернизации России. На втором шаге для освещения одной из актуальных, с точки зрения «народных экспертов», тем подбирались данные, собранные по целевой выборке профессиональных экспертов. Сужение предмета обсуждения позволило (а) сверить оценки двух категорий экспертов оценки в обоих случаях оказались скептическими — и (б) получить от профессиональных экспертов обоснования их оценок. В данном случае в качестве профессиональных экспертов по *модернизации в России* опрашивались ученые, работающие на переднем крае науки, — руководители поддерживаемых государственными программами инновационных академических подразделений.

1. Контент-анализ и дистанционная фокус-группа

На первом этапе было проведено кабинетное исследование на тему «Экспертиза, оценка причин текущего состояния процесса модернизации в России». Источники информации были отобраны за 2009-2010 гг. и представляли собой авторитетные ресурсы, для которых тема модернизации была профильной и /или часто упоминалась:

- авторитетные деловые СМИ («Эксперт», «Ведомости», «Известия»);
- результаты социологических исследований по национальной выборке;
- сайт Комиссии при Президенте по модернизации и технологическому развитию экономики России (<http://i-russia.ru>);
- информационно-аналитический сайт «Открытая экономика» (www.opec.ru);
- материалы XII Апрельской международной конференции по проблемам развития экономики и общества в Высшей школе экономики (<http://conf.hse.ru/2011/>);
- тематический выпуск журнала «Неприкосновенный запас» по теме «Ностальгическая модернизация, или Россия, вперед!» (№ 6 (74) за 2010 г.).

Эту группу экспертов мы будем называть политическими экспертами.

Второй метод — онлайн фокус-группа в формате форума — использовался в рамках реализации Фондом «Общественное мнение» социально значимого проекта «Народная экспертиза» — инновационный механизм поддержки идей модернизации в обществе². Здесь ставилась задача сформулировать рекомендации по преодолению разрыва между экспертным обществом, разрабатывающим решения по модернизации, и гражданами, которые, по идее, являются прямыми бенефициарами от модернизации. «Народные эксперты»

---

² При реализации были использованы средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 300 — рп.

отбирались в ходе всероссийского репрезентативного опроса³ при помощи теста, включающего в себя следующие характеристики:

- внутренний локус ответственности за происходящее в семье, городе, государстве;
- высокая социальная и гражданская активность;
- активные стратегии потребления информации об окружающем мире, интерес к актуальным общественно-политическим темам;
- пользование Интернетом.

Респонденты, успешно прошедшие тест, приглашались именованным обращением по электронной почте к участию в экспертизе. Число участников фокус-группы в течение двух месяцев составило 194 чел. из 63 субъектов РФ. После третьей недели активность на онлайн-площадке резко снизилась, и был произведен дополнительный добор участников методом «снежного кома». В период проведения фокус-группы активность в среднем проявляли около 10% от числа зарегистрировавшихся.

Содержательно массовая экспертиза⁴ имела целью выявить «народные» смыслы модернизации и оценить проводимый «курс на модернизацию» через призму актуальных для общества проблем. Анализ сложившейся в России ситуации проходил в несколько этапов: формулирование проблем, стоящих перед страной, их ранжирование по значимости путем голосования и последующее обсуждение проблем, попавших в «топ». Эта исследовательская стратегия обосновывалась тем, что в самом понятии «модернизация» значительная часть массовых экспертов видела «решение назревших проблем».

Сопоставление дискурсов политических и массовых экспертов выявило сходство в интерпретации концепта «модернизация». Так, представители власти интерпретировали модернизацию как «осовременивание», включающее два параллельных направления: подтягивание экономики до современного уровня и «футуризацию», создание особого культурного климата, без которого невозможно инновационное развитие.

Сообщество массовой экспертизы, разделилось на две группы по отношению к очередности обозначенных властью направлений. Одни ставили под сомнение возможность инновационного развития без закладки базы:

Обеспечьте хотя бы средний уровень, прежде чем претендовать на что-то большее. А то ходим в лаптях, жуем китайские груши, но зато нанотехнологии — из каждой щели.

---

³ 4500 респондентов, 204 городских и сельских населенных пункта, 64 субъекта РФ.

⁴ Поначалу предполагалось, что в выборке «народных экспертов» можно будет видеть репрезентацию активной и сведущей в общественных делах части населения; планировалось получить срез мнений «общественности», или «просвещенной публики». Однако по характеру участия и стилю обсуждения вместо «общественности» была скорее получена репрезентация «массы».

В настоящий момент необходимо сосредоточиться не на инновациях как таковых, а на модернизации. Если делать ставку именно на инновации как таковые, мы никогда не сдвинем с места процесс обновления.

Еще одна черта, объединяющая позиции политических и «народных» экспертов, — отношение к модернизации как к лозунгу ради отмывания денег:

Пока этот термин вызывает только смех. Это обычный пиар-ход, под дудку которого отмываются деньги.

Модернизация — очередной лозунг-пустышка, которым еще недавно были «на-на» технологии.

...модернизация, но только в своем нормальном естественном значении, а не тот лозунг, что льется нескончаемыми реками помоев с экрана. Просто слово стало практически ругательным, как и нанотехнологии, известные уже лет 20.

Частный случай рассмотренной интерпретации понятия «модернизация» — параллель с СССР, вызванная отношением к модернизации как к политическому лозунгу, попытке создать новую идеологию:

Думаю, многие знают из истории, что каждые 20 лет очередной коммунистический вождь в СССР обещал построить в стране социализм. И через 20 лет, когда все забывалось, обещал снова. <...> Главная примета социализма — показуха. Всесторонняя и безбожная. И несбыточные обещания. Надо прекратить эту гигантскую пиар-акцию под названием модернизация!

Очевидно, что обе категории экспертов отмечают наличие диссонанса между официально артикулируемыми смыслами и реальностью. С одной стороны, налицо понимание населением необходимости модернизации как развития страны и положительная оценка самой идеи преобразований. Отсюда позитивные интерпретации концепта «модернизация», в соответствии с которыми модернизация — это глобальный, всеобъемлющий процесс, переводящий текущее положение дел в государстве на качественно новый уровень.

С другой стороны, модернизация воспринимается преимущественно как рекламный ход, пустые слова, очередной повод для отмывания денег. Недовольство вызывает большое количество нерешенных «простых» проблем, что и позволяет говорить об отсутствии базы для амбициозных преобразований.

В результате массовой экспертизы были не только получены «народные» смыслы модернизации, но и разработаны рекомендации для повышения эффективности модернизационных процессов в России. В частности, наибольшую поддержку при взаимном рейтинговании предложений получили два направления идей по решению проблем:

1) инвестиции в человеческий капитал («повысить престиж социально значимых профессий», в том числе повысить зарплаты, увеличить осведомленность населения и т. д.);

2) введение системы показателей качества работы и жесткой системы контроля над качеством выполнения обязанностей; повышение ответственности за результат деятельности (ответственность вузов, врачей, чиновников и т. д.).

Участники массовой экспертизы также смоделировали идеальную ситуацию и назвали ряд признаков успешных модернизационных процессов:

— повышение качества жизни людей: *для меня модернизация — последовательный процесс, результатом которого является повышение качества жизни людей;...качество — это не то, сколько, а то как. Если наши пенсионеры будут жить в развитых в плане инфраструктуры местах, то эта 1000 рублей [прибавка к пенсии] будет для них не так важна, у них есть, где и как провести время, есть лавочка в тенишке, на которую можно присесть летом, и так далее;*

— модернизация — переход на качественно новый уровень жизнедеятельности общества // государства, радикальная смена целевого курса;

— цепочка «инвестиции в проекты — реализация проектов — выход на мировое качество продуктов и конкурентоспособность — экспорт продуктов в страны с сильнейшими экономиками — подъем ВВП — закупка необходимого оборудования у отечественных производителей и обеспечение им медицинских и иных учреждений»;

— ротация кадров из крупных городов в малые;

— строительство доступного жилья + создание и реализация жилищных программ за счёт государства, а не за счёт банков.

По итогам проведения массовой экспертизы сделан ряд выводов.

1. Наиболее часто встречаются следующие спонтанные ассоциации с концептом «модернизация»: «внедрение чего-то нового», «улучшение чего-то существующего», «изменения во всех сферах жизни, в том числе в духовной, в сознании людей, в головах». Подобные ассоциации и интерпретации в большинстве случаев имеют умозрительный характер и не соотносятся с конкретной программой, но артикулируются с использованием структур модернизационного дискурса первых лиц страны, воспринятых из СМИ.

2. Словосочетание «модернизация России» чаще всего воспринимается как лозунг и PR-ход, нечто, отдаленное от реальных потребностей страны. В то же время тезис о необходимости перемен вызывает в основном одобрение.

3. Одна из ключевых причин негативных коннотаций концепта «модернизация» — недовольство большим количеством нерешенных проблем местного масштаба, по которым многие представители населения, в том числе и часть «народных экспертов», судят о положении дел в стране в целом и говорят об «отсутствии базы для преобразований».

4. Очевиден информационный голод населения, связанный с недостатком данных о конкретных результатах принимаемых мер и списком ответствен-

ных лиц. Налицо недоверие к власти и происходящим процессам, сложившийся «привычный» пессимизм. Необходимо говорить о свершившихся фактах, проделанных шагах, реализованных этапах и, главное, достигнутых результатах, которые могут позиционироваться как основа для дальнейших планов.

5. Среди населения позитивно воспринимается идея такого гражданского действия, как организация площадок для обмена мнениями, но с обязательным условием: мнение населения должно быть услышано, участники обсуждения должны быть уведомлены о внедрении или отклонении результатов. Негативное восприятие и нежелание участвовать в обмене мнениями связано не столько с отрицательным отношением к подобной идее, сколько с неверием в ее эффективность на практике; можно предположить, что в некоторых случаях выражение неверия служит способом оправдания низкой степени своей гражданской активности.

6. Наиболее конструктивная критика и четкая гражданская позиция были выявлены у участников массовой экспертизы, состоявшихся в профессии и включенных в среду профессиональных коммуникаций. Можно предположить, что профессиональные сообщества — перспективный объект для изучения того, как инновации принимаются в общественной практике.

Для дальнейшего изложения ключевым является самый последний вывод о том, что среди «народных экспертов» конструктивной критикой модернизационного дискурса и гражданской позицией выделяется слой узких специалистов, которые состоялись в профессии и включены в профессиональную коммуникацию.

2. Экспертные интервью

В качестве представителей узкого профессионального сообщества, чья деятельность непосредственно связана с разработкой и внедрением инноваций, для традиционного экспертного опроса методом личных интервью в рамках другого проекта были отобраны руководители научных подразделений, участвующих в программах по оснащению уникальным оборудованием комплексных исследований в определенной дисциплинарной области. Специфика этих программ заключается в том, что стандартный договор о предоставлении оборудования предусматривает ежегодное наращивание объемов научной работы на коммерческой основе, тем самым обеспечивая вовлеченность научного подразделения во внедрение рыночных форм координации в науку. Таким образом, мы имеем дело с представителями профессионального сообщества, несущими двойную модернизационную нагрузку: 1) в качестве производителей научного знания и 2) в качестве пионеров в освоении правил игры для рыночных форм взаимодействия в производстве научного знания.

Для представленного далее анализа из общего массива данных (29 интервью) были отобраны все интервью, в которых говорилось о сотрудничестве

с Роснано, выполняющей задачу «опережающего инновационного развития России» и «коммерциализации перспективных разработок» [3].

Проведенный дискурс-анализ интервью нацелен на реконструкцию опыта, который ориентированные на коммерциализацию и оснащенные уникальным научным оборудованием академические подразделения получают через сотрудничество с локомотивом рыночной российской модернизации — Роснано. В тексте приводятся все выявленные смыслы, встретившиеся в двух и более интервью с представителями разных научных организаций. Тема сотрудничества с Роснано предлагалась к обсуждению в конце интервью и вводилась следующим образом:

«Последний, но важный вопрос: есть ли у Вас интерес к сотрудничеству с ГК Роснано? Чем может привлекать или, наоборот, пугать сотрудничество с ГК Роснано?»

Предусмотренные гидом вопросы нацеливали информантов на репрезентацию как позитивных, так и негативных аспектов образа. Для интервью оказалось типичным следующее обстоятельство: вначале эксперты конструируют позитивный образ Роснано, который по мере уточнения деталей трансформируется либо в нейтральный, либо в негативный.

В числе позитивных характеристик устойчиво выделяются мощь и компетентность. Под мощью прежде всего понимаются финансовые и властные возможности:

...там большие деньги, там большие возможности... (09⁵)

...крупные финансы, которыми она обладает... (08)

...учитывая их финансовые возможности... учитывая огромные возможности... (05)

Наличие финансовых и властных возможностей связывают с отношением к науке, которое разделяют некие влиятельные люди:

Хорошо, что есть люди, обладающие властью и понимающие, что надо этим [наукой] заниматься, и тогда из этого что-то получится (11).

Финансовые и властные возможности подкрепляются известностью компании и признанием величия ее миссии:

Знаем, что есть такая организация, Роснано, которая возглавила научно-технический прогресс (11).

Роснано пытается использовать достижения фундаментальной науки в прикладном [аспекте]. Это очень почетная роль... (12)

За Роснано признается сформированный имидж игрока в сфере внедрения технологических инноваций, чье внимание принято ценить:

Тот факт, что обратилась серьезная внедренческая организация и подтвердила наш уровень, нам приятен (07).

---

⁵Цифры в скобках указывают на номер интервью, присвоенный в архиве проекта.

Компетентность — вторая типичная характеристика Роснано:

Чубайс... у него хорошая команда... они очень хорошо считают деньги и готовы вам помочь просчитать, составить заявку на программу, которую они могли бы профинансировать (04).

Высокая квалификация сотрудников оценивается в терминах грантовой системы организации науки, в которой важно уметь составить реалистичную заявку на исследование и сделать ее финансовое обоснование. Употребление слова «команда» показывает, что Роснано воспринимается как сплоченное единство.

Далее рассмотрим мнения экспертов о Роснано, сложившиеся до предметных контактов, а затем обратимся к высказываниям экспертов, имевших опыт взаимодействия с Роснано.

Доопытные представления: *«вряд ли сотрудничество возможно»*. В интервью экспертов первой группы отчетливо просматриваются сомнения в возможности продуктивной совместной деятельности. Нами реконструированы два аргумента: (1) Роснано ориентирована на иные, ненаучные ценности и (2) в своей деятельности ориентирована на собственные интересы.

Иные ценности. Например, признавая поначалу важность миссии корпорации, информант довольно быстро ставит барьер: миссия Роснано важна, но к ученым, занимающимся фундаментальной наукой, она не имеет никакого отношения:

Роснано пытается использовать достижения фундаментальной науки в прикладном [аспекте]. Это очень почетная роль, но мы к ней не относимся (12).

Отсутствие идентификации части научного сообщества с Роснано обосновывается ориентированностью на разные ценности: ученые декларируют ориентированность на фундаментальные исследования и атрибутируют Роснано ориентированность на экономический результат:

Роснано мы не нужны. У Роснано цели другие. Им базово нужна стабильная производственная прибыль, да? Получить ее от любого вуза, института или чего-то другого невозможно. Поэтому Роснано мы, как структура, в принципе не интересуем. (18)

Мы занимаемся фундаментальными исследованиями, а известно, что Роснано фундаментальные исследования не финансирует принципиально, она финансирует только исследования, которые могут дать экономическую выгоду. Поэтому, конечно, нам было бы интересно с ней взаимодействовать, потому что там большие деньги, там большие возможности, но серьезных перспектив я, честно сказать, пока не вижу. Роснано финансирует другие работы (09).

В приведенных цитатах намечены два противопоставления: «рентабельная экономика — затратная наука» и «прикладное — фундаментальное». В русле

этих противопоставлений Роснано предстает чисто экономическим предприятием, ориентированным на экономический эффект, на создание новых сегментов российской экономики, а не на научные результаты:

Это структура, которая создана для формирования сегмента экономики страны. Это же не фундаментальные исследования, не разработки (02).

За разговором о разнице ценностей угадывается представление о двух суверенных мирах, каждый из которых живет по своим законам и не обязан координировать свою деятельность с другими мирами. Такой дискурс выглядит объективным, поскольку в нем ответственность за отсутствие координации не эксплицирована.

Замкнутость на себя. В дискурсе, в котором подразумевается императив координации, обязательно возникает фигура ответственного за беспорядок. В собранных интервью типичны случаи, когда первоначальный разговор о мощности госкорпорации уравнивается едкими подозрениями в низкой эффективности ее деловой активности:

Слава Богу, государство поняло, что надо заняться приборами. Знаем, что есть такая организация, Роснано, которая возглавила научно-технический прогресс. Надо понимать: то, что при Советской власти называлось научно-техническим прогрессом, теперь называется Роснано, и тогда из этого что-то получится. К сожалению, я не вижу хороших примеров деятельности Роснано кроме содержания достаточно большой армии. Наверное, там много людей, они не реализовали ни одного хорошего проекта, насколько я понимаю (11).

Высокопарное отождествление Роснано с НТП сменяется указанием на отсутствие результата от деятельности «большой армии» сотрудников. Сходная композиция смыслов содержится и в следующей цитате:

Вызывает некоторое подозрение сама эта громоздкая структура. Непонятно, под какие задачи она создавалась. Отталкивает то, что у нас идет слишком много возни вокруг. <...> Это какая-то очень странная организация, которая работает в основном на себя (19).

Идея мощи низводится до «громоздкости», идея активности — до «большой возни», которая выливается в безрезультатное освоение ресурсов. В подобных высказываниях можно видеть проекцию на Роснано претензий, предъявляемых самой «недосоциализированной науке», для которой характерно отсутствие «эффективно действующего социально-экономического механизма использования достижений научно-технической революции» [1, с. 13].

Закрытость Роснано выражается не только в намеках на успешное освоение громадных ресурсов в своих интересах, но и в нежелании Роснано идти на контакт с научным сообществом (делиться?) при том, что представители научного сообщества готовы к сотрудничеству декларируют:

Желание [сотрудничать], конечно, такое у нас есть. Есть ли у Роснано такая встречное желание сотрудничать с нами? Сейчас с ним нет абсолютно никаких отношений. Но в принципе было бы неплохо (19).

В данном случае декларации ученых о готовности сотрудничать едва ли стоит воспринимать буквально без дополнительной эмпирической проверки, поскольку их появление может объясняться не только объективной готовностью, но и структурой самого дискурса, в котором подразумевается императив координации между мирами науки и бизнеса. Тезис об эгоистичности партнера по возможному (но не состоявшемуся) взаимодействию дополняется знакомым уже тезисом о различии в ценностях: вузы и академические институты не дают быструю прибыль, на получение которой ориентирована Роснано.

Исключения составляют случаи, когда мысль о незаинтересованности Роснано в контакте с научными подразделениями, выражается в режиме самокритики:

У меня, положи руку на сердце, разработок под те пунктики, которые там [в конкурсах Роснано] записаны, напрямую нет (03).

Более типична ситуация, когда в тезисе «нам как ученым нечего предложить Роснано» акцент смещается с агента на адресата. В таких случаях говорится, что Роснано предлагает слишком узкий коридор для сотрудничества:

Я знаю, что наш центр оказался в реестре петербургской организации Роснано. Я понимаю очень хорошо, что некоторые методы, которые мы используем, и услуги, которые мы предоставляем... эти механизмы взаимодействий происходят на уровне наноструктур, конечно. С этой точки зрения мы имеем какое-то отношение к нано, не к технологиям, но к какой-то нано-области. Но специальной какой-то тематики я сейчас предложить не могу, чтобы взаимодействовать с Роснано. Если у них будут какие-то предложения разумные, если они будут понимать и знать наши возможности, то мы открыты. И это будет замечательно (14).

Речь идет о том, что попадание научного коллектива в профильный реестр не гарантирует того, что госкорпорация знает и понимает возможности для сотрудничества, чтобы сформулировать этому коллективу «разумные предложения». По сути, здесь высказаны ожидания, что Роснано будет активнее интересоваться деятельностью активно работающих профильных научных коллективов. Эти ожидания представляются оправданными, по крайней мере, настолько, насколько оправданно видеть причины низкой эффективности российской науки в отсутствии инженерного звена, способного трансформировать научные результаты в приносящие прибыль технологии. У российской науки это звено исторически хромало и созданное ради модернизации Роснано этот разрыв не спешит заполнять. Сходную мысль находим у эксперта, который утверждает, что у них есть только результаты фундаментальных

исследований, которые в принципе могут найти промышленное применение, только нужно придумать, как их применить и для каких инженерных задач:

К сожалению, у нас сейчас есть фундаментальные исследования, а внедрять нечего. Есть результаты фундаментальных исследований, которые могли бы представлять интерес для будущего производства. А вот части, которая отвечала бы за то, чтобы достигнутые результаты трансформировать в некие технологии, которые позволяли бы получить конечную продукцию, которую можно было бы продать на рынке и сделать рентабельное производство, этот блок у нас совершенно не развит (02).

Таким образом, речь идет не просто о трудностях внедрения результатов, получаемых фундаментальной наукой. Дело обстоит еще хуже: речь идет об отсутствии функционального звена, которое до всякого внедрения на основе результатов фундаментальной науки вырабатывает инженерную идею продукта. То есть речь идет не о трудностях внедрения, а об отсутствии инженерных идей для внедрения. С одной стороны, можно согласиться с тем, что не всякий фундаментальный результат можно обратить в инженерную идею. С другой же стороны, ни один из опрошенных экспертов не отметил ориентированность Роснано на устранение этого разрыва.

Институциональная закрытость Роснано осмысливается еще и через неопределенность и подозрительность тематических интересов:

Там совершенно не понятно направление исследований, которые вдруг стали нанотехнологиями. Раньше они назывались по-другому. Они были всегда. Мы занимаемся нанотехнологиями в электронике, она как была наноэлектроника, так и осталась. Почему-то про наноэлектронику вспоминают в самую последнюю очередь, а занимаются пересыпанием каких-то порошков микродисперсных, добавляют это в асфальт, бетон, куда угодно (19).

Подведем итоги анализа интервью с представителями профессионального научного сообщества, работающими в наносфере, но не имеющими опыта сотрудничества с Роснано. Получается, что инновационная госкорпорация представляется мощной (по финансовым и административным ресурсам), имеющей компетентные кадры, заточенные под грантовую систему науки, и в то же время не скоординированной под задачу инновационного развития через науку в следующих аспектах:

- разрывы в ценностях: наука ориентирована на знание, госкорпорация — на прибыль;
- разрывы во времени: фундаментальная наука не может обеспечить быстрый результат, на который ориентирована госкорпорация;
- разрывы в компетентности: наука не разбирается в экономике и технологиях; госкорпорация не разбирается в науке и технологиях; традиционное для отечественной науки отсутствие инженерного звена, связующего научное

знание с приносящими прибыль промышленными технологиями госкорпорацией не восполняется; что, в частности, проявляется в странности (с точки зрения ученых) тематических предпочтений корпорации;

— разрывы в целях финансирования: госкорпорация финансирует статьи расходов, которые не интересны исследовательским организациям;

— разрывы в признании эффективности: исповедуемая госкорпорацией экономическая эффективность не переводится на язык научной эффективности: ученые не видят позитивных научных результатов; госкорпорация не видит возможности коммерциализировать (в силу разрыва в компетенциях) результаты научных разработок и считает их неэффективными.

Обнаруживаемые учеными разрывы и дефициты служат основой для складывания образа закрытой (эгоистичной) госкорпорации, которая использует ресурсы (свою мощь) исключительно в собственных интересах вопреки озвученным целям.

Представления от опыта сотрудничества: «*все еще впереди*». Сомнения в эффективности и подозрительное отношение к научной обоснованности деятельности Роснано должны развеивать эксперты, заявляющие о реальном сотрудничестве с госкорпорацией. Факт сотрудничества описывается с большим подъемом, с указаниями на его исключительную важность для обеих сотрудничающих сторон, в чем можно убедиться из приведенных двух пространных фрагментов:

Официальных бумаг они так, кстати, и не прислали, по e-mail прислали. Они нас включили в число центров, аккредитованных при «Роснано технологиях». <...> Они сюда приезжали, мы общались, нашли взаимный интерес и решили попробовать поработать в этой сфере. Пока реально ничего не начали, кроме бумажной деятельности, кстати, связанной с метрологическими обсуждениями. Это серьезный вопрос, который нам еще предстоит решать. Они, понятное дело, поставили этот вопрос во главу угла. Оборудование предполагается использовать для аттестации продукции, оно само должно быть аттестовано, сертифицировано, и методики, по которым эти измерения производятся. <...> Поэтому, по каким направлениям мы будем работать конкретно с «Роснано технологиями», еще не знаю, хотя они сказали, что они поддерживают все инновационные проекты, не только те, которые напрямую связаны с нанотехнологиями, в том числе создание лекарственных препаратов и т. д. А этим мы и так всегда занимались, занимаемся и, будем надеяться, и дальше... <...> Наш институт в целом включился в эту программу, ну, не так, может быть, широко, но что-то пытается в этой области создать, следовательно, и наш центр будет работать тоже (04).

На протяжении всего непрерываемого интервьюером пространного монолога (приведенного для краткости с купюрами) эксперт сделал четыре попыт-

ки (если считать по знакам «<...>», обозначающим отвлечения от темы) охарактеризовать совместную с Роснано деятельность, которая, судя по интервью, свелась к общению (личному и по переписке) по планированию будущей деятельности.

Фрагмент из другого интервью также содержит несколько попыток рассказать о насыщенном взаимодействии ученых с Роснано:

Заказы Роснано, сейчас мы экспертизу для них проводим. Мы признаны компетентными в системе наносертифика «Роснано». <...> [Правда] у нас сертификации официальной нет, ни у кого нет, просто у таких центров нет пока сертификации. Но это как бы предварительная сертификация. Мы работаем с сертификацией очень активно, очень-очень всерьез, очень много сил этому уделяем, но еще много этапов, особенно учитывая сферу нанотехнологий, — это очень сложно, и в стране практически ничего нет. Но мы являемся одним из лидеров в этом направлении, и Роснано нам заказывает экспертизу, что достаточно почетно для нас, поскольку мы от Москвы достаточно далеко. <...> «Роснанотехнологии», во-первых, у нас много раз были, и вообще мы с ними работаем. Я уже говорил, наносертифика — это очень здорово, очень интересно, взаимно интересно. Мы с взаимным интересом к этому относимся. Наносертифика — это очень серьезная программа, результатом которой будет выход ряда центров на сертифицированные центры, и, надо сказать, что вообще центр должен оказывать сертифицированные услуги, в том смысле, что он должен гарантировать качество, чего сейчас пока нет в стране. <...> А поддерживать вопрос, связанный с сертификацией и прочим, это сейчас решается. И вторая вещь, по которой мы регулярно взаимодействуем с Роснано, они организуют блестящие совершенно школы, учитывая их финансовые возможности. Они собирают великолепных лекторов со всей страны, они их проводят великолепно. И мы по своей возможности стараемся во всех них участвовать. <...> Во-первых, мне очень нравятся заказы, которые от них поступают, во-вторых, мне очень нравится система обучения, и у нас в каком-то смысле возникли личные отношения, мы участвуем в выставках Роснано (05).

Как и в предыдущем фрагменте, речь идет о системе сертификации, которая не получила институционального оформления и о многочисленных контактах. Добавились подробности о заказах в рамках системы сертификации (которая сама осталась неотсертифицированной!), об организуемых крупных мероприятиях (в рамках системы краткосрочного обучения и выставок) и о складывающихся личных отношениях.

В другом случае разговор о крупных мероприятиях содержит указание на косвенное сотрудничество с Роснано академического подразделения и на личное участие в экспертизе в рамках системы сертификации:

Мы сотрудничаем с Роснано косвенно, через проекты, которые выполняют-ся в рамках комплексного проекта развития nanoиндустрии в [регионе]. <...> [Плюсы в том, что идет] все-таки поддержка крупных мероприятий в сфере нанотехнологий, по крайней мере, организация работает. То есть, с чем мы сталкиваемся косвенно как эксперты. Например, я эксперт в основном (08).

Из опыта сотрудничества выходит, что «организация работает», но все достижения еще впереди:

Роснано как организация пока еще окончательно себя не проявила. Несмотря на крупные финансы, которыми она обладает, осуществленных проектов по финансированию пока у нее нет (08).

Следующий эксперт, характеризуя плоды сотрудничества, назвал создание профильного подразделения и регулярное посещение конференций Роснано сотрудниками этого подразделения:

Так мы с ними и сотрудничаем. <...> [Организовали] наше подразделение по созданию новых наноматериалов, они постоянно на эти конференции ездят, работают с Роснано, естественно (16, 408-410).

Еще для одного эксперта сотрудничество также идет пока на стадии планирования. Здесь весьма общее, неконкретное указание на научный интерес сотрудничества с Роснано сочетается с сомнениями в достижимости экономического эффекта:

Роснанотех на нас тоже недавно вышел. Мы прошли сертификацию в системе, все наночастицы, наноматериалов. Они сказали, что в принципе наш уровень достаточный. Они некоторые методики наши утвердили. И те проекты, которые будут ими финансироваться, они сами будут расплачиваться. Но пока еще никто не обратился. Не знаю, посмотрим. Будет, не будет какой-то экономический эффект. Я Вам уже говорил, что мы уже сотрудничаем. Для нас плюсы — исследование новых объектов, материалов. Надо разрабатывать новые методики, надо свои возможности развивать и просто интересно, что за наноматериалы. <...> Я считаю, что у меня пока научный интерес. Не знаю, коммерческий получится или не получится (07).

В оценке общей ситуации вокруг корпорации эксперт солидаризируется с теми, кто считает ее сомнительной, подозрительной, в связи с чем отводит себе возможную роль эксперта:

Порой, может быть, и такой момент, что брать на себя некоторые экспертные функции мы должны. Потому что под видом нанотехнологий и наноматериалов порой проталкивают, мягко говоря, совсем не то. <...> Мне порою кажется, что Роснано на себя такую обузу взгромоздил. Сумеют ли они чего-нибудь добиться реального, не знаю. В отношении тех целей, которые имеет эта организация, — подъема нанотехнологий в России на какой-то там определенный уровень, получения коммерческой прибыли

и прочее. Пока, честно говоря, во многих проектах, которые в Роснано подаются, мы видим только одно, что люди пытаются из Роснано деньги на свои исследования, самые обыкновенные исследования, вырвать... [Минусы сотрудничества с Роснано] пока не вижу, потому что реального сотрудничества пока еще толком нет. Пока что, как говорится, намерение (07).

В данном случае эксперт указывает на риски, исходящие от недобросовестности представителей научного сообщества, разрабатывающих новые наноматериалы, и от некомпетентности команды Роснано в научных вопросах. Эти риски и должны компенсироваться создаваемой Роснано системой сертификации, которая сама пока еще не сертифицирована. Между тем сертификация сопряжена со значительными затратами. Их, по идее, должны возмещать заказы разработчиков новых наноматериалов, которым не хватает средств даже на собственно исследования. Отсюда и сомнения эксперта в достижимости экономического эффекта.

В наиболее радикальной интерпретации причина невозможности сотрудничать видится в том, что исповедуемый Роснано «экономический» подход не учитывает специфику экономики производства нового знания, а ориентирован на экономику внедрения уже полученного знания:

Условия, которые Роснано выставляет, для нас непосильны. Например, чтобы выиграть некий проект, по завершении проекта надо вернуть деньги, которые Роснано вложила в эту разработку. Допустим, дали на два года 10 миллионов рублей. Ты работу закончил, ты должен выпустить продукцию и эти 10 миллионов возвратить. Но когда составляешь бизнес-план, то теряешься в догадках, где же взять 10 миллионов, ты только начинаешь выпускать продукцию, только оправдывать затраты на материалы, комплектующие, зарплату. Для этого надо сразу прибыль сделать такую, чтобы отдать 10 миллионов за два года. По пять миллионов в год. Это нереально. Поэтому с Роснано может работать и взаимодействовать только та структура, у которой уже все раскручено и которая уже выпускает эту нанопродукцию (13).

Другое обоснование заключается в том, что Роснано обозначает готовность финансировать такие статьи расходов, которые академическим учреждениям не интересны для ведения исследовательской работы:

В действительности Роснано значительно хуже фондов, потому что фонды отдают деньги на конкурсной основе, но бескорыстно, просто отдают деньги. Роснано дает деньги на бизнес — основная функция Роснано. Денег даже на НИРовские работы не дает, очень малую часть, пристегнутую к каким-то большим бюджетным работам. Поэтому для вузов Роснано в значительной степени является организацией малоэффективной (05).

Таким образом, защитный тезис о различии в ценностях может перерасти в наступательный тезис о неадекватности стратегии Роснано в поле экономики в силу неразличения разных экономик — экономики инноваций и экономики стандартного производства, что и дает основания для пессимистического прогноза:

До сих пор с Роснано у нас нет ни одного контракта на выполнение работ. И я думаю, что никогда и не будет (13).

«Никогда не будет», потому что предлагаемые финансовые условия научное подразделение выполнить не может, не превратившись в производственную единицу.

***

По итогам анализа экспертных интервью можно сделать следующие выводы. С момента своего образования Роснано удалось:

1) создать в экспертном сообществе определенный имидж компании, имеющей:

- мощные административные и финансовые ресурсы;
- важную миссию по созданию новых сегментов инновационной экономики в России, ориентированных на быстрый экономический эффект;

2) выстроить важные элементы инфраструктуры, необходимой для развития инновационной экономики: создать привлекательную информационно-образовательную среду для формируемого нанообщества (школы, семинары, выставки), заложить основы институтов отраслевой экспертизы и системы признания (потенциальных) лидеров отрасли.

Среди важнейших стимулов к участию ученых в нанообществе эксперты отмечали:

- участие в экспертизе бизнес-проектов, представляемых в Роснано;
- перспективу сертификации лабораторий, приборов и методов для экспертизы продуктов от будущих бизнес-проектов.

Оба эти стимула могут интересовать прежде всего те сегменты научного сообщества, которые (1) заинтересованы в прикладных разработках, имеющих массовое коммерческое применение, и (2) которым не чужда идея экспертной ренты (за право ставить подпись и печать под экспертным заключением). Оба эти стимула малоинтересны для тех, кто ориентирован на открытие чего-то принципиально нового, а не на измерение того, чьи основные параметры заведомо известны.

Роснано не удалось:

1) реализовать крупные успешные проекты, задать нанообществу образцы проектируемых видов деятельности;

2) найти общий язык с тем сегментом научного сообщества, который ориентирован на фундаментальные исследования; хотя бы наметить контуры привлекательной, более или менее определенной исследовательской программы;

3) сформировать респектабельный имидж своей деятельности в академическом истеблишменте и традиционном научном сообществе;

4) продвинуться в формировании институциональной среды, предназначенной для перевода (диалога) фундаментальных знаний на язык инженерных концептов.

Иными словами, Роснано удалось привлечь (найти общий язык) сообщества, умеющие производить информационные события, экономические расчеты, проводить (пока несертифицированную) экспертизу проектов, т. е. создать важные инфраструктурные элементы инновационной экономики. Сама Роснано являет квалифицированную менеджерскую и предпринимательскую надстройку (суперструктуру). Незаметно, чтобы Роснано удалось привлечь сообщества, способные создавать базис (структуру) инновационной экономики — творческий потенциал фундаментальной науки (открытия) и инженерной мысли (изобретения).

Оказывается, что выводы, сделанные на основе не совсем свежих экспертных интервью, по сути, предвосхищают признание неудач проектов Роснано, которое глава госкорпорации сделал 22 июня 2012 г. в Санкт-Петербурге [2].

Исследование отношений в обществе к общеизвестному символическому объекту на примере объекта «модернизация России» методом «народной экспертизы» в исполнении Фонда «Общественное мнение» позволило выявить общий скепсис активных пользователей Рунета, а также наиболее типичные основания (аргументы) для скепсиса.

Едва ли в сочетании «народная экспертиза» отражается идея экспертности в чистом виде; активных пользователей Рунета вряд ли можно величать экспертами. От экспертов в узком смысле их отличает неспециализированность и, если угодно, досужность.

Политические эксперты дают макроперспективу на предмет исследования как в объективистском, так и в субъективистском понимании «макро». В первом смысле эксперты отражают собственный целостный взгляд на общество и происходящие в нем модернизационные процессы; во втором смысле эксперты отражают макроперспективу политических акторов и агентств, для которых практические отраслевые аспекты модернизации представляются слишком специфичными, чтобы в них стоило вникать.

Интервью с экспертами в узком смысле дают эмпирические каузальные объяснения общему отношению к «модернизации России» в рамках конкретной предметной области, в данном случае в специфических инновационных академических подразделениях.

***

Логически в представленном исследовании выделяются три самостоятельных проекта, каждый из которых имеет свой теоретический и эмпирический объекты и метод исследования, однако их объединяет предмет исследования, что позволяет отнести всё предприятие к получившему распространение в последние десятилетия типу мультиметодного исследования, нацеленного «на решение некоторой общей исследовательской проблемы» [5, p. 196]. Другое преимущество от сочетания разных методов сбора данных на разных выборках — триангуляция [6], позволяющая обоснованно говорить о том, что в трех различных перспективах не видится никаких серьезных подвижек в сторону модернизации России. Эта триангуляция достижима в таком мультиметодном исследовании, где используется одна методная парадигма — в данном случае качественная — и единое мировидение (*worldview*, *Weltanschauung*), в отличие от микст-дизайна, допускающего совмещение в одном проекте количественных и качественных методов, а также разных картин мира [4, p. 10-12; 7, p. 11].

Библиографический список

1. Келле В.Ж., Мирская Е.З. и др. Социальная динамика современной науки. М.: Наука, 1995.
2. ИТАР — ТАСС. Чубайс назвал 4 причины неудач проектов РОСНАНО. URL: <http://www.itar-tass.com/c378/453989.html>
3. Роснано. О компании: Миссия и цели. URL: <http://www.rusnano.com/Section.aspx/Show/14583>
4. Creswell J. W., Plano Clark V.L. Designing And Conducting Mixed Methods Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007.
5. Morse J. Principles in Mixed Methods and Multi-Method Research // Tashakkori A., Teddlie C. (eds.) Handbook of Mixed Methods in Social & Behavioural Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. P. 189-208.
6. Tashakkori A., Teddlie C. Mixed Methodology: Combining Qualitative and Quantitative Approaches. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
7. Tashakkori A., Teddlie C. (eds.) Handbook of Mixed Methods in Social & Behavioural Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ПОГРАНИЧЬЯ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

.....

Е. В. Хлыщева¹

По мнению автора, Пограничье как зона пересечения культур характеризуется высокой проницаемостью культурных границ. С одной стороны это приводит к синтезу культурных традиций и появлению новых форм культурных и социальных контактов, характерных для транскультурных сообществ. С другой стороны, именно в зоне пограничья острее всего чувствуется пересечение интересов, миграций, этнокультур, религий, что может стать причиной серьезных конфликтов. Все это актуализирует поиск сценариев сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов.

Ключевые слова: Пограничье, ментальность, поликультурность, миграция, субэтнические группы.

According to the author, Frontier as a zone of intersection of cultures characterized by high permeability of cultural boundaries. On the one side, this leads to the synthesis of culture traditions and the emergence of new forms of cultural and social contacts, which is typical for transcultural communities. On the other side, in the frontier we can acutely feel the intersection of interests, migration, ethnic cultures, religions, which can cause serious conflicts. All these reasons force the searching of scenarios of coexistence in a single cultural field of different traditions and mentalities.

Key words: frontier, mentality, multiculturalism, migration, sub-ethnic groups.

В условиях устойчивой динамики миграционного процесса усиление исследовательского интереса к феномену культурного пограничья актуально и неизбежно. Появление новых транскультурных образований актуализирует поиск сценариев сосуществования в едином культурном поле различных традиций и менталитетов. Проблемы коммуникации в поликультурном обществе острее всего стоят в зонах пересечения интересов, миграций, этнокультур, религий. К таким зонам и относится пограничье, характеризующееся более высокой мо-

---

¹ Хлыщева Елена Владиславовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: culture_mag@mail.ru

Статья выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3003-056 «Культурная память и культурное наследие фронта».

бильностью по сравнению с глубинной территорией, перемещением больших групп людей, новыми формами культурных и социальных контактов. Зоны пересечения культур — наиболее уязвимые точки стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями и испытывающего миграционный нажим.

К числу пограничных и транскультурных образований может быть отнесена и область Нижнего Поволжья. Именно здесь, на пограничье Востока и Запада, особенно заметен синтез культур и религиозных конфессий. Нижневолжское пограничье рассматривается как разновидность геокультурного пространства со специфичным, граничным типом культуругенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и др. В результате этого взаимодействия оформляются и функционируют рубежные (граничные) культурные ландшафты, происходит объективация и репрезентация культурно-ландшафтных структур, которые в условиях границы отличаются многослойностью и динамичностью. Пограничье — не только определяющий фактор формирования, но и постоянная семиотическая зона, вне рамок которой они не могут существовать.

Отличительной чертой Астраханского региона изначально была многокультурность. Уже к XIII в., когда на правом берегу Волги появляется поселение Аштархан, считающееся крупным центром торговли, здесь пересекаются дороги европейских и восточных купцов. Царская политика была направлена на ассимиляцию населения окраин с русской культурой. Все, кто приходил в Астрахань и бил челом, чтобы государь пожаловал «житии по старому у города Астрахани и дань давати» [32], были приведены в русское подданство. Царь стремился привлечь как можно больше кочевых народов в состав русского государства: «Будут прибывать в Астрахань мурзы из Гор, из Калмык, из Нагай, из Казыева улуса и Черкесские мурзы, и из Кабарды, и иных владений, воеводе обнадеживать их государевой милостью и велеть давать им жалованье, держать к ним всякое береженье, чтобы они были под высокой государевой рукою навеки неотступно» [20, с. 154].

С целью укрепления рубежей первый воевода И. Черемисинов «пересылает татар с правого берега на другую сторону» [23, с. 28] и расселяет их по буграм и островам. Для главного же поселения избирает особый бугор (Шабан-бугор, прозванный русскими стрельцами Заячьим), со всех сторон имевшим естественную защиту. Основанный на этом бугре город в продолжение трех времен года (весны, лета и осени) был неприступным для татар, не имевшим тогда достаточного количества лодок. Именно здесь и появляется в 1557 г. новый город, названный на русский лад — Астрахань.

В новую Астрахань переселялись жители старого Аштархана, из Ногайской Орды и соседних стран Каспийского побережья. Пришли многие гости

из Шемахи², Дербента, Тюмени, Юргенча с товарами. Прибыли послы черкасс кабардинских, пятигорских, иверских земель, держащих путь через Астрахань в Москву. Все они били челом, чтобы «государь их пожаловал, велел бытии в своем имени и в холопстве у себя учинил и приказал бы астраханским воеводам беречи их от всех сторон» [33]. Покорность Москве кавказских владетелей была не бескорыстна, так как в ее основе лежала потребность «найти защиту от набегов крымцев, турок, как и помощь при взаимных распрях» [11, с. 125], но и это значительно расширяло границу русского господства на юго-востоке.

Просили о милости и заявляли о своей покорности гребенские казаки, «первые колонизаторы» Кавказа, ранее покинувшие Русь и поселившиеся у Чечни. Казаки были пожалованы вольною рекою Тереком-Гориничем, где им велено было «служить службу государскую и охранять вотчину Кабардинскую». Население Астрахани пополнялось беглецами с Севера Руси и особенно ногаями с востока. Этому во многом способствовал голод и массовой падеж скота в неурожайные годы. Доведенные до отчаяния ордынцы охотно продавали своих детей за кусок хлеба, но из-за недостатка последнего продовольствие выделялось для них воеводой не всегда. К голоду добавились и внутренние распри: «ногаи изводятся, людей у них мало добрых, много с голоду людей мрет, а друг другу не верят меж себя и родные братья. Земля их пропала, друг друга грабят. Многие хотят идти жить в Астрахань, того для что неустройство великое» [15, с. 44].

Отдаленность Астрахани от Москвы, свободные земельные и речные просторы, слухи о вольной жизни влекли бежавших от нужды и крепостной неволи крестьян центральных губерний России. Правительство, заинтересованное в заселении и хозяйственном освоении края, не преследовало беглых крестьян, вопреки своей политике делая исключение для Нижнего Поволжья. Уже в XVII в. предписывалось «с Астрахани и Саратова в верховые города посадских людей, бежавших на низовья Волги самовольно, не возвращать» [28]. И в XVIII в. вновь подтверждалось право Астраханской губернской канцелярии приписывать беглых крестьян к казенным землям и рыбным промыслам.

Географическое расположение и природные особенности Астраханского края определили своеобразие процесса заселения Нижнего Поволжья. Сюда стекался торговый люд из Ногайской Орды, Дербента, Шемахи, Хивы. Торговые льготы притягивали иноземцев на обширный русский рынок. Немало сбегало в Астраханские земли и иноземцев: немцев, шведов, поляков, которые, будучи захвачены в плен ногаями или казаками, искали удобного случая спастись от рабства под защиту русской власти [29]. Промышленные люди шли сюда на рыбный лов в устьях Волги и на разработку соли. Многих привлекала в Астрахани шумная торговая жизнь города и свобода от обычного в то время произвола приказных в коренной Руси. Пестрота населения и определен-

² Шемаха – одно из названий Персии.

ная вольность нравов, представляющая «своеобразный сплав нравов Востока и России» [16, с. 139], заставляли воевод быть начеку: надеяться на скорую помощь Москвы в случае восстания иноверцев, здесь не приходилось.

Субэтнические группы разных народов, заселяя регион Нижнего Поволжья, осваивали, как правило, собственную хозяйственную нишу таким образом, что хозяйственно-культурные типы этих этнических групп как бы дополняли друг друга, а не вступали в противоречие. Русское население сосредоточивалось исключительно в городах и их ближайших окрестностях. Степные пространства края были населены кочевыми племенами ногайцев, калмыков, урегулирование отношений между которыми входило в обязанности астраханского воеводы. Каждый народ жил довольно замкнуто, в своей слободе, пересекаясь с другими в основном по хозяйственным вопросам.

Процесс ассимиляции народов Астраханского региона шел тяжело. Особенно сильны были противоречия кочевых племен. В XVII-XVIII вв. в астраханской степи шла незатухающая борьба за земли, о чем наглядно свидетельствуют названия документов и актов, хранящихся в Астраханском государственном архиве: «Дело о незаконном кочевье тогмутовских татар по калмыцким землям» [3], «Дело о самовольном переселении хлебопашцев на калмыцкую землю» [4], «Челобитные частных лиц по разным вопросам» [5], «Переписка с астраханской комиссией калмыцких дел о выселении ногайцев с калмыцких земель» [6], «Переписка с кавказским начальником МВД о жизни кочующих и оседлых калмыков, киргизов, туркменских семей в Астраханской губернии» [7], «Дело об отводе земли кундровским татарам» [8], «Дело о переходе с места на место цыган» [9], «Дело о споре за земли между киргизами и кундровскими татарами» [10] и т. д.

Много проблем доставляли калмыки, появившиеся в Поволжье в начале XVI в., нарушив уже сложившееся этническое равновесие. С самого начала у них устанавливаются довольно сложные отношения с местной русской администрацией. Не ладили калмыки и с татарским населением [12; 24; 13], стремясь изгнать тех с обжитых мест. Татары в долгу не оставались [14], хотя и были вынуждены покинуть многие свои прежние поселения и расположиться поближе к русским гарнизонам.

Мероприятия по переводу к оседлому образу жизни не вызывали у кочевников, особенно калмыков, никакого сочувствия. Переселяться из степи они не хотели, велико было их «нежелание братья за правильное хозяйство» [18, с. 38] на месте нового водворения, поэтому меры правительства по переселению проходили с большим трудом. Против переселения выступали калмыцкие ханы, нойоны и духовенство. Многие калмыки убегали обратно в степь, и астраханским губернаторам тогда вменялось в обязанность «увещевать беглых и возвращать их обратно» [1, с. 2]. Астраханский губернатор Н. А. Бекетов даже ходатайствовал перед правительством о предоставлении калмыкам пра-

ва жить, где пожелают, на что Екатерина II ответила, что «дозволить можно, но публиковать не должно» [19, с. 39].

Русскому правительству постоянно приходилось вмешиваться в конфликты калмыцких князей и мирить их. Были учреждены особые должности дворян в пограничных городах и при нойонах для разбора жалоб и наблюдения за действиями самих нойонов.

К середине XVIII в. для изоляции крещеных калмыков от их сородичей на реке Волге, в урочище Кунья Воложка, была построена крепость, названная Ставрополем. В 1744 г. оренбургский губернатор И. И. Неплюев представил правила для управления Ставропольской крепостью и поселенными в ней калмыками. Он предложил назначать калмыков для отбывания служебных обязанностей вместе с казаками на Оренбургской линии; в школе обучать калмыков только русскому языку; перевести молитвы на калмыцкий язык; учредить собственный калмыцкий суд под председательством коменданта крепости. Этими мерами было положено начало слиянию калмыков с оренбургскими казаками и формирование из них в 1756 г. особого Ставропольского калмыцкого войска. Крещеные калмыки имели право по желанию переселяться в Оренбург, но таких желающих оказалось немного. Впоследствии крепость Ставрополь с образовавшимися вокруг нее поселками была переименована в уездный город, а земли, отведенные калмыкам, переданы казенному ведомству Самарской губернии.

Киргиз-кайсаки³ появились в Нижнем Поволжье по договоренности с русским правительством в начале XVIII в. под предводительством хана Младшего жуза Букея, по имени которого Орда получила название Букеевской, а по своему территориальному, географическому положению — Внутренняя. Население Букеевской Орды росло быстрыми темпами, в том числе и в результате миграции из других казахских районов.

При Екатерине II для заселения окраин России (в том числе и астраханских земель) приглашались иностранцы, «кроме жидов» [27, с. 53], для которых были оговорены особые условия проживания в строго обозначенных местах [25]. Зато множество льгот по указу Екатерины получали немцы: свобода вероисповедания, свободный выбор места поселения, самоуправление, освобождение от податей, налогов и всякого рода повинностей [30]. Поэтому на местах своего нового проживания многие немцы сохранили немецкий язык, веру (как правило, лютеранскую) и элементы национального менталитета.

Задача местных властей заключалась не столько в военном противостоянии иноверцам, сколько в дипломатической деятельности — мирном урегулировании конфликтных ситуаций, распространении православия среди ко-

---

³ В XVIII – XIX вв. русские называли киргизами самые разные тюркские народы: и собственно киргизов, и киргизов енисейских (хакасмов, телеутов, щорцев), и казахов.

чевников, налаживании торговых отношений со Степью. Создавая определенные условия для мирного сосуществования народов региона, власти, однако, не поощряли тесных культурных контактов. Так, если и разрешались межнациональные браки, то это касалось только меньшинств (армян, грузин, татар, калмыков), но «браки с православными были редкостью и допускались только с соблюдением многих формальностей» [27, с. 45].

Фундамент согласной и упорядоченной жизни практически сложился к концу XVIII в. Этот период отмечен ростом в крае числа русских поселений. Одновременно происходила ассимиляция кочевниками отдельных калмыцких, киргизских, казахских, туркменских родов, попадавших в плен во время вооруженных конфликтов. Вынужденные трудиться на «захватчиков», пленники впитывали отдельные элементы их культуры. Вместе с казахами кочевали крымско-кубанские ногайцы, которые вошли в орду буковцев, составив здесь новый «ру» (род) «нугай-казак» [17, с. 47] с четырьмя подразделениями (уйсен, костанбалы, казанколак и кояс). Все они переселились в Нижневолжье вместе с Букеем. А немногим позже, в 1799-1801 гг. и затем в 1842-1844 гг., в буковской степи скрывались солдаты-дезертиры из числа татар, уроженцев селений на стыке нынешних Татарстана, Башкортостана и Оренбуржья. По характерным высоким черным шапкам у мужчин они получили название «калпак» [31, с. 68] («кара-калпак»). Они хорошо знали казахский язык, но сохраняли и татарский диалект. Зачастую их потомки ощущают себя казахами рода «калпак». Свободно владели русским языком представители купечества, особенно индийцы.

Характерная особенность астраханского городского населения — его подвижность. С окончанием навигации большое число промыслов или приостанавливало свою работу, или сокращало, а с открытием водного пути работа возобновлялась. Такая деятельность требовала массы рабочих рук. Для найма в Астрахань стекались рабочие из самых разных уголков России и степных просторов, а также из Персии. Многие из приезжающих на заработки жили в городе нелегально, без письменного вида (разрешения на жительство). Поэтому городская перепись обычно проводилась два раза в год по причине изменения населения в связи с миграцией [2].

Население края, постоянное и временное, очень различалось. Каждый народ имел свое мировоззрение, навыки, склонности. Чтобы предотвратить конфликты, которые неизбежны при столь пестром населении, особое внимание обращалось на нравственность населения. Так, в отчете за 1839 г. сказано, что чрезвычайно затруднительно вывести общее заключение о состоянии народной нравственности в Астраханской губернии, в которой обитают множество разноплеменных народов. Некоторые из них имеют пагубную склонность к употреблению горячительных напитков (в основном русские), а «азиаты склонны к неправильным взиманиям исков» [13].

Единая территория, пересечение в хозяйственной деятельности привели к появлению общих ценностей, что сплотило народы, населяющие регион. Здесь как в огромном плавильном тигле, стала выплавляться новая народность, когда «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их и все они стали точно они одного рода, оттого, что поселились на одной земле, вступали в брак с друг с другом и оставались жить в этой земле» [22, с. 14]. Постепенно складывалась поликультурная модель, которая представляла собой исторически, «веками сложившуюся многокультурность, с разделением зон экономического влияния, устоявшейся системой культурных связей, основанных на принципах толерантного отношения к «чужому» как к «другому» и взаимопроникновении культур от семантического до институционального уровня» [26, с. 17].

Библиографический список

1. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести. Астрахань: б. и. 1888.
2. Ведомости о числе иностранных подданных, проживающих в г. Астрахани. ГААО. ф.433, оп.1, д.673.
3. ГААО, ф.495, оп.1, л.1195.
4. ГААО, ф.495, оп.1, л. 1088.
5. ГААО, ф.394, оп.1, том 2, л.4492.
6. ГААО, ф.2, оп.61, л. 248.
7. ГААО, ф.2, оп.290, л. 2165.
8. ГААО, ф.488, оп.1, л. 1345.
9. ГААО, ф.2, оп.1, л.1452.
10. ГААО, ф.2, оп.1, л.33.
11. *Гербер И. Г.* Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях, сочиненное полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером/Сочинения и переводы к пользе и увеселению. СПб.: Изд-во при Импер. Акад. Наук, 1760.
12. Дело об ограблении калмыками каравана с товаром купеческих юртовских татар. ГААО, ф.394, оп.2, л.1733.
13. Дело о том, что воевода не разрешил казакам напасть на калмыцкие улусы за то, что те побили юртовских татар, московских стрельцов и астраханских жителей». ГААО, ф.2, оп.1, л.13.
14. Дело о нанесении побоев татарами калмыку Чулчуму и о краже у него лошадей». ГААО, ф.2, оп.1, л.1638.
15. *Дженкинсон А.* Путешествие от города Москвы в России до города Бухары в Бактрии/в кн. Исторические путешествия: извлечение из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв./сост. В. Алексеев. Сталинград: Краев. кн. изд-во, 1936.

16. *Карабущенко П.Л.* Астраханское ханство: воеводская власть и местное сообщество XVI-XVII веков. Астрахань: б. и. 2008.
17. *Кидирниязов Д.С.* Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XVI-XVIII вв. Махачкала: б. и. 1999.
18. Ключаревская летопись (история о начале и возобновлении Астрахани). Астрахань: Типография Губернского правления, 1887.
19. Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии, Астрахань: Изд-во Астрах. комитета православного миссионерского общества. 1910.
20. Наказ Астраханским воеводам (1677 г.). Астрахань: б. и. 1947.
21. Отчет Астраханской Градской полиции/ГААО, ф.2, оп.1, д.325.
22. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань: б. и. 1889.
23. Очерки Астраханского края. Золотоордынская Астрахань. Астрахань: б. и. 1925.
24. Переписка с Комиссией калмыцких дел МВД о грабежах и убийствах, совершаемых малодербетовским владельцем Талдутовым с группой вооруженных калмыков». ГААО, ф.2, оп.1, л.265.
25. Положение о евреях. ГААО. Ф.2, оп.1, д.2108.
26. *Романова А.П.* Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтничного региона // Каспийский регион: политика, экономика, культура. №4 (25), 2010.
27. *Саввинский И.И.* Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в 18 веке. Астрахань: Типография В.Л. Егорова, против Окружного Суда. 1900.
28. Указ о переселенцах из других мест. ГААО. Ф.999, оп.1, д.47
29. Указ камер-коллегии о разрешении шведским пленным жить в городах. ГААО, ф.394, оп.4, л.43.
30. Указы императрицы Екатерины II (1775). ГААО.Ф.1, оп.1, д.948
31. *Урастаева Г.Д.* Астраханские казахи: история и современность. Астрахань: Изд-во ГУП ИПК «Волга», 2000.
32. Челобитные частных лиц по разным вопросам. ГААО, Ф.1, оп.6, т.2, д.2150, л. 37.
33. Челобитные частных лиц по разным вопросам. ГААО, Ф.1, оп.6, т.2, д.2150, л.231.

СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЯХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

.....

Ю. Б. Шлыкова, Е. М. Шахова¹

В статье представлены результаты исследования стратегий достижения и переживания ситуаций успеха в жизни, отраженных в автобиографических воспоминаниях мужчин и женщин. Выделены конкретные стратегии достижения успеха; проанализированы гендерные особенности отношения к ситуации успеха в жизни; определены основные жизненные сферы, в которых описываются ситуации успеха; представлены некоторые возрастные особенности переживания успеха.

Ключевые слова: жизненный успех, субъективная оценка успешности, стратегии достижения успеха, автобиографические воспоминания.

The article presents empirical research of strategies of achievement and experiencing of situations of success in personal life history, which presents in men and women autobiographical memories. Allocated some strategies of achievement of success; analyzed gender specific of relation to situations of success; defined main life spheres in which life success describes; shown age features of experiencing of success.

Key words: life success, subjective value of successfulness, strategies of achievement of success, autobiographical memories.

На современном этапе развития в психологии растет интерес к изучению человека как субъекта, активность которого позволяет ему самостоятельно созидать свою жизнь. В свете этих научных проблем актуальным становится исследование субъективного восприятия человеком жизненного пути, своего прошлого.

В психологической науке проблемой жизненного пути и автобиографическими воспоминаниями занимались многие ученые — представители различных школ и направлений: А. Адлер, Ш. Бюлер, У. Наиссер, С. Л. Рубинштейн,

---

¹ Шлыкова Юлия Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ. Эл. почта: magnoly@mail.ru

Шахова Елизавета Михайловна – аспирантка кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ. Эл. почта: alshakhova@yandex.ru

Б.Г. Ананьев, К.А. Альбуханова-Славская, А.А. Кроник, Н.А. Логинова, Е.Е. Сапогова, В.В. Нуркова и др.

Автобиографическая память включает в себя (и в определенном смысле регулирует) генерализированное самоотношение личности [5]. Одним из ведущих компонентов самоотношения человека является его представление о себе как личности, которое обязательно содержит представление о собственной успешности в жизни [1]. При этом понятие успешности относится не только к профессиональной сфере, но и ко всем психологическим пространствам бытия [2; 3]. Жизненная и личностная успешность — сложные феномены, исследованию которых посвящено мало работ.

Для взрослого человека основным критерием позитивной динамики в жизни становится ощущение собственного успеха. Успех может пониматься объективно и субъективно, может относиться к разным сферам самоактуализации человека [3].

Прежде всего, успешность — объективно-субъективная характеристика, включающая в себя как показатели внешней оценки со стороны общества, так и внутреннее переживание гармоничности, самоактуализации человека [1; 4]. Данный комплекс оценок создает в самосознании человека общую оценку себя как успешного или неуспешного. Одним из механизмов построения этого образа служит обобщение жизненного опыта человека в субъективной картине жизненного пути. Представления о собственном жизненном пути включают в себя систему автобиографических воспоминаний, которые поддерживают имеющуюся оценку себя как успешного/неуспешного человека [6].

Мы обратились к изучению образа себя как успешного человека, представленного в автобиографических воспоминаниях личности.

Целью исследования стало изучение стратегий достижения и переживания успеха в жизни в автобиографических воспоминаниях мужчин и женщин.

Для достижения поставленной цели нами использовались контент-анализ автобиографических воспоминаний и беседа. В исследовании приняли участие 14 мужчин и 17 женщин в возрасте 35–45 лет. Возраст респондентов избран в связи с тем, что этот период относительно стабилен в жизни человека, но связан с переосмыслением продуктивности собственной жизни. Мы предположили, что для данной возрастной группы актуально переживание успешности собственной жизни. Респонденты имели разные профессиональные сферы занятости, семейное положение, материальную обеспеченность. Мы специально не учитывали эти значимые факторы, чтобы усилить гендерный аспект переживания жизненного успеха в автобиографических воспоминаниях.

Респондентам предлагалось описать несколько значимых воспоминаний о себе, связанных с ситуацией успеха или неудачи.

– первое воспоминание об успехе, которое приходит в голову;

- самый первый успех в жизни;
- воспоминание об успехе в дошкольном возрасте;
- воспоминание об успехе в школьный период;
- воспоминание об успехе во взрослой жизни;
- воспоминание об успехе за последний год;
- воспоминание об успехе в профессиональной сфере;
- воспоминание об успехе в других сферах;
- самый большой неуспех в жизни;
- достижение, ситуация успеха, к которым стремитесь.

Представленные события предполагают различную смысловую нагрузку, которая позволит выявить как отдельные особенности отношения к успеху в жизни, так и общий субъективный уровень жизненной успешности личности [6].

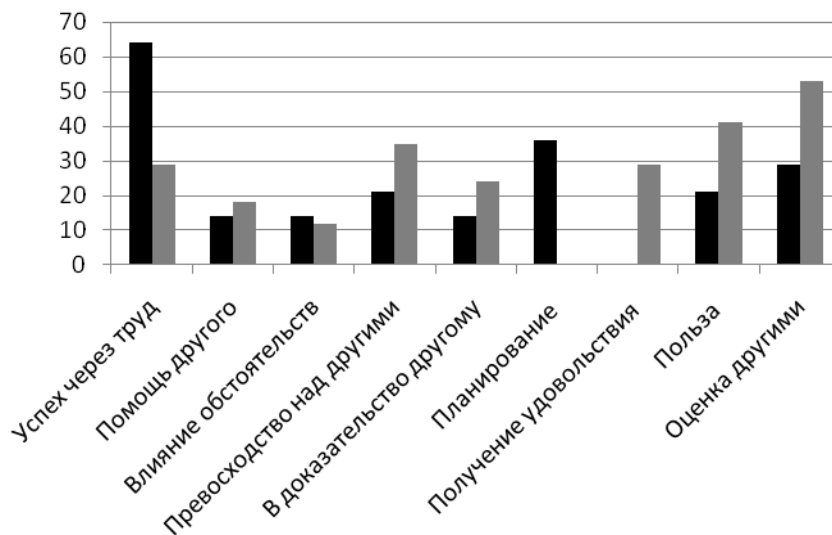
В целом все воспоминания направлены на определение ведущей сферы жизненных достижений и основной стратегии достижения жизненного успеха.

Каждое воспоминание анализировалось отдельно и включало сравнительный анализ групп мужчин и женщин. Значимость различий между группами определялась с помощью Q-критерия Розенбаума.

Первым параметром анализа воспоминаний о ситуации успеха стали стратегии, определяющие поведение в описываемых событиях. Стратегии выделены эмпирически из анализа воспоминаний, в текстах стратегии определялись субъективно исследователем и уточнялись в беседе с респондентами.

Нами были выделены следующие поведенческие стратегии:

- 1 — достижение успеха через труд. Успех представлен как результат собственных усилий.
- 2 — успех при помощи другого человека. Описание ситуации, в которой другой человек сыграл главную роль в достижении успеха.
- 3 — успех как стечение обстоятельств.
- 4 — успех для демонстрации превосходства над другими. Описание, при котором респондент демонстрирует, что он значительно лучше других людей и более достоин достигнутого результата.
- 5 — достижение успеха в доказательство другому. Предполагает описание ситуации успеха с целью продемонстрировать свои способности конкретному человеку в доказательство его ошибочного представления о респонденте в прошлом.
- 6 — планирование достижения успеха. Ситуация, при которой описывается, как респондент планировал получить желаемый результат и поэтапно достигал поставленной цели.

Распределение стратегий достижения успеха в группах мужчин и женщин (%)

7 — получение удовольствия от успеха. Описываются эмоциональные переживания респондента в ситуации успеха. Успех ради удовольствия, а не результата.

8 — успех как польза для других людей.

9 — успех через оценку другими. Ситуация успеха описывается с точки зрения другого, включает мнение и оценку другого.

Обобщенные результаты представлены на рисунке.

Анализ текстов показал, что у мужчин и женщин имеются различия в предпочитаемых стратегиях поведения. В группе мужчин преобладает стратегия достижения успеха через труд («Мне всегда так приходится выкладываться, чтобы получить результат. Это только жена думает, что я ничего там не делаю...»), «Я тренировался иногда по 5-7 часов, чтобы снова набрать форму...»). Данная стратегия представлена у 64% мужчин. Для мужчин главным в достижении успеха будущего или в описании прошлых достижений является собственное усилие. Успех для них — результат труда, целенаправленной деятельности.

Также в группе мужчин выражена стратегия достижения успеха через планирование собственного поведения. Мужчинам свойственно ставить перед собой цель и двигаться к ней, рассчитывая собственные силы и способности.

В группе женщин ведущей стратегией оказалось достижение успеха для позитивной оценки со стороны значимого другого. 53% женщин описывают успех

как ситуацию, в которой другой человек позитивно отзывается об их достижении («Мне было так приятно, что мои стихи оценили и меня выбрали на этот конкурс...»), «Помню, маме он тогда очень понравился, что не могло меня не радовать...»).

Отметим, что у женщин стратегии выражены более равномерно, чем у мужчин. В воспоминаниях женщин успех связан с пользой для других людей и ощущением превосходства над другими. В равной степени представлены стратегии достижения успеха для доказательства чего-либо другому человеку, для получения удовольствия от переживания успеха и достижения успеха через труд.

Основными различиями в стратегиях достижения успеха и отношении к успеху мужчин и женщин мы считаем:

- более высокие показатели достижения успеха через труд и планирование достижений у мужчин;
- более высокие показатели успеха в доказательство другому, в зависимости от оценки другого, удовольствия от достижения успеха и пользы для другого у женщин.

Для мужчин успех — это скорее инструментальная характеристика, связанная с их достижениями, а для женщин успех — в большей степени психологическая составляющая личного благополучия.

Мужчины в достижении успеха больше ориентированы на собственные планы, а женщины — на оценку окружающих.

Далее мы рассматривали представленность различных жизненных сфер в описанных ситуациях успеха у мужчин и женщин. Данный параметр избран нами для уточнения ведущего пространства самоактуализации личности в ситуации успеха. Так как задание не предполагало ориентации на одну жизненную сферу, мы решили уточнить, как много пространств включает личность в описание ситуации жизненного успеха.

Результаты представлены в табл. 1. Отметим, что данный критерий не анализировался по 7-му воспоминанию, так как оно по инструкции предполагало отнесенность к профессиональной сфере. Жизненные сферы определялись эмпирически из воспоминаний респондентов.

Первое воспоминание, которое вспомнили респонденты, у мужчин в большей степени относится к профессиональной сфере. Также имеются события, связанные со спортивными достижениями и учебой. Мужчины успех рассматривают как конкретное, реальное достижение. В группе женщин нет одного ярко выраженного направления воспоминания. Представлены профессия, учеба, семья, творчество, спорт и межличностные отношения. Представления женщин об успехе более разнообразные, индивидуальные по сравнению с мужчинами.

Таблица 1

Представленность сфер в воспоминаниях мужчин и женщин, %

Содержание воспоминания	Первое вспомнившееся		Первый успех в жизни		Успех, не связанный с профессией		Самый большой неуспех в жизни		Успех, к которому стремитесь	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Сфера ситуации успеха	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Профессия	43	12**	0	0	0	0	21	18	21	12
Учеба	21	24	57	29**	7	0	36	18*	0	0
Семья	0	24*	0	18*	7	35**	0	0	7	41**
Хобби, творчество	7	12	14	29	29	12*	7	6	7	12
Общение	0	0	0	0	14	6	0	6	7	0
Здоровье	7	6	0	6	0	12*	7	12	29	12*
Внутренний мир	0	0	0	0	0	12*	0	0	0	6
Общественная деятельность	0	0	0	0	7	0	0	0	0	0
Материальное положение	0	0	0	0	7	0	7	0	29	6**
Спорт	21	12	29	0**	29	6**	21	6**	0	0
Межличностные отношения	0	12	0	18*	0	18*	0	35**	0	12

* — значимость различий при $p < 0,05$; ** — значимость различий при $p < 0,01$.

Второе воспоминание — самое раннее по хронологии — относится у мужчин к ситуации учебной деятельности. Менее выражены спортивные достижения и хобби, творчество. У женщин в меньшей степени представлена учебная сфера, но больше других сфер — творчество, межличностные отношения, семья.

Среди воспоминаний из произвольно выбранной сферы (№ 8) у женщин превалирует семейная сфера (39%) и множество отдельных воспоминаний из других сфер. В группе мужчин преобладает успех в спортивной деятельности и в реализации хобби («Я наконец купил себе гитару, давно хотел, но не решался...»).

Неуспех в жизни мужчины связывают прежде всего с учебой, профессией или спортом. Для женщин ситуация неуспеха больше связана с межличностными отношениями («Мне было неприятно узнать, что он меня обманывал все это время, но такова жизнь...»). Также имеются воспоминания о неудачах в профессии и в учебе.

Идеальный успех, к которому стремятся мужчины, представлен тремя сферами — профессией, здоровьем и материальным положением. Для женщины идеальная ситуация успеха описывается в сфере семейных отношений.

Таблица 2

Представленность жизненных сфер в воспоминаниях мужчин и женщин
в зависимости от возраста, %

Сфера ситуации успеха	Описываемый период							
	Дошкольный возраст		Школьный период		Во взрослой жизни		За последний год	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Профессия	0	0	0	0	43	18**	57	18**
Учеба	0	12	36	18*	0	0	0	0
Семья	14	18	0	0	7	29**	7	47**
Хобби, творчество	36	29	7	24**	43	12**	14	12
Общение	7	0	7	12	0	6	14	0
Здоровье	7	24*	0	6	0	24**	7	6
Внутренний мир	0	0	0	12	0	12	0	12
Общественная деятельность	0	0	0	0	0	0	0	0
Материальное положение	0	0	0	0	7	0	0	0
Спорт	36	6**	50	6**	0	0	0	0
Межличностные отношения	0	12	0	24**	0	6	0	6

* — значимость различий при $p < 0,05$; ** — значимость различий при $p < 0,01$.

Как видим, для мужчины успех — это конкретное достижение, что отражено и в описании неудач, и в представлениях о желаемом успехе в будущем. Для женщин успех связан с благополучием в отношениях с близкими людьми — семьей, противоположным полом. Особенно это проявилось в воспоминаниях о неудаче и представлениях об идеальном успехе.

Далее рассмотрим воспоминания, относящиеся к разным возрастным этапам (табл. 2).

В воспоминаниях дошкольного периода жизни у мужчин ведущими оказались сферы хобби, творчества и спортивных достижений. В группе женщин распределение сфер более равномерное. Имеются воспоминания, связанные с творчеством (29%), здоровьем (24%), семьей (18%), межличностными отношениями и учебой.

Воспоминание об успехе в школьный период развития у мужчин связано со спортом (50%) и учебой (36%). У женщин школьный период представлен снова большим разнообразием сфер, причем наиболее выражены межличностные отношения (24%) и творчество (24%). В отличие от мужчин, практически нет воспоминаний о спортивных достижениях, но появляются воспоминания, касающиеся внутриличностной сферы («Тогда я впервые почувствовал,

что чего-то стою в этой жизни», «Я понимал, что теперь навсегда изменю отношение к себе...»).

В воспоминаниях взрослой жизни у мужчин преобладают профессиональный успех и успех в реализации хобби. У женщин при всем разнообразии описываемых сфер ведущими оказались семья (29%) и здоровье (24%).

В воспоминаниях об успехе, произошедшем за последние полгода жизни, у мужчин однозначно лидирует профессиональная сфера (57%), у женщин — семейные достижения (47%).

Таким образом, анализ представленности различных жизненных сфер в воспоминаниях о жизненном успехе показал следующие различия между женщинами и мужчинами:

— количество сфер, затрагивающих ситуацию успеха, у женщин значительно больше, чем у мужчин; женщины переживают ситуации успеха в разных сферах собственной жизни, для мужчин существуют приоритетные сферы достижений;

— мужчина чаще реализует успех в профессиональной деятельности, в спортивных достижениях, в увлечениях, хобби; для женщин переживание успеха больше связано с межличностными отношениями и семейной жизнью;

— для мужчин успех — это достижение результата, для женщин — переживание, связанное с оценкой другими.

Подводя итог проведенного исследования, направленного на определение стратегий достижения успеха мужчинами и женщинами через анализ автобиографических воспоминаний, сформулируем ряд основных выводов.

1. Ведущая стратегия мужчин — успех через труд; также используется планирование достижений. Группа женщин представлена несколькими стратегиями, но большая часть из них связана с оценкой достижений другим человеком (польза для других; положительная оценка другого; в доказательство другим), также присутствует получение удовольствия от успеха.

2. Женщины включают в понимание жизненного успеха большее количество жизненных сфер (профессиональную, семейную, межличностную, здоровье). У мужчин одна ведущая сфера успеха — профессиональная, умереннее выражена сфера увлечений, хобби.

3. В целом для мужчин успех — это конкретный результат, объективное достижение. Для женщин успех — это скорее переживание своей значимости, чувство внутренней удовлетворенности.

Проблема восприятия человеком собственной успешности в разных сферах жизнедеятельности требует глубокого, всестороннего анализа. В том, насколько успешным ощущает себя человек, какими ресурсами он обладает и как переживает неудачи, отражены свойства его личности, условия его развития

и воспитания, отношения с социальным окружением. Но для зрелого человека образ себя как успешного или неуспешного служит регулятором жизненной активности, самоактуализации.

Библиографический список

1. *Бевзенко Л. Д.* Жизненный успех, ценности, стили жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 4.
2. *Иванова Н. Л.* Индивидуальные представления об успешности. URL: http://www.elitarium.ru/2011/02/21/predstavlenija_ uspeshnosti.html
3. *Ключников С. Ю.* Фактор успеха, новая психология саморазвития. М.: Беловодье, 2002.
4. *Либин А. В.* Стратегии жизненного успеха и мотивация достижения. URL: http://www.elitarium.ru/2007/08/29/strategii_ uspekha_i_motivacija_dostizhenija.html
5. *Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.
6. *Шлыкова Ю. Б.* Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.

ИННОВАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ

.....

Н. М. Волобуева¹

В статье обсуждается проблема отношения молодежи к инновациям в связи с развитостью жизнестойкости. Представлены результаты изучения особенностей развития инновативных качеств современной молодежи. Описаны особенности жизнестойкости молодежи, обучающейся в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: жизнестойкость, инновационность, инновативные качества.

In the article is discussed the problem of the youth relation to innovations in hardiness development connection. The results of studying the peculiars innovative development of modern youth are presented. The features hardiness the youth trained in a higher educational institution are described.

Key words: hardiness, innovation, innovative qualities.

Наша страна на данном этапе своего становления входит в число стран с развивающейся экономикой, в которых осуществляется переход от традиционной научно-технической политики к инновационной. Происходит большое количество изменений в различных сферах жизнедеятельности человека. За счет них ускоряется ритм жизни, повышается степень эмоционального и психического напряжения, появляются такие формы активности, о существовании которых человек не мог предположить еще несколько десятилетий назад. Высокий темп современной жизни с постоянно усложняющимися условиями предъявляет к человеку повышенные требования. Активно изменяющаяся среда требует соответствующего поведения от человека, и не просто приспособительной активности, но активности преобразующей. Каждый человек по-своему реагирует на эти изменения: кто-то стремится к ним, желая таким образом изменить свою жизнь и себя, кто-то пытается игнорировать или отрицать их. Успешность инновационных процессов в значительной степени определяется теми характеристиками человека, которые связаны с его взаимодействием с новыми идеями и технологиями.

¹ Волобуева Наталия Михайловна — аспирантка кафедры возрастной и социальной психологии Белгородского государственного университета. Эл. почта: nataliavolobueva@yandex.ru

Э. Роджерс предложил типологию субъектов инновационной деятельности в зависимости от степени их вовлечённости в процесс внедрения и реализации новых идей, решений и технологий. Он выделил: «инноваторов», склонных идти на риск ради инноваций; «ранних последователей», владеющих информацией об инновациях и готовых к их принятию; «раннее большинство», которое не принимает идей и нововведений первыми, склонно к предварительному обдумыванию; «позднее большинство», представленное в основном скептиками; «отстающих», которые являются консерваторами, привязанными к прошлому и неохотно принимающими что-либо новое [7].

Другой исследователь, М. Киртон, предложил типологию участников инновационного процесса в зависимости от особенностей их мышления и отношения к новым идеям. В соответствии с этой теорией каждый человек находится в определённой точке шкалы: «адаптор — инноватор». «Адапторы», по его мнению, склонны предлагать решения, приемлемые для большинства, редко пренебрегают правилами, являются надёжными, аккуратными, методичными, осмотрительными, дисциплинированными, к переменам относятся скептически. «Инноваторы», напротив, мыслят беспорядочно, неординарно подходят к решению задач, гибки и изобретательны, часто нарушают правила, склонны к риску, являются генераторами новых идей и нуждаются в переменам [6].

А. Л. Журавлев выделяет социально-экономические типы людей в зависимости от интенсивности проявления следующих психологических компонентов по отношению к организационно-экономическим нововведениям:

— психологическая готовность к нововведениям (мотивационный компонент);

— подготовленность к жизнедеятельности в новых условиях (знания, умения, навыки, опыт и т. п.);

— реальная активность (действия, поступки, практическая деятельность).

Разные сочетания желаний, знаний и действий позволяют разделить людей на несколько типов: от активных реформаторов (желают экономических изменений, умеют работать в новых условиях и активно действуют) до активных противников перемен (не желают, не умеют и действуют против изменений) [1, с. 10]. Таким образом, восприимчивость к переменам, готовность к риску, гибкое реагирование на разного рода изменения определяют инновативность или инновационность человека.

В.Е. Клочко и Э.В. Галажинский определяют инновативность как интегральную характеристику, включающую в себя две основные составляющие, обуславливающие инициацию инновационного поведения: инновационный потенциал личности и мотивационную готовность к инновационному поведению. Инновационное поведение они трактуют как поведение, которое осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенче-

ских стереотипов. Оно опосредовано тремя факторами (возможности человека, среда, отвечающая этим возможностям, готовность человека реализовать свои возможности). Авторы считают, что инновационный потенциал — это «личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения» [2, с. 235].

С.Р. Яголковский под инновационностью понимает способности человека воспринимать новые идеи и технологии, а также осмысливать их и творчески дорабатывать. В связи с этим ученый выделяет два вида личностной инновационности: сенсорную и когнитивную. Он отмечает, что поведенческие проявления сенсорной инновационности могут быть связаны с поиском и принятием риска. Когнитивная инновационность — это тенденция получать удовлетворение от нового опыта, от взаимодействия с чем-либо новым и от изучения закономерностей функционирования этого нового. Она обуславливается потребностью в новом знании о вещах, фактах, процессах и о том, как они взаимосвязаны между собой [5, с. 93]. По мнению автора, инновационность субъектов проявляется в связи с влиянием на нее определенных личностных факторов: потребности в стимуляции, стремлении к новизне, чувствительности к противоречиям, склонности к риску, креативности, готовности к переработке информации, независимости суждений, открытости опыту, осведомленности и пр.

Таким образом, инновативность — это характеристика личности, способствующая ее включению в процессы, происходящие в инновационном обществе (не просто адаптироваться, но и активно проявлять себя в них)

Н.М. Лебедева выделяет набор характеристик (инновативных качеств личности), которые способствуют позитивному отношению к инновациям и активному включению в инновационный процесс: желание заниматься творчеством; независимость; конструктивное отношение к ошибкам; любовь к исследованию, любознательность; поощрение креативности в других людях; готовность вкладывать денежные средства в инновации; способность действовать в нестабильной среде; уверенность в том, что изменения — это путь к успеху; нацеленность на будущее; готовность к риску; креативность; открытость всему новому; стремление к разнообразию; смелое отношение к неизвестному; активный поиск новых возможностей. Она выделила три фактора, которые объединяют эти характеристики: креативность, риск ради успеха, ориентацию на будущее. Общий уровень развития этих качеств

Н.М. Лебедева определяет как индекс инновативности [3]. Данное словосочетание употребляется в основном в экономической литературе, в психологии синонимом ему является инновационный потенциал.

В.Е. Клочко и Э.В. Галажинский совокупность инновативных качеств считают лишь частью инновационного потенциала личности. Таким образом, вы-

сокое развитие инновативных качеств (креативность, риск ради успеха, ориентация на будущее) будет способствовать развитию инновативного потенциала человека.

По нашему мнению, для развития инновативных качеств необходимо развитие жизнестойкости. Жизнестойкость мы рассматриваем как ресурс, позволяющий снизить стрессогенные эффекты инновационного общества. Это происходит за счет развития таких компонентов, как вовлеченность, контроль и принятие риска. Они помогают человеку находить полезное и ценное для себя в происходящем и извлекать опыт из уже случившегося, способствуют ощущению контроля над собственной жизнью за счет ответственности, которую человек берет на себя.

Термин «жизнестойкость» был введен С. Мадди. Развитие личностных установок, включаемых им в понятие жизнестойкости, может стать основой для более позитивного мироощущения человека, повышения качества жизни, превращения препятствий и стрессов в источник роста и развития. Жизнестойкие убеждения влияют на оценку ситуации благодаря готовности активно действовать и уверенности в возможности влиять на ситуацию. Снижение жизнестойкости неразрывно связано с более частой оценкой ситуации как несущей угрозу, а себя — как неспособного ее контролировать. Ученый считает, что жизнестойкий человек делает «выбор в пользу будущего», т. е. ориентирован на изменения. Регулярный выбор будущего обеспечивает постоянный приток нового опыта. Благодаря этому «человек все сильнее вовлекается в свою разворачивающуюся, развивающуюся жизнь... начинает глубже мыслить, становится более сложным и индивидуализированным» [4, с. 89].

Мы провели исследование особенностей развития инновативных качеств у молодых людей с различной жизнестойкостью. В исследовании приняли участие 115 студентов и аспирантов НИУ «Белгородский государственный университет», факультета психологии, факультета романо-германской филологии, инженерно-физического факультета, геолого-географического факультета в возрасте от 17-25 лет.

В качестве инструментария использовались тест жизнестойкости (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова) и шкала самооценки инновационных качеств личности (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко).

При выборе методик учитывались: положительная оценка применения и надежность методики по данным ряда отечественных и зарубежных исследователей; доступность методики для изучаемого контингента; пригодность данной методики для групповых обследований; возможность математической обработки результатов и пр.

Данные, полученные при исследовании жизнестойкости, позволили нам разделить всех респондентов на три группы: с уровнем жизнестойкости выше

среднего, со средним уровнем и с уровнем жизнестойкости ниже среднего. В первую группу вошли 25 чел. (21,7%), во вторую — 71 чел. (61,7%), в третью — 19 чел. (16,5%). В нашей работе к компонентам жизнестойкости (по С. Мадди) отнесены: вовлеченность, контроль, принятие риска.

В табл. 1 представлены показатели компонентов жизнестойкости в зависимости от уровня жизнестойкости.

Таблица 1

Средние значения вовлеченности, контроля и принятия риска у групп испытуемых с различным уровнем жизнестойкости (Me)

Уровни жизнестойкости	Компоненты жизнестойкости		
	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска
Выше среднего	45	38	23
Средний	38	29	17
Ниже среднего	24	20	11

Как видно из табл. 1, при переходе с более низкого уровня жизнестойкости на более высокий повышаются показатели всех компонентов жизнестойкости. При этом вовлеченность служит центральным компонентом в определении общей жизнестойкости личности.

При исследовании инновативных качеств (креативность, риск ради успеха, ориентация на будущее) современной молодежи мы выяснили, что 93% студентов НИУ БелГУ имеют средний индекс инновативности (Me = 3,25) и 7% — высокий индекс инновативности (Me = 4,41). В группе испытуемых со средним индексом инновативности наблюдается средняя выраженность инновативных качеств: креативности (Me = 15), способности рисковать ради успеха (Me = 12), ориентированности на будущее (Me = 13). В группе испытуемых с высоким индексом инновативности высоко выражена креативность (Me = 19,5). Это свидетельствует о том, что для этой группы испытуемых важно разнообразие в жизни, им нравится создавать и придумывать что-то новое, для них характерна любознательность. Остальные качества имеют среднюю степень выраженности. Таким образом, у молодежи, обучающейся в высшем учебном заведении, высокий индекс инновативности обеспечивает развитая креативность.

Мы выявили особенности инновативных качеств у молодежи с различным уровнем жизнестойкости личности. В группу испытуемых с уровнем жизнестойкости выше среднего вошли 16% испытуемых с высоким уровнем инновативности и 84% — со средним. В группу со средним уровнем жизнестойкости вошли 4% испытуемых с высоким индексом инновативности и 96% — со средним. В группе с уровнем жизнестойкости ниже среднего у 100% испытуемых — средний индекс инновативности. Таким образом, чем выше жизнестойкость

студентов, тем выше индекс инновативности. Полученные данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Средние значения выраженности инновативных качеств и индекса инновативности у молодежи с различным уровнем жизнестойкости (Me)

Уровень жизнестойкости	Инновативные качества			
	Креативность	Риск ради успеха	Ориентация на будущее	Индекс инновативности
Выше среднего	4,25	3,25	3,75	3,66
Средний	3,75	3,12	3,25	3,33
Ниже среднего	3,25	2,5	2,5	2,91

При сравнении испытуемых, имеющих уровень жизнестойкости выше среднего и ниже среднего по степени выраженности креативности, ориентации на будущее, способности идти на риск ради успеха и общему индексу инновативности, были получены статистически значимые различия между всеми показателями (табл. 3).

Таблица 3

Статистические различия в выраженности инновативных качеств и индексе инновативности у молодежи с уровнями жизнестойкости ниже среднего и выше среднего

Показатели	Креативность	Риск ради успеха	Ориентация на будущее	Индекс инновативности
t-критерий Стьюдента	3,17	3,83	4,35	4,38
Уровень значимости различий	$p < 0,01$	$p < 0,01$	$p < 0,01$	$p < 0,01$

Таким образом, можно сделать вывод о том, что испытуемые с развитой жизнестойкостью умеют находить нетрадиционные методы решения различных задач, эффективно реагируют на изменения, способны идти на риск ради успеха и не боятся перемен в своей жизни. Они вполне комфортно чувствуют себя в нестабильной среде, не боятся ошибок и конструктивно реагируют на них. Чем ниже уровень жизнестойкости, тем слабее проявляются данные тенденции у представителей молодежи.

Библиографический список

1. Журавлев А. Л. Социальная психология личности и малых групп: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 4.
2. Клочко Е. В., Галажинский Э. В. Психология инновационного поведения. Томск: Томский гос. ун-т, 2009.

3. *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Методика исследования отношения личности к инновациям. URL: <http://www.hse.ru/data/2010/03/27/1217653332/>
4. *Мадди С.* Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6.
5. *Яголковский С. Р.* Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М: НИУ ВШЭ, 2011.
6. *Kirton M. J.* Adaptors and innovators — Why new initiatives get blocked // Long Range Planning. 1984. Vol. 17. Issue 2. April.
7. *Rogers E. M.* Diffusion of innovations. 4th ed. New York: Free Press, 1995.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО КОРРЕКЦИИ ДВИГАТЕЛЬНЫХ И ПСИХОМОТОРНЫХ НАРУШЕНИЙ ДЕТЕЙ В ДОМАХ РЕБЕНКА

.....

Е. В. Величко, Д. В. Райский¹

Обсуждаются проблемы двигательного развития воспитанников Дома ребёнка. Особое внимание уделяется осуществлению системы оздоровления детей с нарушениями в развитии путём совмещения воспитательно-образовательного процесса и некоторых медицинских оздоровительных мероприятий. Показаны некоторые результаты исследования развития двигательных способностей детей в Доме ребёнка.

Ключевые слова: двигательное развитие, Дом ребёнка.

The problems of the motor development of pupils orphanage. Special attention is paid to the implementation of rehabilitation of children with developmental disorders by combining educational and educational process and some of the medical health measures. Shows some of the results of studies of the development of motor abilities of children in the orphanage.

Key words: motor development, orphanage.

В настоящее время проблема детей, оставшихся без попечения родителей, приобретает особое значение в связи с социальным кризисом, ведущим к изменению нравственного и материального благополучия населения. Поэтому Дома ребёнка не исчезают, а численность детей в них постоянно растёт.

По данным статистики, на сегодняшний день более 80% детей поступают в Дома ребёнка из неполных семей, 10% воспитанников составляют дети от несовершеннолетних матерей, 35-40% — дети от родителей, страдающих алкоголизмом, 24% — от родителей, находящихся в местах лишения свободы, до 3,5% — от родителей-наркоманов и ВИЧ-инфицированных [13].

---

¹ Величко Елена Владленовна – аспирантка кафедры педагогики и предметных технологий Астраханского государственного университета. Эл. почта: elenavelichko72@mail.ru

Райский Дмитрий Валериевич – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры поликлинической педиатрии с курсом семейной медицины Астраханской государственной медицинской академии. Эл. почта: d_eden@mail.ru

подавляющее большинство воспитанников Домов ребенка имеют патологию уже при рождении. Основной контингент специализированных Домов ребенка — дети с последствиями перинатального повреждения центральной нервной системы различного генеза. У многих из этих детей отмечается одно или несколько сопутствующих заболеваний или состояний, мешающих нормальному развитию. У ребенка с депривацией родительского внимания, помещенного в условия стационарного учреждения, снижается общий психический тонус, нарушаются процессы саморегуляции, доминирует подавленное состояние [3]. У него появляется чувство тревоги и неуверенности в себе, исчезает заинтересованное отношение к миру, ухудшаются эмоциональная регуляция, эмоционально-познавательные взаимодействия и впоследствии тормозится интеллектуальное развитие.

Известно, что непременным условием психического развития детей прежде всего является состояние их физического здоровья, так как оно во многом определяет их познавательную активность. Большинство ученых в области медицины, педагогики и психологии одним из важных аспектов социализации ребёнка с интеллектуальной недостаточностью считают нормализацию его физического состояния [1; 4; 5; 14].

Во многих работах отмечается, что у большинства детей с задержкой психического развития (ЗПР) наблюдаются нарушения формирования двигательных навыков различной степени выраженности [9-11]. Эти нарушения, как показала практика, в наибольшей степени отягощаются проявлениями госпитализма².

Анализ программных и методических материалов по физическому воспитанию детей дошкольного возраста [3; 13-15, 18; 19] и организация этого процесса на практике в течение 10 лет позволяют нам сделать вывод о том, что главное внимание в процессе рекомендуемых этими программами занятий уделяется обучению детей основным движениям (ходьба, бег, упражнения в равновесии, лазанье, прыжки, метание), а доля внимания к развитию физических качеств (выносливость, быстрота, сила, гибкость и ловкость) воспитанников домов ребёнка оказывается чаще всего необоснованно занижена. В результате дети не получают достаточной физической нагрузки, обладающей тренирующим воздействием и влияющей на развитие их физических качеств и повышение уровня здоровья. Такие методические приёмы можно объяснить страхом причинения вреда, поскольку пороги переносимости и тренирующие уровни физической нагрузки для детей раннего и младшего дошкольного возраста исследованы недостаточно. Результаты комплексных исследований двигательных способностей детей раннего и преддошкольного возраста с задержкой психического развития, проживающих в условиях родительской депривации, в мо-

² Госпитализм – совокупность психических и соматических расстройств, обусловленных длительным пребыванием ребёнка в больничном стационаре в отрыве от близких людей и дома [12, с. 76].

нографических работах и периодических изданиях мы не обнаружили. Вместе с тем исследования, посвящённые развитию детей раннего и младшего дошкольного возраста, свидетельствуют о том, что адаптационные возможности детского организма к физической нагрузке в этом плане весьма велики [7; 17].

В исследовании, проводимом на базе ГУЗ АО «Специализированный дом ребенка № 1» г. Астрахани в период с 2007 по 2009 г., мы руководствовались мнением В. Г. Фролова и Г. П. Юрко о том, что более высокий уровень развития физических качеств позволяет значительно повысить адаптационные возможности функциональных систем организма, создать благоприятные условия и предпосылки для гармоничного физического и психического развития ребенка [17].

Основная цель нашей работы — разработка комплексной программы коррекции двигательных нарушений воспитанников Дома ребёнка.

В конечную задачу исследования входила экспериментальная проверка эффективности методики комплексного развития двигательных качеств у детей 3-4 лет в режиме работы дома ребёнка и создание методических рекомендаций и указаний для воспитателей и инструкторов лечебной физкультуры в названном учреждении.

Общеизвестно, что для повышения двигательной активности необходимы упражнения, имеющие высокий потенциал двигательной энергии, обогащающие знания ребенка о собственном теле, развивающие тактильную чувствительность. Данная работа, как правило, осуществляется на занятиях по физической культуре [14]. Мы предпочли работать в этом направлении на занятиях по изобразительной деятельности.

Критерии оценки уровня физической подготовленности. Потребность в разработке критериев оценки уровня физической подготовленности воспитанников дома ребёнка появилась в результате анализа многолетних наблюдений за развитием физических качеств детей младшего дошкольного возраста, сравнения итогов тестирования с рекомендациями Министерства здравоохранения и требованиями «Программы обучения и воспитания детей в доме ребёнка» (1987).

Повышение внимания к развитию физических качеств потребовало более дифференцированной оценки их уровня.

Педагогические исследования, начатые в 2007 г., дали возможность собрать достаточно большой фактический материал по использованию различных тестов для оценки уровня физической подготовленности детей 3-4 лет. Анализ литературных источников по данному вопросу позволил составить комплекс тестов, характеризующих развитие основных двигательных качеств, и рассчитать оценочные показатели уровня физической подготовленности для воспитанников дома ребёнка: бег на 10 м определяет скоростные способности;

прыжки по квадратам, R1 (проба Ромберга пяточно-носочная) и R2 (проба Ромберга «Аист») — координационные способности; бег без учета времени и бег на 90 м на время определяют общую выносливость в разных режимах: аэробном и аэробно-анаэробном; вис, поднятие прямых ног, поднятие туловища за 30 с определяют силовые возможности разных мышечных групп; прыжок в длину с места — скоростно-силовые возможности [6; 17; 18]. Оценка уровня физического развития осуществлялась по 5-балльной системе; низкий уровень — 1, ниже среднего — 2, средний — 3, выше среднего — 4, высокий — 5 баллов. В ходе диагностирования были выявлены многочисленные двигательные нарушения у воспитанников домов ребенка в возрасте 3-4 лет и разработаны рекомендации по их устранению.

Методика комплексного развития физических качеств. Принятая в настоящее время в домах ребёнка методика физического воспитания, как уже отмечалось, ориентирована на обучение основным движениям. Перенос акцента на развитие двигательных качеств требует иного подхода к планированию и построению воспитательного процесса. Развитие двигательных качеств у детей 3-4 лет имеет свои особенности, обусловленные возрастом детей, состоянием здоровья, продолжительностью и количеством занятий, а также условиями, в которых они проводятся.

В основу разработанной экспериментальной методики развития двигательных качеств положены комплексный подход и принцип избирательного воздействия на ту или иную форму проявления качества.

Кроме двух основных еженедельных учебных занятий физическими упражнениями, проводимых через два дня, организуются четыре дополнительных внеурочных занятий: прогулка, закаливание, занятия по изобразительной деятельности. Продолжительность, интенсивность учебных занятий и двигательных прогулок предполагается одинаковой: 2,5-3 года — 10-15 мин, 3-4 года — 15-20 мин. Каждое занятие и двигательная прогулка проводятся по стандартной схеме, состоящей из трех частей: вводно-подготовительной, основной и заключительной, при соблюдении педагогических и физиологических принципов.

Педагогический и медицинский контроль, проводимый в процессе занятий, показал, что такая физическая нагрузка адекватна физиологическим возможностям организма ребенка данного возраста и не вызывает переутомления.

При разработке методики предполагалось, что основными базовыми двигательными качествами должны быть выносливость, способность сохранять равновесие, гибкость, способность к реагированию, моторная асимметрия, поддержание максимального темпа движений, точность управления движениями в пространстве. Правомерность такого подхода подтверждается научными исследованиями [16 и др.], которые показывают, что использование в процессе физического воспитания детей 3-4 лет упражнений, направленных

на развитие названных качеств, значительно повышает уровень физической подготовленности и способствует гармоническому развитию личности.

В исследовании Г. Д. Григорьева немаловажную роль играют упражнения, способствующие развитию статического и динамического равновесия [2]. Руководствуясь его выводами, мы включили физические упражнения в занятия изобразительной деятельностью 3-4-летних воспитанников дома ребёнка и синтезировали их с другими видами искусства (музыкой, фольклором), играми и оздоровительными мероприятиями (закаливание, гидропроцедуры, массаж, лечебная гимнастика и т. д.). На этой основе коллективом врачей и педагогов Специализированного дома ребенка № 1 была разработана реабилитационная программа по изобразительной деятельности, эффективность которой подтвердили результаты наблюдений.

Помимо оздоровительного эффекта и развития двигательных качеств такие занятия положительно повлияли на формирование познавательной деятельности детей, их психическое развитие. Они научились правильно воспринимать предметы окружающего их мира, явления природы, животных и растения, стали различать изобразительно-выразительные средства (ритм, цвет, линию, композицию). Занятия оказали благоприятное воздействие на формирование творческих способностей воспитанников.

По утверждению В. Т. Кудрявцева, «изобразительная деятельность зарождается на пересечении различных линий психического развития. Одна из них — линия речевого развития. Но за линией речевого развития здесь отчетливо просматривается другая — исходная, базовая генетическая линия — линия двигательного развития ребенка» [8, с. 96]. Именно моторная составляющая изобразительной деятельности в должной мере не учитывается существующими подходами к ее формированию. Исключение составляет лишь мелкая моторика, которой по понятным причинам придается особое значение. Однако моторные компоненты имеют в изобразительной деятельности, по мнению В. Т. Кудрявцева, «значительно более широкое представительство» [8, с. 96]. На наших занятиях в построении и воплощении художественного образа участвовало все тело ребёнка. При этом осмысленное телесное движение являлось самым ценным моментом изобразительной деятельности.

На протяжении всего исследования особое внимание уделялось развитию у ребёнка способности эмоционально переживать своё продуктивное действие, состояние выполняющего его органа (органов) и одновременно выражать через действие собственные переживания и чувства. Дети учились «слушать» свои руки, всё тело в моменты создания и «опредмечивания» образа. Для этого использовались методики «вхождения» в целостное психосоматическое состояние, аналогичное тому, что практикуется в процессе развития культуры движений и оздоровительно-развивающей работы. Тело в эти моменты было достаточно подвижно: дети принимали разнообразные позы, иногда притан-

цовывали, живой характер носила их мимика. Главенствующую роль тут играли кинетические (исходящие от движущихся органов) ощущения. Дети помогали себе рисовать не только движением, но и голосом.

Наряду с этим применялись самые различные орудия изобразительной деятельности (рисования). Дети рисовали не только карандашами, кистями или мелками, но и другими предметами, которые хоть как-то приспособлены для этого: деревянными палочками, веничком, катком, пальцами и ладонями (данные виды рисования сейчас широко распространены в дошкольных учреждениях), посредством ног, оставляющих следы, языка, носа, дыша на холодное стекло и т.п. Они овладевали простейшими приёмами монотипии (техники графического оттиска). В качестве материала, на который наносились рисунки, помимо бумаги использовались песок, глина, стекло, некоторые бытовые вещи и даже тело ребёнка. Функцию красок выполняла вода, детский крем, песок, рассыпаемый по поверхности дощечки, фруктовые соки и пр.

Часть занятий проходила на свежем воздухе. В летний период дети рисовали мокрыми ногами на асфальте, на стене с помощью бутылочки-брызгалки или пульверизатора. Большое внимание уделялось рисованию на асфальте мелом. Рисуя на корточках, ребёнок перемещался с одного места на другое, чем тренировал опорно-двигательный аппарат и мышцы ног. Работа в данном направлении продолжалась на протяжении всего года.

Следует отметить, что, начиная с ноября, из-за погодных условий прогулки на свежем воздухе становятся значительно короче. Сокращение времени прогулок или их полное прекращение негативно сказывается на состоянии здоровья детей. Именно зимой у них наблюдается снижение резистентности с обострением хронических заболеваний, учащением респираторных заболеваний верхних дыхательных путей. Во избежание перечисленных негативных последствий зимней гиподинамии мы продолжали закаливающие мероприятия и проведение занятий по изобразительной деятельности на свежем воздухе. Занятия в специально отведенных для этого местах позволяли не только продлевать время прогулок, но и делали их более приятными.

Как уже было отмечено, рисование стопами ног является одним из эффективных средств коррекции двигательных нарушений. В учебный процесс наших занятий включались элементы корригирующей гимнастики, способствующей профилактике нарушений осанки, косолапости и плоскостопия.

Рисование ногами на снегу возможно, как это видно из самого названия, только при наличии снега, на котором отчетливо отпечатываются детские следы. Участок, на котором проводились занятия, оформлялся различными фигурами из древесно-волоконистых панелей (ДВП), игрушками, камнями и т.д. Одним из основных требований к оформлению площадки для занятий была безопасность: обеспечивалась ровная, гладкая поверхность построек, без острых выступов, углов, чтобы избежать травматизма. Все фигуры явля-

лись функциональными. Они помогали не только рисовать, но и отрабатывать такие виды движений, как прыжки, лазание, ползание. Маршрут траектории передвижения ребенка по площадке был разработан с учетом комплексов движений и элементов лечебной гимнастики для профилактики заболеваний опорно-двигательного аппарата.

Основное условие работы с детьми этого возраста — её организация в игровой форме. На занятиях, проводимых в преддверии новогодних праздников, детям поручали наряжать дерево — они с интересом развешивали геометрические фигуры из картона на сосну, растущую на участке, и лишь затем раскрашивали эти фигуры непосредственно на дереве разведенными до консистенции густой сметаны красками четырех основных цветов. При этом ребёнку приходилось приложить массу усилий, чтобы дотянуться или допрыгнуть до нужной ветки, но интерес к работе помогал достичь желаемого результата почти всегда.

На других тематических занятиях детям предлагались большие фигуры сказочных персонажей из древесно-волоконистых панелей, некоторые детали которых необходимо было закрасить (белые заплатки на одежде). В этом случае ребёнку приходилось рисовать на корточках, взбираться на возвышенность или подпрыгивать. В проведение занятий включали соревновательный компонент, чтобы задание выполнялось с учётом времени, а игра способствовала развитию у детей способности поддерживать максимальный темп движения и структурировать время. Необходимо отметить, что организация занятий в такой форме успешно способствовала развитию у детей как координационных и двигательных, так и сенсорных способностей, поскольку помимо знакомства с геометрическими формами закреплялось и знание цвета, хотя главная цель руководителя изобразительной деятельности (воспитателя) на таких занятиях — обучение детей навыкам работы широкой кистью.

Элемент новизны привнесло рисование (раскрашивание объектов) краской без воды, поскольку использование воды на занятиях допустимо в условиях, исключающих переохлаждение детей — в приспособленных для рисования помещениях. На открытых площадках использование воды возможно только в летнее время, поэтому в сезон холодов на всех занятиях по изобразительной деятельности на открытом воздухе мы использовали рисование без воды. Специально подготовленная для занятий, доведенная до кашицеобразной консистенции гуашь толстым слоем ложилась на поверхность картона и почти не впитывалась. На таких занятиях дети работали только в перчатках и варежках. Это несколько сковывало их движения, но имело свои положительные стороны, так как способствовало развитию мелкой моторики пальцев рук, тренировало хват.

Наибольшая двигательная активность была характерна для занятия, на котором дети ловили «солнечного зайчика» ладонью с заранее нанесённой на неё

краской. На этом занятии дети одновременно и развлекались, знакомились с совершенно новым для них свойством солнечного света, развивали способность к реагированию.

На других занятиях у детей развивали способность к словесной регуляции движений. Руководитель диктовал один из способов действия, а дети, внимательно слушая, наносили кистью с белой краской точки, мазки и штрихи на крышу картонного макета домика. Такое занятие не представляет особой сложности для детей. Знакомясь с явлениями природы и новыми способами изображения, они замечали, что узор из точек, мазков и штрихов постепенно преобразуется в ровное белое покрытие, подобное образцу на иллюстрации. Занятие завершалось хороводом или танцем вокруг макета.

С явлением природы и свойствами воды воспитанников знакомили занятия с использованием природного материала. Сначала дети в помещении подкрашивали воду в небольших ёмкостях и выставляли на мороз. На следующий день, когда вода уже успевала основательно замерзнуть, они извлекали из ёмкостей цветной лёд и во время прогулки выкладывали на дорожках участка различные геометрические фигуры. На таком занятии ребёнку задавалась исходная установка — выкладывать дорожку только наклоняясь, не присаживаясь на корточки. Установка направлена на формирование правильной осанки, укрепление мышц спины, увеличение гибкости позвоночника и профилактику плоскостопия. Помимо гимнастических задач, детям давались задания на тренировку тактильного восприятия: предлагалось дотронуться до льдинок ладонью, сравнить холод льдинки с чем-нибудь теплым, например, с бутылкой, наполненной теплой водой. Дети сначала касались пальцами руки, ладонью холодных льдинок, затем — теплой бутылки, сравнивали ощущения. Все проводимые с детьми занятия прямо и косвенно были направлены также на формирование следующих линий развития: понимание речи взрослого, развитие активной речи, овладение навыками действий с предметами, расширение объема активных движений, приобретение навыков самостоятельности, расширение рамок сенсорного восприятия. Также они нивелировали неблагоприятное воздействие депривации внимания, дефицита педагогического воздействия, затяжной и тяжелой адаптации со снижением резистентности.

Нами было установлено, что 60% детей уже со второго месяца систематического рисования на свежем воздухе в зимний период перестают отвечать катаральными нарушениями верхних дыхательных путей на резкие изменения температуры внешней среды. Занятия способствовали тренировке дыхательной мускулатуры, увеличению экскурсии грудной клетки и диафрагмы, улучшению кровообращения. Необходимо отметить, что наши занятия — лишь часть круглогодичного комплекса закаливающих процедур и не нарушают ни одного из принципов закаливания, предложенных Г. Н. Сперанским: этапности, систематичности, повторяемости, постепенности увеличения закалива-

ющих процедур, положительного эмоционального отношения к закаливанию, формирования осознанной необходимости закаливания.

Проведенные нами исследования в условиях Дома ребенка показали, что внедрение некоторых видов нетрадиционных методов изобразительной деятельности в оздоровительные мероприятия несёт в себе высокую эффективность. Основные критерии этой эффективности — положительная динамика в оздоровлении детей, в их психомоторном развитии, в развитии умений и навыков по разным видам деятельности. При наличии специально организованного обучения детей можно добиться повышения уровня представлений об окружающем мире на 23%, понимания формы и величины — на 56%, активизации работы руки — на 75%, а также ускорения темпов развития речи и эмоционально-волевой сферы. Правильно организованная работа в данном направлении не только содействует развитию движений ребенка, но и способствует его общему физическому и нервно-психическому развитию, а главное, развитию творческой деятельности, в которой принимают участие ум (знание, мышление, воображение), характер (смелость, настойчивость), чувства (любовь к прекрасному).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Разработанная программа учитывает: специфические особенности моторно-двигательного, эмоционального, сенсорного, умственного, речевого, эстетического и социально-личностного развития детей 3-4 лет; их ведущие мотивы и потребности; характер ведущей деятельности; тип общения и его мотивы; социальную ситуацию развития ребёнка. Она соответствует возрастным требованиям воспитанников Дома ребёнка, способствует гармоничному развитию двигательного, познавательного и эмоционального компонентов психомоторного развития. Это проявляется в достижении ребенком более высокого уровня психомоторного развития в сравнении с детьми, не получившими подобного педагогического воздействия.

2. Чем тяжелее уровень снижения интеллектуального развития детей 3-4 лет, тем дольше сохраняется нерасчленённость психомоторики, а именно составляющих её компонентов (двигательного, познавательного и эмоционального), и тем позднее наступает постепенное их обособление, что должно учитываться в построении коррекционно-развивающей работы в Доме ребенка. Установлено, что необходимым условием достижения высоких результатов в коррекции двигательных и психомоторных нарушений воспитанников Дома ребёнка является длительное применение научно обоснованной системы работы.

Библиографический список

1. Баряева А. Б. [и др.] Программа воспитания и обучения дошкольников с интеллектуальной недостаточностью/А. Б. Баряева, О. П. Гаврилушкина, А. П. Зарин, Н. Д. Соколова. СПб.: КАРО, 2007.

2. *Григорьев Д. В.* Коррекция двигательных нарушений младших школьников с ЗПР: автореф. дис.... канд. пед. наук. СПб., 2003.
3. Дети-сироты: консультирование и диагностика развития. М.: Полиграфсервис, 1998.
4. *Дмитриев Ф. Ф.* Физическая культура в специальном образовании: учеб. пособие. М.: АСАДЕМА, 2002.
5. *Евсеев С. П., Шапкина, А. В.* Адаптивная физическая культура: учеб. пособие. М.: Советский спорт, 2000.
6. *Защиторский В. М.* Основы спортивной метрологии. М.: Физкультура и спорт, 1979.
7. *Кравчук А. И.* Физическое воспитание детей раннего и дошкольного возраста (научно-методические и организационные основы гармоничного дошкольного комплексного физического воспитания). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998.
8. *Кудрявцев В. Т.* Вопросы теории. Инновационное дошкольное образование: опыт, проблемы и стратегии развития // Дошкольное воспитание. 1999. № 12.
9. *Лебединский В. В.* Психология детей с нарушениями и отклонениями психического развития. СПб.: Питер, 2001.
10. *Марковская И. Ф.* Задержка психического развития. Клиническая и нейропсихологическая диагностика. М.: Компенс-центр, 1993.
11. *Мастюкова Е. М.* Ребенок с отклонениями в развитии. Ранняя диагностика и коррекция. М.: Просвещение, 1992.
12. Психология развития: словарь. М.: ПЕР СЭ, 2006.
13. *Русакова Н. В., Шибанова Н. В., Козлова Т. В.* Аспекты здоровья детей в домах ребенка. URL: www.krasmedic.ru/article.cgi?idc=40&ida=264
14. *Сермеев Б. В.* Особенности физического воспитания аномальных детей // Дефектология. 1984. № 3.
15. Современные технологии реабилитации в педиатрии. М.: ЛО Московия, 2002.
16. *Фомин Н. А., Вавилов Ю. П.* Физиологические основы двигательной активности. М.: Физкультура и спорт, 1991.
17. *Фролов В. Г., Юрко Г. П.* Физкультурные занятия на воздухе с детьми дошкольного возраста. М.: Просвещение, 1983.
18. *Фрухт Э. А., Пантюхина Г. В., Печора К. А.* Методы диагностики нервно-психического развития детей раннего возраста. М., 1996.
19. *Фрухт Э. А.* Программа воспитания и обучения детей в Доме ребенка. М.: Медицина, 1987.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА К ОРГАНИЗАЦИИ ТУРИСТСКО-СЕРВИСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

.....

Т. А. Асеева¹

В статье раскрыты результаты психолого-педагогического эксперимента, направленного на формирование готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности.

Ключевые слова: готовность, мотивация, организация туристско-сервисной деятельности.

The article reveals some results of a psycho pedagogical experiment aimed at building preparedness of students of higher education institutions for the tourist and service activities.

Key words: readiness, motivation, organization of tourist and service activity.

Современные педагоги и психологи едины в том, что качество выполнения любой деятельности и ее результат зависят от готовности индивида к выполнению этой деятельности. Именно готовность студентов вызывает целенаправленную активность, определяющую выбор средств и приемов, их упорядочение для достижения целей [3; 5; 6; 8]. Общее понимание готовности применимо к различным видам деятельности, поэтому готовность студентов вуза к организации туристско-сервисной деятельности рассматривалась нами как единство четырех взаимосвязанных структурных блоков: коммуникативного, эмоционального, когнитивного, мотивационно-личностного. Специалист в области организации туристско-сервисной деятельности должен быть тонким психологом, знать потребности клиента, владеть такими личностными качествами, как доброжелательность, коммуникабельность, самообладание, высокое чувство юмора, спокойствие, общительность и т. д. [1; 2; 4].

Общей целью исследования было обоснование условий и методов формирования готовности студентов вузов к организации туристско-сервисной деятельности. Была разработана специальная программа формирования этой го-

---

¹ Асеева Таисия Афанасьевна — старший преподаватель Южного института менеджмента, г. Краснодар. Эл. почта: genciana369@mail.ru

товности, направленная как на улучшение профессионально значимых умений и навыков в организации туристско-сервисной деятельности, так и на повышение уровня мотивации, интереса к профессии, что в будущем должно способствовать успешному выполнению деятельности в сфере социально-культурного сервиса и туризма. Программа апробировалась на протяжении 7 лет в Южном институте менеджмента (г. Краснодар). Занятия проводились в форме групповой работы по аналогии с группами тренинга по формированию умений и навыков. Возраст членов группы — 18-20 лет. Всего предусмотрено 10 занятий по 2-2,5 часа каждое 1-2 раза в неделю. Время проведения цикла составляет до 10 недель.

Программа занятий включала следующие темы:

1. Роль готовности студента вуза к организации туристско-сервисной деятельности.
2. Классификация профессий к организации туристско-сервисной деятельности.
3. Роль жизненных ценностей при выборе туристско-сервисной профессии.
4. Развитие умений по принятию решений к организации туристско-сервисной деятельности.
5. Эмоциональная культура как фактор успешности в организации туристско-сервисной деятельности.
6. Умение учитывать свои сильные и слабые стороны при организации туристско-сервисной деятельности.
7. Коммуникативная культура и этика общения в организации туристско-сервисной деятельности.
8. Установление и развитие коммуникации при взаимодействии с клиентом в сфере туристско-сервисной деятельности.
9. Умение учитывать сильные и слабые стороны своей личности в сфере туристско-сервисной деятельности.
10. Итоговое занятие по формированию готовности применения полученных знаний к организации туристско-сервисной деятельности.

По нашему предположению, процесс прохождения программы должен способствовать формированию готовности студентов вуза к организации туристско-сервисной деятельности.

Для проверки высказанного предположения до и после прохождения программы были проведены измерения коммуникативного, эмоционального, когнитивного, мотивационно-личностного параметров готовности. Использовалась процедура групповой оценки качеств студентов, позволяющая раскрыть основные блоки готовности. Каждый из участников группы оценивал всех других членов группы по 10-балльной шкале; в итоге выводил

Таблица 1

Динамика показателей коммуникативного блока готовности к организации туристско-сервисной деятельности, средние значения

Показатели коммуникативного блока	До участия в программе	После участия в программе	Значимость различий
Культура общения	6,3	7,1	0,0001**
Культура речи	6,5	6,7	0,04*
Умение устанавливать контакт с клиентом	7,2	7,8	0,0001***
Инициативность в общении	6,2	7,1	0,0001**
Ораторские способности	7,8	8,3	0,0003**
Уверенность и артистизм	6,9	7,2	0,005**
Невербальная грамотность	6,2	6,5	0,04*

** — различия значимы при $p < 0,01$; * — различия значимы при $p < 0,05$.

лась среднегрупповая оценка каждого качества до и после реализации программы. Объём выборки формирующего эксперимента, результаты которого излагаются далее, составил 38 чел. Математическая обработка данных исследования проводилась с использованием статистических модулей пакета Statistika 7.0. Данные были проверены на нормальность с помощью критерия Колмогорова — Смирнова. Достоверность различий показателей личностных характеристик по всем блокам определялась с помощью t-критерия Стьюдента.

Результаты динамики показателей по всем четырём блокам представлены в табл. 1-4.

Как следует из табл. 1, динамика всех показателей коммуникативного блока улучшилась. Наибольший прирост наблюдается по таким качествам, как культура общения (+0,85), инициативность в общении (+0,9), умение устанавливать контакт с клиентом (+0,6), ораторские способности (+0,5).

Динамика эмоционального блока также характеризуется улучшением показателей, но, в отличие от коммуникативного блока, статистически значимые изменения наблюдаются по пяти качествам из семи. Наиболее существенны изменения по таким показателям, как умение поставить себя на место партнера (+0,9), умение чувствовать состояние собеседника (+0,7). Эти сдвиги по смыслу близки к наиболее существенным сдвигам в коммуникативном блоке; можно сделать вывод, что программа имеет выраженную направленность на формирование эмпатии.

В результате использования программы большинство показателей когнитивного блока улучшилось. Только по одному показателю (умение смотреть на привычные действия, поступки людей по-новому) наметилось ухудшение, но изменение не является статистически значимым. Наибольший же прирост

Таблица 2

Динамика показателей эмоционального блока готовности к организации туристско-сервисной деятельности

Показатели эмоционального блока	До участия в программе	После участия в программе	Значимость различий
Умение чувствовать состояние собеседника	7,1	7,8	0,0001**
Отзывчивость	6,0	6,5	0,014*
Умение управлять своими эмоциями	6,3	6,8	0,0007**
Умение поставить себя на место партнера	5,9	6,8	0,0001**
Умение учитывать эмоциональный настрой клиента	6,7	6,9	0,08
Умение открыто выражать свои чувства	7,1	7,5	0,007**
Терпимость к поведению, отличному от собственного поведения	6,0	6,2	0,26

** — различия значимы при $p < 0,01$; * — различия значимы при $p < 0,05$

Таблица 3

Динамика показателей когнитивного блока готовности к организации туристско-сервисной деятельности

Показатели когнитивного блока	До участия в программе	После участия в программе	Значимость различий
Устойчивая потребность в знаниях по туризму	7,2	7,5	0,02*
Любознательность	7,5	7,8	0,056
Находчивость	7,2	7,5	0,004**
Умение разбираться в людях	5,6	5,9	0,009**
Умение смотреть на привычные действия, поступки людей по-новому	6,2	6,0	0,26
Умение прогнозировать поступки, развитие отношений	6,0	6,7	0,0009**
Умение ценить юмор	6,0	7,1	0,0001**
Стремление перенять что-то хорошее, ценное	5,9	6,7	0,0001**

** — различия значимы при $p < 0,01$; * — различия значимы при $p < 0,05$.

Таблица 4

Динамика показателей мотивационно-личностного блока готовности к организации туристско-сервисной деятельности

Показатели мотивационно-личностного блока	До участия в программе	После участия в программе	Значимость различий
Доброжелательность	7,6	8,0	0,008**
Психолого-педагогический такт	5,2	5,4	0,32
Чувство долга и ответственность	7,2	7,4	0,056
Умение устанавливать искренние отношения	5,2	5,6	0,007**
Объективность в оценках клиента, ситуации	6,0	6,7	0,0008**
Широта взглядов	6,0	6,2	0,26
Умение достигать цели с учётом интересов клиента	6,2	6,7	0,0001**
Уважение личности клиента	6,2	6,7	0,0001**

** — различия значимы при $p < 0,01$; * — различия значимы при $p < 0,05$.

наблюдается по таким показателям, как умение ценить юмор (+1,1), стремление перенять что-то хорошее, ценное (+0,8), умение прогнозировать поступки, развитие отношений (+0,7).

В целом зафиксировано улучшение показателей и мотивационно-личностного блока, но сдвиги оказались не такими выраженными, как по другим блокам. Это можно объяснить более интегративным характером показателей мотивационно-личностного блока. Наиболее существенные сдвиги наблюдаются по таким показателям, как объективность в оценках клиента, ситуации (+0,7), умение достигать своих целей с учетом интересов клиента или партнера (+0,5), уважение личности клиента или партнера (+0,5).

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что в результате занятий по предложенной программе у студентов наблюдается положительная динамика показателей всех четырех блоков (коммуникативного, эмоционального, когнитивного, мотивационно-личностного). Характер динамики близок к тем результатам, которые дает успешное прохождение тренингов профессионального самоопределения [7], что является дополнительным подтверждением её валидности. Однако преимущество данной программы состоит в том, что она разработана для студентов, специализирующихся в области туризма и сервиса, насыщена соответствующими содержательными элементами и позволяет студентам реализовывать и улучшать получаемые профессиональные знания и умения.

Таким образом, наше исходное предположение подтвердилось, а следовательно, данная программа может использоваться в процессе подготовки студентов к организации туристско-сервисной деятельности.

Библиографический список

1. *Гаранина Е.Н.* Формирование профессиональных навыков обслуживания туристов в процессе подготовки менеджеров гостеприимства: автореф. дис.... канд. пед. наук. М., 1999.
2. *Горячева Т.К.* Профессиональная подготовка менеджеров туризма средствами природного рекреационного потенциала региона: дис. ... канд. пед. наук. Сходня, 1999.
3. *Зинченко В.П.* (при участии С. Ф. Горбова, Н. Д. Гордеевой) Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова): учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002.
4. *Канина Е.Н.* Формирование профессиональнозначимых качеств студентов туристских вузов в процессе изучения информатики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.
5. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004.
6. *Митина Л.М.* Психология развития конкурентоспособной личности. М., Воронеж: МПСИ; НПО «МОДЭК», 2002.
7. *Пряжников Н.С.* Методы активизации профессионального и личностного самоопределения: учеб.-метод. пособие. М.; Воронеж: МПСИ; НПО «МОДЭК», 2002.
8. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности и способности человека. М.: Логос, 1996.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ РОССИИ В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

.....

А. В. Баранов¹

В статье проведен сравнительный анализ концепций региональных политических режимов постсоциалистической России. Определены особенности трансформаций данных режимов в системе властных отношений 1990-х и 2000-х гг. Аргументируется сохранение региональных политических режимов в настоящее время.

Ключевые слова: региональные политические режимы, Россия, система властных отношений, типология.

In this article a comparative analysis of conceptions of regional political regimes in post-socialist Russia is realized. The peculiarities of this regimes' transformations in the power relations system by 1990s and 2000s are determined. The conservation of regional political regimes up today is argued.

Key words: regional political regimes, Russia, power relations system, typology.

Актуальность темы статьи — в необходимости установить наиболее продуктивные концепции региональных политических режимов России, выявить особенности развития данных режимов в сравнении 1990-х и 2000-х гг.

Часто высказывается мнение, что использование термина «региональные политические режимы» в современной России некорректно, так как рецентрализация власти в 2000-х гг. превратила акторов политики в регионах в исполнителей федеральной воли [16, с. 327-328]. Мы не согласны с таким мнением. Региональные режимы сохраняют своеобразие свойств в сравнении с федеральным режимом. Унифицированы нормы права и строение органов государственной власти, но практики политического взаимодействия сохраняют свою

---

¹ Баранов Андрей Владимирович — доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: baranovandrew@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Современная эволюция политических систем и режимов в регионах России: сравнительный анализ», проект № 10-03-00074а.

специфику. Региональные режимы сохраняют достаточную автономию своих акторов и институтов, ресурсов и стратегий политики, что подтверждается наиболее зримо в республиках Северного Кавказа и Поволжья.

Политический режим обычно определяется как совокупность методов и процедур, реализующих политическую власть. Но такое определение нуждается в конкретизации. Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер трактуют режим как совокупность явных или скрытых структур общества, «которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей... используемые ими ресурсы и стратегии» [28, с. 73]. М. Дюверже называет режим механизмом общественного управления, который соединяет модели выборов, голосования и принятия решений со способами политического участия партий, групп интересов и иных акторов [10, с. 644-655].

Политический режим формируется вследствие повседневных практик и институтов властвования. По В.Я. Гельману, режим – это совокупность основных элементов: акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и /или удержание власти [8, с. 19-20].

Региональные режимы предполагают автономию акторов и институтов, ресурсов и стратегий политики. Внешние для региона акторы политики находятся во взаимодействии с внутренними. Россия 1990-х гг. – яркий пример расколотого политического пространства, на котором складывались автономные режимы, развивавшиеся в разных направлениях.

Типология региональных политических режимов России многообразна. Наиболее системно деление режимов по степени консолидации демократии. В.Я. Гельман выделяет режимы с одним доминирующим актором (моноцентрические) и со многими конкурирующими акторами (полицентрические); режимы с преобладанием компромиссных и силовых стратегий взаимодействия акторов [8, с. 19-22].

В ракурсе транзитологии Х. Линц и А. Степан выделяли тоталитарные, посттоталитарные (переходные) и демократические режимы [27, с. 14-33]. Но возникает много вопросов. Если переходные режимы имеют предпосылки оставаться таковыми на десятки лет, можно ли ограничиться термином «посттоталитарные»? Можно ли вести сравнения региональных режимов, не изучив их по единой методике?

Исследователи предложили ряд определений, смягчающих противоречия транзитологии. Г. О'Доннелл разработал модель «делегативной демократии». В отличие от зрелой демократии, в постсоветской России нормы и процедуры власти служат лидерам, а не правам граждан [18, с. 52-67]. Власть персонализируется. Роль представительных органов и неправительственных по-

литических акторов снижается. Неформальность институтов усиливается. Атомизируются социальные связи. Сходные определения режима: «демократура» (Ф. Шмиттер) [26, с. 31], «авторитарная демократия» (Р. Саква) [20, с. 212-233], «режим-гибрид» (Л. Ф. Шевцова) [25].

Последствия и проявления постсоветских трансформаций режимов разнородны для регионов. Поскольку Россия находится 20 лет в цикле трансформаций, полезно начать сравнительный анализ режимов с классификации переходных процессов. Вхождение трансформации режима в стадию неопределенности сталкивается в моделях Т. Карла – Ф. Шмиттера и Дж. Мунка – К. Леффа. Они адаптированы В. Я. Гельманом на примере России [8, с. 38-40]. Модели переходов таковы:

1) консервативная реформа – сохранение господства правящей элиты прежнего режима без смены акторов благодаря её приспособлению к новым институтам компромиссным путём;

2) пакт (реформа «через обмен») – смена режима при достижении компромиссных договоренностей разных сегментов элит или правящей элиты старого режима с контрэлитой;

3) реформа снизу – смена режима в итоге давления масс или контрэлит при использовании компромиссных стратегий;

4) революция – смена режима с использованием силовых стратегий старой правящей элитой и контрэлитой при мобилизации масс;

5) навязанный переход (революция сверху) – смена режима в итоге конфронтации внутри правящей элиты или между правящей элитой и контрэлитой, путем силовых стратегий без мобилизации масс.

Для большинства российских регионов навязанный переход стал доминирующей моделью. Неопределенность сохранялась долго потому, что после распада СССР резко вырос статус региональных органов власти.

Внутренний цикл взаимодействий акторов режима представляет собой постоянный обмен ресурсами: политическими, административными и экономическими. М. Бри выделяет таких акторов, как: федеральные политические элиты, федеральные финансово-промышленные группировки, главы регионов, «партии власти», электорат, крупные и малые предприятия, преступные группировки [2, с. 94-99]. Между ними поддерживается обмен ресурсами. Обмен проводится и по пространственной вертикали (зарубежные акторы – федеральные российские – региональные – местные акторы) и по горизонтали (межрегиональные связи).

В ракурсе обменов ресурсами между элитами Н. Ю. Лапина выделяет четыре модели их взаимодействия: патронаж, партнерство, подавление и «приватизацию власти» [14, с. 154-165]. В. Я. Гельман использует эту классификацию для доказательства четырех сценариев выхода режимов из неопределен-

ности [8, с. 43-55]. Сценарии определяются по соотношению ресурсов акторов и их стратегиям взаимодействий.

1. «Война всех против всех», т. е. всеобщее противостояние. Возникает, если нет доминирующего актора режима, а стратегии – силовые. Такой сценарий увеличивает неопределенность и может вести в тупик авторитаризма (Чечня).

2. «Победитель получает всё». Доминирующий актор есть. Используемые стратегии — силовые. В итоге один из акторов добивается полного превосходства и устанавливает контроль над всеми ресурсами (Калмыкия, Москва). Сценарий ведет к авторитарной ситуации.

3. «Сообщество элит». Доминирующий актор есть. Используются стратегии компромисса. Достигается явное либо неявное соглашение акторов о примирении с новым режимом на условиях доминатора. Сохраняется статус-кво в контроле акторов над частью ресурсов (Омская, Томская области). Создается гибридный режим.

4. «Борьба по правилам». Нет доминирующего актора. Используются компромиссные стратегии. Достигается взаимовыгодный компромисс в рамках новых институтов (Ярославская, Свердловская область). Ведет к демократической ситуации.

На деле возможно сочетание сценариев. На основе синтеза структурных и процедурных моделей В. Я. Гельман предложил модель обусловленного пути трансформации режимов [8, с. 43-55]. Ход и последствия развития объясняются основными факторами:

1) советским наследием – состоянием позднесоветских режимов и систем управления; их различия зависят, прежде всего, от ресурсных баз и хода модернизации;

2) характером перехода – своеобразным взаимодействием акторов и изменениями институтов.

Советское наследие оценивается по индикаторам:

– характер модернизации (аграрный либо индустриальный, время проведения);

– особенности системы управления (степень централизации и местничества, уровень ведомственности);

– автономия акторов (низкая–средняя–высокая);

– структурные расколы (раскол «город — село», раскол между экспорт-импортной вовлеченностью и системой жизнеобеспечения населения; между дотационными и успешными секторами экономики) [8, с. 345; 2, с. 94-99].

В итоге советское наследие создало разные предпосылки трансформации каждого из режимов. В пользу полицентризма и преобладания формальных институтов работали высокая автономия акторов (чаще всего городских) и на-

личие раскола «центр–периферия» («город–село»). Напротив, аграрность, низкая автономия акторов и отсутствие/слабость расколов содействовали моноцентризму и преобладанию неформальных институтов.

Полицентрический режим с преобладанием формальных институтов складывался в регионах, где исчерпаны силовые стратегии акторов и ни один из акторов не сосредотачивает основную часть ресурсов, а формальные институты успешно закрепляются. В противоположных условиях складывался моноцентрический режим.

Теоретическая модель региональных режимов, созданная В. Я. Гельманом, М. Бри и их соавторами, непротиворечива. Однако она использует слабоформализуемые индикаторы и осмысливает эмпирические данные 1990-х гг., когда каждый режим мог с оговорками рассматриваться как самостоятельный от федерального. Мала и выборка, в которую не вошли случаи северокавказских республик, регионов Сибири и Дальнего Востока.

Предложены и другие модели региональных режимов. Наиболее системные исследования проведены А. С. Кузьминым, Н. Дж. Мелвином и В. Д. Нечаевым [13, с. 142-155], а также А. Н. Медушевским [16, с. 326-340].

А. С. Кузьмин и его соавторы взяли за основу градуированный подход к демократизации. По нему демократия составляет спектр с широким разбросом вариаций и форм; число стран с промежуточными формами демократии растёт. Важно создать операциональные индикаторы уровня демократизации, корректные шкалы и единицы анализа. В центре внимания — политическая конкуренция между властью и оппозицией. Демократия имеет измерения: возможность оппозиции (прежде всего на регулярных, свободных и справедливых выборах), а также возможность политического участия граждан. Степень демократизма режима выражена в индикаторах:

- 1) формальном (правовом) разделении полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти;
- 2) степени конкурентности на выборах главы исполнительной власти региона;
- 3) уровне партийности регионального законодательного органа.

А. С. Кузьмин, Н. Дж. Мелвин и В. Д. Нечаев провели сравнительные замеры по 4-летним электоральным циклам [13, с. 144-147]. Выводы сделаны по итогам 1993-2000 гг. Выборка охватила 31 регион, выделенный по типам социально-экономической структуры.

Формальное разделение властей изучалось по методике М. Шугарта и Дж. Кэри. Конституции (уставы) регионов исследовались с помощью шкалы полномочий законодательного органа, включающей оценку участия в формировании исполнительной ветви власти, возможности досрочного прекращения полномочий, применения вето. Каждый регион ранжировался по дуальной шкале: как регион со слабой легислатурой либо регион с сильной легислатурой.

Конкурентность выборов оценивалась по методу Р. Таагеперы–М. Шугарта в расчетах числа эффективных партий или кандидатов на выборах. Данный индикатор измерялся по дуальной шкале низкой (менее 2)/высокой (более 2 чел. на место) конкуренции [6, с. 50]. Выборы главы исполнительной власти предпочтительнее парламентских, так как в большинстве регионов России упрочились губернаторские формы правления, а политическая роль legislatures подчиненна.

Уровень партийности регионального законодательного органа измерялся как соотношение депутатов, состоящих в партиях или официально выдвинутых ими, и численности парламента. Учитывалось и число эффективных партий в legislatures. Различались варианты высокой партийности с принадлежностью к одной партии/устойчивому блоку или с многопартийной идентичностью. В среднем по регионам России уровень партийности парламентов составлял 13% для выборов 1993-1994 гг., 16,9% для выборов 1996 г. и 20% для выборов 1998-2000 гг. [3, 1997, № 5, с. 48-49]. В 2012 г. он в среднем вырос до 80% [3, 2012, № 6, с. 23-25].

В итоге комбинирования трех признаков 31 регион подразделен А.С. Кузьминым, Н.Дж. Мелвином и В.Д. Нечаевым на 12 разновидностей режимов. Позволим себе укрупнить типы режимов, выделенные по приведенной методике. Образуется 6 типов с внутренними вариациями [13, с. 147-150]. Очередность – по росту полиархичности.

1. Слабый парламента, сильный лидер на низкоконтрентных выборах, низкая партийность legislatures.

2. Слабый парламента, высокая контрентция на губернаторских выборах, очень низкая партийность парламента.

3. Слабый парламента, умеренная контрентция за пост главы региона, высокий уровень партийности.

4. Сильный по правовым полномочиям парламента, низкая контрентция за пост главы региона, невысокая партийность парламента. Реально роль legislatures снижена.

5. Важные формальные полномочия парламента, высокая контрентция на выборах главы региона, весомая реальная роль парламента.

6. Формально сильный парламента, серьезная контрентция на выборах главы региона, высокая партийность депутатов.

Для 1996-2000 гг. указанные авторы добавили новые типы режимов:

7. формальная слабость legislatures, среднеконтрентные выборы, контроль парламента со стороны губернаторской «партии власти», харизматический лидер (Краснодарский край при губернаторстве Н.И. Кондратенко);

8. формальная сила парламента, низкая конкуренция на губернаторских выборах, высокая партийность за счет принадлежности депутатов к «блоку власти» (Кемеровская область).

Проведенная группировка регионов позволила сравнивать взаимовлияние отдельных признаков и системы в целом, выйти на уровень первичной типологизации политического развития регионов. Кузьмин, Мелвин и Нечаев установили достаточно высокую устойчивость режимов (20 из 31).

Мы не считаем оптимальным сильное дробление единиц анализа (12 типов на 31 случай). Ведь речь идет о формально-институциональных признаках. А в России никогда правовые полномочия, процедуры, заявленная партийная принадлежность не совпадали с реальными и куда более весомыми факторами. Трудно доказать, что эти индикаторы имеют высокую положительную корреляцию с качественными признаками режимов.

На наш взгляд, нельзя избегать качественных характеристик режимов. При многообразии разновидностей режимов их можно свести к базовой дихотомии «демократия–авторитаризм», на этой оси выделять промежуточные состояния.

Нельзя игнорировать и влияние общероссийского режима на региональные сообщества. Для большинства регионов выбор режима свелся к дилемме «жесткий авторитаризм или ограниченная демократия» [4, с. 67-74; 16, с. 326-329].

Первый вариант впервые осмыслен в концепции регионального авторитаризма (О.О. Сенатова, С.В. Борисов) [21, с. 146-147; 1, с. 34-40], которому свойственны ограничения публичной сферы политики, прав и свобод человека; господство политико-экономических группировок клиентелистского типа; определение этими группами курса выборных органов; подавление оппозиции на уровне партий, СМИ и культуры. В.Я. Гельман добавляет ряд признаков: доминирование исполнительной ветви в системе разделения властей; договор о взаимной лояльности между главой региона и федеральной властью; патронаж органов власти над общественными объединениями в обмен на поддержку [7, с. 14; 5, с. 103-104]. Жесткий авторитаризм означает мимикрию позднесоветского режима в интересах монополюльно правящих элит. Политический процесс сводится к внутриэлитному конфликту из-за власти и собственности. Роль выборов имитационна (Татарстан, Башкортостан, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Мордовия, Саратовская область и др.).

Промежуточные состояния могут определяться как гибридные режимы (В.А. Ковалев) [11, с. 95], ограниченная/имитационная демократия (А.Н. Медушевский) [17, с. 327], управляемая демократия (А.П. Конякина, Н.В. Шинковская) [12, с. 143]. Делегативная демократия означает концентрацию власти в одном институте, её персонификацию главой исполнительной

власти, снижение роли законодательных органов и политических объединений. Взамен власть подключает внеинституциональные механизмы управления. Г. О'Доннелл раскрывает последствия режима: он не создает гарантий перехода к прочной демократии, а может застойно сохраняться в качестве преграды пути к демократии. Такой режим может деградировать до полного авторитаризма [18, с. 53]. Важно, что подобные режимы возникают на полупериферии глобализации (в Латинской Америке, на Балканах и в постсоветском пространстве СНГ). Они воспроизводят политико-культурную зависимость регионов, являясь формой их адаптации к новшествам.

Итак, следует различать регионы с консолидированными авторитарными режимами и регионы авторитарной ситуации. В.А. Ковалев отмечает, что в первых регионах трансформация режима путем свободных выборов вряд ли возможна, так как слишком слаба внутренняя оппозиция [11, с. 97]. При делегативной демократии возможно законное поражение губернатора и «партии власти».

Совокупность признаков делегативной демократии наиболее системно сформулировал А.Н. Медушевский [16, с. 327-328]. Такой гибридный режим дает парламенту второстепенные функции представительства элит и одобрения законопроектов; лидер режима поддерживает власть путем консолидации фрагментированной элиты и создания «партии власти»; оппозиционные партии и СМИ находятся под административным прессингом властей. Режимы такого рода сложились во многих регионах (Москва, Ульяновская, Ростовская области, Чувашия, Краснодарский край).

Авторитарные режимы делятся на формы, способные к демократизации в силу внутреннего состояния, и формы застойно-традиционалистские [16, с. 336-340]. К первой группе относятся режим ограниченной демократии и авторитарно-бюрократический режим. Они допускают плюрализм элит и оппозиционные партии, независимые СМИ, формальное разделение власти и собственности при жестком давлении на негосударственный сектор политической системы. Неокорпоративистский и неопатримониалистский режимы не допускают даже ограниченной свободы общественных акторов, позволяющей критиковать власть, выхолщивают разделение властей и правовые нормы, сращивают власть и собственность, персонифицируют власть в институте губернатора.

В нескольких регионах России за 1990-е гг. смогли укрепить режимы, относительно более близкие к демократии [17, с. 327, 336-337; 1; 19, с. 96-106; 9]. Они имели следующие черты: совпадение политической легитимности с формальной законностью; реальное разделение властей; открытый характер элит и их развитие на основе компромиссных стратегий взаимодействия; институциональное закрепление реальной многопартийности, свободных СМИ, отделение собственности от власти. Такая группа режимов формировалась

в Свердловской, Пермской, Ярославской, Томской, Нижегородской областях. Конечно, данные режимы не гарантированы от авторитарного «срыва». Ряд подобных режимов переродился в делегативные еще в 1990-х гг. в силу слабости внутренних ресурсов демократизации (Санкт-Петербург, Самарская и Калининградская, Челябинская и Новосибирская области, Красноярский и Приморский края). Другие режимы в 2000-е гг. подверглись перерождению вследствие федерального вмешательства, изменения институционального и нормативного формата политики (косвенные выборы губернаторов, смена партийной и избирательной систем).

В 2000-х гг. совершился переход от полицентричной к моноцентричной системе управления, от принципа «пакта элит» к принципу «победитель получает всё» [5, с. 103-104]. В.Я. Гельман объясняет исход трансформаций тем, что доминирующий актор смог увеличить контроль над ресурсами и добиться полного преобладания; снизить уровень фрагментации элит; обеспечить эффективность измененных институтов. В итоге издержки авторитарного управления стали меньше, чем демократического.

Косвенный порядок выборов губернаторов в 2005 — начале 2012 г. вкуче с изменениями партийной и избирательной систем, направленными на монополизацию власти, уменьшили различия региональных режимов России и перевели их из сферы публичной политики в область структуры внутриэлитной конкуренции на административных рынках. Р.Ф. Туровский подчеркивает: «В условиях российской элитократии структурирование власти в регионах происходит в первую очередь по линиям расколов между элитными группами и только во вторую очередь между такими политическими институтами, как ветви и уровни власти или партии» [23, с. 390]. Классификацию региональных режимов Р.Ф. Туровский проводит по четырем осям: «автономия — зависимость», «демократия — авторитаризм», «моноцентризм — полицентризм власти», «консолидация — конкуренция элит», отдавая приоритет именно последней оси [22, с. 85-88]. Степень консолидации элит в регионах контрастна, группы влияния образуют подвижные коалиции на основе экономического и персонального соперничества в недрах моноцентрических режимов.

Относительная конкурентность режимов в ряде регионов объясняется либо полицентризмом группировок крупного бизнеса (Пермский край и Иркутская область), либо институционально политизированной этничностью (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария), либо низкой консолидацией административных элит (Астраханская, Волгоградская, Костромская области). Перспективы роста конкурентности ввиду возврата прямых губернаторских выборов и перемен в партийной системе (2012 г.) представляются весьма умеренными.

Происходит рост взаимовлияний федерального и региональных политических режимов. Коллектив авторов под руководством К. Мацузато характеризу-

ет модель политических отношений «центр–субъекты федерации» [24, с. 6-18]. В России территориальные уровни власти, взаимодействуя, образуют систему «касикизма» [24, с. 8-10, 18; 15, с. 42]. Она означает: лидеры и элиты каждого нижестоящего уровня мобилизуют электоральную поддержку для вышестоящих элит. Те же оказывают поддержку регионалам и муниципалам в соответствии с ценностью затраченных ресурсов. Главные условия стабильности режимов — эксклюзивный статус глав регионов и сохранение пакта элит.

Общероссийская власть требует от региональных режимов лояльности на выборах и в иных политических процессах. Федеральные институты власти готовы поддерживать моноцентристические режимы в регионах, если те проявляют лояльность. Если региональные акторы имеют ценные для федеральных элит ресурсы и лояльны, то они могут достигать статуса «эксклюзивного партнера» центра. В противном случае, если региональные акторы расколоты, федеральные элиты могут стимулировать конкуренцию, выявляя сильнейшего актора. Тогда вступают в силу сценарии смены региональной правящей элиты под нажимом российских институтов власти или идеологического «дрейфа» элиты региона под нажимом извне. Первый вариант реализовался в Смоленской, Воронежской, Тверской областях, Санкт-Петербурге, Приморском крае, Якутии, второй — в Краснодарском и Ставропольском краях, республиках Северного Кавказа (кроме Ингушетии и Адыгеи) и Поволжья.

В итоге исследования сделаем выводы.

Региональный политический режим — совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и /или удержание власти. Типология региональных режимов наиболее эффективно определена в моделях Т. Карла – Ф. Шмиттера и Дж. Мунка – К. Леффа, адаптированных к российскому материалу В.Я. Гельманом. Теоретическая модель режимов, созданная в работе В.Я. Гельмана, М. Бри и их соавторов, непротиворечива и репрезентативна. Но она использует слабоформализованные индикаторы. Выборка регионов мала для обобщений. Теория среднего уровня предложена в работе А.С. Кузьмина, Н.Дж. Мелвина и В.Д. Нечаева на основе градуированного подхода к демократии, разработана система количественных индикаторов демократизации по критериям разделения властей, конкурентности выборов, уровня партийности региональных собраний.

В постсоветском российском обществе региональные режимы – долгосрочное явление, сохраняющее диверсификацию политических практик и институтов. Наличие региональных режимов устанавливается по степени автономии влияния внутренних акторов сообщества. Россия 1990-х гг. – пример децентрализованного политического пространства, в котором складывались региональные режимы. Они развивались в альтернативных направлениях — демократизации либо авторитаризма, что не исключало многообразия пере-

ходных форм. Централизация власти в России начала XXI в. соподчинила региональные режимы федеральному, стандартизировала институты и нормативное оформление власти, но не искоренила многообразие диспозиций акторов политики внутри регионов, специфику политических практик и ориентаций политической культуры.

Установлены модели постсоветских трансформаций политической системы: консервативная реформа, пакт, реформа снизу, революция, навязанный переход. В большинстве регионов России преобладает последняя из них. Среди сценариев выхода режимов из переходной неопределенности: «война всех против всех», «победитель получает всё», «сообщество элит» и «борьба по правилам» преобладание получили второй и третий. Региональные политические режимы России воспроизводят модель запаздывающей консервативной модернизации.

Библиографический список

1. *Борисов С. В.* Постоянные и переменные величины регионального политического процесса до и после выборов // Нижегородские выборы-95: новые тенденции и старые уроки. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 1996.
2. *Бри М.* Региональные политические режимы и системы управления // Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Изд-во «Весь мир»; «Berliner Wissenschaftsverlag», 2000.
3. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1997. № 5.
4. *Гаман-Голутвина О. В.* Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // Полис. 2006. № 3.
5. *Гельман В. Я.* Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. 2007. № 2.
6. *Гельман В. Я.* Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 5.
7. *Гельман В. Я.* Региональные режимы: завершение трансформации? // Свободная мысль. 1996. № 9.
8. *Гельман В. Я.* Трансформации и режимы. Неопределенность и её последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь мир; Berliner Wissenschaftsverlag, 2000.
9. *Дахин А. В.* Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами // Полис. 2009. № 2.
10. *Дюверже М.* Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. 2.
11. *Ковалев В. А.* Поставторитарный синдром в регионе: Опыт Республики Коми в контексте «путинского федерализма» // Полис. 2002. № 6.
12. *Конякина А. П., Шинковская Н. В.* Параметры эволюции политического режима в Приморье // Полис. 2003. № 2.

13. Кузьмин А. С. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. 2002. №3.
14. Лапина Н. Ю. Бизнес и политика в современной России: проблемы взаимодействия // Элиты в сравнительно-исторической перспективе. Политическая наука. М.: ИНИОН РАН, 1998. Вып. 4.
15. Мацузато К. Политическая регионология бывших соцстран – достижения и задачи // Перестройка и после: Общество и государство в СССР, России и новых независимых государствах, 1988–1998. М.: МОНФ, 1998.
16. Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М.: ГУ ВШЭ, 2002.
17. Медушевский А. Н. Тенденции развития региональных политических режимов // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: сб. докладов. межрегион. семинара (Великий Новгород, март 2000 г.) М.: Изд-во Центра конституционных исследований МОНФ, 2000.
18. О’Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти: Приложение к журн. «Век XX и мир». 1994. №2–3.
19. Панов П. В. Региональный политический режим Пермской области: «сообщество элит без доминирующего актора?» // Политический альманах Прикамья. Пермь: Пушка, 2002. Вып. 2.
20. Саква Р. Изменение режима от Ельцина к Путину // Политическая наука. 2003. №2.
21. Сенатова О. О. Региональный авторитаризм на стадии его становления // Куда идёт Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: МВШЭН, 1996.
22. Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. 2009. №2.
23. Туровский Р. Ф. Структурирование власти в российских регионах: между консолидацией и конкуренцией элит // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. статей. М.: РОССПЭН, 2011.
24. Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? М.: Материк, 2004.
25. Шевцова Л. Ф. Политические зигзаги посткоммунистической России. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
26. Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидация демократии // Полис. 1999. №3.
27. Linz J. J., Stepan A. C. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7, №2. April.
28. O’Donnell G., Schmitter Ph. C. Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore; London: John Hopkins’Inst. Press, 1991.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЮГА РОССИИ

.....

Р. Х. Усманов, Р. З. Кинжуваев¹

В статье анализируется феномен леворадикальных политических образований в этнополитических процессах Юга России. Рассматриваются основные идеологические течения внутри молодежного леворадикального политического сектора. Приводится исторический обзор активности различных молодежных радикальных политических объединений левой ориентации в постсоветской России и потенциал их влияния на этнополитическую безопасность.

Ключевые слова: Юг России, этнополитические процессы, этнополитическая безопасность, левый радикализм, молодежные объединения.

In article the phenomenon of left-wing radical political groups in the South Russia ethno-political processes is analyzed. The author examines the main ideological directions within the left-wing radical youth political sector. The historical review of activity of various radical youth political associations of a left-wing orientation and their potential influence on ethno-political security is resulted.

Key words: South Russia, ethno-political processes, ethno-political security, the left-wing radicalism, youth associations.

Этнополитические процессы Юга России на современном этапе продолжают сохранять значительный конфликтный потенциал. Как считают эксперты, регион включает в себя «разнообразные по конкретным условиям субъекты Федерации, отличающиеся уровнем конфликтности действующих в них факторов и динамикой конфликтных процессов» [1, с. 75]. Вместе с внутренними причинами межэтнической напряженности все более острой становится

---

¹ Усманов Рафик Хамматович — доктор политических наук, профессор кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: usmanr@mail.ru

Кинжуваев Ринат Зинурович — аспирант кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: rinat.kinzhuvaev@gmail.com

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2012-1.2.1-12-000-3006-022 «Вызовы и угрозы этнополитической безопасности Юга России: Прикаспийский вектор социально-политической стабильности российского государства».

ся проблема неконтролируемой миграции в регион из стран бывшего СССР, способствующая обострению межэтнической напряженности и формированию этнической преступности. Неустоявшиеся факторы и особенности межнациональных отношений продолжают влиять на региональную политическую культуру и местную структуру социальных институтов, существенно замедляя формирование в регионе устойчивых агентов гражданского общества, призванных предупреждать и амортизировать конфликтные ситуации. Этнополитическая безопасность, таким образом, представляет собой ключевой элемент регионального развития, без которого невозможна современная положительная социально-экономическая динамика.

Следует отметить, что одним из инструментов снижения межэтнической напряженности и сохранения этнополитической безопасности Юга России может быть эффективное функционирование определенной части левых политических объединений, в том числе и молодежных, посредством дальнейшего развития основ гражданского общества. В этом случае вполне возможно некоторое ослабление степени вызовов и угроз национальной и этнической безопасности и обеспечение социально-политической стабильности Российского государства.

Если рассматривать истоки, основы и реальность молодежных политических движений левого толка, которые в определенной степени касаются данных процессов и могут влиять на них, то в первую очередь надо иметь в виду идеологические особенности этих групп. Они имеют интернационалистические основы, а также акцентируют внимание на социально-экономических факторах общественного развития и характеризуют национальный фактор как дезинтеграционный, а межэтнические конфликты — как имплицитно классовые.

В целом традиционные левые идеологии — марксистское учение и анархизм (анархо-коммунизм) — в своей классической интерпретации представляют собой радикальные течения, выступающие за коренное переустройство экономических отношений и общественного строя на основе обобществления собственности на средства производства с последующим мгновенным (анархизм) и постепенным (марксизм) отмиранием государства. В современную политическую эпоху левый политический спектр представлен как классическими социалистическими идеологиями — социал-демократизм, коммунизм, анархизм, так и современными синтезированными — анархо-экологизм, национал-коммунизм, левый либерализм и т. д.

Проблема прихода к власти левыми партиями и группами на протяжении всего XX в. решалась различными путями: от участия в парламентских выборах до терроризма. Наиболее успешной в современной истории оказалась стратегия создания партии большевистского образца как инструмента революционного свержения нестабильных политических режимов, наглядно по-

лучившая свою практическую реализацию в России в начале XX столетия. Следует отметить, что в российском политическом процессе конца 1990-х — начала 2000-х гг. наиболее активными агентами левого радикализма были не централизованные массовые партии, а молодежные политические объединения, деятельность которых существенным образом повлияла на технологии политической борьбы общественно-политических объединений в этот период.

Американские политологи Г. Алмонд и Г. Пауэлл основной задачей политических сообществ считают артикуляцию индивидуальных и групповых интересов граждан [4, с. 122]. В ходе этого процесса происходит трансформация исходящих от определенных социальных групп импульсов в виде мнений, ожиданий и стремлений в конкретно сформулированные требования. Общественно-политические объединения служат здесь институтом, способствующим публичному выражению позиций определенной аудитории, чьи интересы представляют данные объединения. За артикуляцией политического процесса, по мнению Г. Алмонда и Г. Пауэлла, следует фаза агрегирования интересов, которое представляет собой развитие артикулированных требований в конкретную систему актуальных и реально осуществимых мер и предложений [4, с. 156]. На этой стадии субъектом выступают наиболее влиятельные политические образования, как правило, партии, имеющие ресурсы для оказания давления на административные структуры. Исходя из классического представления о политических сообществах (партиях, организациях, движениях) как об объединениях, выражающих интересы конкретных социально-экономических групп или классов, левые политические объединения в современной политике призваны артикулировать и агрегировать интересы работников наемного труда.

Демократическая политическая система характеризуется наличием условий, необходимых для свободной артикуляции и агрегации гражданской активности. Здесь, в отличие от российского общества, общественно-политические объединения имеют все возможности (правовые, финансовые, политические) для участия в политическом процессе как полноправные политические субъекты. Так, леворадикальные образования, в том числе и молодежные, в странах Западной Европы имеют устоявшуюся социальную базу и практически результативные технологии политического участия. Например, легальные троцкистские группы традиционно наиболее активны в Великобритании и Франции, а анархистские — в Греции и Испании. Активисты таких объединений тесно взаимодействуют с профсоюзным и рабочим движением. Леворадикальные образования в этих странах имеют большой опыт политической борьбы и эффективную организационную структуру, позволяющую принимать участие как в забастовках, так и в избирательных кампаниях различных уровней.

Развитие политического процесса по направлению к демократизации в России в постсоветский период характеризуется неустойчивостью и перио-

дическими регрессивными тенденциями. Леворадикальные российские политические объединения, как показывает политическая история 1990-2000-х гг., проявляют себя преимущественно как субъекты артикуляции. В процессе агрегирования интересов целевых групп леворадикальные объединения участвуют редко, переговоры и консультации с органами власти не входят в число приоритетных элементов их политической стратегии. К тому же правовые ограничения легальной политической борьбы практически полностью дистанцируют любые радикальные образования от реального политического процесса в России. Как уже отмечалось, политическое агрегирование требует от своих субъектов достаточного политического потенциала, обусловленного авторитетом и ресурсным обеспечением, а большинство молодежных леворадикальных политических объединений нельзя охарактеризовать как крупных политических акторов. В результате молодые активисты компенсируют политическую нереализованность довольно агрессивными публичными акциями и использованием радикального дискурса.

Феномен левого молодежного радикализма и молодежного радикализма вообще тесно связан с социально-психологическими особенностями молодежи как социально-возрастной группы. Ю. С. Леонов катализирующим фактором молодежной левой протестной активности называет свойственное молодежи максималистское восприятие реальности, ведущее к характерному девиантному поведению и мышлению, проявляющемуся в нигилистических настроениях, неприятии окружающей действительности, чувствительности к любым проявлениям несправедливости. Особенно ярко это проявляется на Северном Кавказе (Дагестан, Кабардино-Балкария и др.), когда молодые люди от безысходности уходят в леса и подполье и подвергаются влиянию различных религиозных течений фундаменталистского толка. Для молодых леворадикалов вопросы социально-экономического и политического характера могут быть решены только посредством революционного переустройства общества [9, с. 38]. Как замечает исследователь, «многие проблемы, за радикальное решение которых выступают левацкие организации, действительно весьма актуальны — монетизация льгот, нарушение прав человека, отмена отсрочек от призыва в армию» [9, с. 38].

Вместе с тем, с точки зрения Ю. С. Леонова, немаловажным фактором, привлекающим внимание молодежи к леворадикальным течениям, является характерная для них культурно-эстетическая среда. Это «конспирация... образы революционеров и радикалов (от В. И. Ленина до Эрнесто Че Гевары, боевиков «Красных бригад» и антиглобалистов), ношение партийной символики (футболок, нарукавных повязок) и масок, эпатирующие «акции прямого действия» (забрасывание «антинародных» политических деятелей пищевыми продуктами, захват административных зданий, столкновения с политическими оппонентами), противостояние с правоохранительными органами» [9, с. 38].

Несмотря на приверженность каким-либо идеалам, политическая активность молодых людей, как правило, снижается с течением времени в силу возрастных изменений и естественного отхода от подростковой конфликтности.

Другой исследователь молодежной социальной активности Д.В. Громов считает важнейшей характеристикой молодежи «склонность к особому рода экстремальному поведению» [6, с. 67], которое проявляется и в осуществлении деятельности в рамках специфических «неформальных» групп, обладающих определенными идейными и символическими отличительными признаками [6, с. 69]. К подобным образованиям можно отнести и множество как право-, так и леворадикальных политических сообществ, не являющихся субъектами политического процесса, но имеющих атрибуты политического объединения. Помимо субъективных причин экстремального поведения молодежи, связанных с уже затронутыми возрастными психологическими характеристиками, Д.В. Громов выделяет и объективные причины, обусловленные «культурно-исторической ситуацией» [6, с. 67]. Так, генезис молодежных леворадикальных объединений в постсоветской России во многом определен процессом глубокой социально-политической трансформации государства и общества в этот период.

Молодое поколение России в начале 1990-х гг. становится аутсайдером как социальная группа в силу материальной необеспеченности и неприспособленности к новым общественным условиям и образует значительный политический ресурс для разного рода левых радикальных политических образований. «Неформальная» молодежь, субкультурный характер которой сложился во время эпохи «перестройки», составляет основу новых молодежных объединений. Различные нонконформистские левые общественно-политические группировки образовывали большое количество разного рода фронтов, союзов, ассоциаций и партий. Все они изначально не позиционировали себя исключительно как молодежные, однако кадровая политика и риторика организаций были направлены преимущественно на молодых людей. Наибольшей активности радикальный уличный протест достиг в октябре 1993 г., когда представители самых разных объединений оппозиционных президенту, от монархистов до анархистов, участвовали в защите Дома Советов. Впоследствии часть из них трансформировалась в иные общественно-политические образования, часть продолжала деятельность под своим брендом, с переменным успехом активизируясь на радикальном поле российской политики.

Левый политический спектр в России еще с конца 1980-х гг. формируется неоднородным как организационно, так и идеологически. Умеренное левое течение социал-демократизма в российском политическом процессе проявляется гораздо менее заметно, чем образования более радикального толка. Так, в 1990-х гг. на левом молодежном фланге выделялись два основных идеологических направления — сталинизм и анархизм, а в начале 2000-х гг. на волне

подъема мирового антиглобалистского движения заметно активизировались и троцкистские группы.

Сталинизм 1990-х гг. был представлен «комсомолами» множества легализованных и неформальных марксистско-ленинских объединений, представляющих собой в основном группы с характерными для леворадикальной политической традиции сектантскими особенностями функционирования. Активной публичной политической деятельностью эти образования, как правило, не занимались, ограничиваясь выпуском малотиражных печатных изданий. Наиболее активными молодежными объединениями внутри подобных образований были Всесоюзная Молодая Гвардия Большевиков Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и Молодая гвардия Союза офицеров (МГСО) [16]. Отличительной особенностью этих объединений был пропагандируемый национал-патриотизм, а негласной идеологической установкой — свойственный большинству российских державников антисемитизм. МГСО одной из первых среди молодежных объединений стала использовать медиаресурсы в процессе своей деятельности, активно распространяя электронные материалы со своим пропагандистским контентом.

Также среди сталинистских групп наибольшую активность вплоть до середины 2000-х гг. проявлял Революционный коммунистический союз молодежи (большевиков) (РКСМ (б)) как молодежная организация Российской коммунистической рабочей партии — Российской партии коммунистов (РКРП-РПК). Это объединение имело все черты классической левой радикальной организации большевистского типа [7]. Печатный орган РКСМ (б) газета «Бумбараш» представляла собой радикальное молодежное издание, выполненное в стилистике «новых левых», что отличало его от аналогичных изданий других сталинистских групп. Образованный в 1997 г. РКСМ (б) имел достаточный потенциал для развития в массовую общественно-политическую организацию. Однако, образовываясь как декларативно революционное молодежное объединение, РКСМ (б) попал под влияние левых авантюристов, призывавших к террористической борьбе с правящим режимом. На базе РКСМ (б) около года (1997-1998 гг.) действовал так называемый РВС РСФСР (Революционный Военный Совет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики). РВС РСФСР взял на себя ответственность за взрыв памятника Николаю II, «условный взрыв» памятника Петру I в Москве и проведение ряда других резонансных акций [7]. Также при поддержке РКСМ (б) осуществляла свою деятельность одна из самых известных террористических левых группировок в России конца 1990-х гг. — «Новая революционная альтернатива». Впоследствии в руководстве РКСМ (б) выделились троцкистско-маоистская и пропартийная группы, которые на протяжении нескольких лет вели внутриорганизационную борьбу между собой. В результате троцкисты и маоисты были исключены из объединения, но дальнейшая деятельность организации

не привела к значимым практическим результатам. В итоге к середине 2000-х гг. РКСМ (б) из наиболее влиятельного левого молодежного объединения трансформировался в архаичную сталинистскую группу. Этап наибольшей эффективности практической работы организации пришелся на конец 1990-х — начало 2000-х гг., когда ее активисты вели работу в очагах рабочего движения (Кузбасс, Воркута, Чернигов), участвовали в «рельсовой войне» шахтеров и других акциях протеста [7]. Однако политический потенциал объединения был растрачен на борьбу с «подрывными элементами» в ущерб практической работе. РКСМ (б) как наиболее догматичная «марксистско-ленинская» организация из всех левых молодежных не смог ответить на запросы конъюнктуры 2000-х годов, когда на политической арене удалось остаться только тем объединениям, которые в условиях ограниченности ресурсов эффективно начали использовать медиапространство и PR-технологии для функционирования и популяризации своего бренда. Во второй половине 2000-х гг. идеологические изыскания для актуальных леворадикальных объединений теряют свое принципиальное значение.

В 1999 г. крупнейшее сталинистское движение 1990-х гг. «Трудовая Россия» создает свою молодежную структуру во главе с С. Удальцовым — организацию Авангард Красной Молодежи (АКМ), который в 2000-х гг. стал наиболее узнаваемым леворадикальным брендом в стране [1]. АКМ, «как и все прочие «комсомолы» при сталинистских партиях, стремился к самостоятельности и в конечном итоге добился ее» [10]. Леворадикальная героика и уже отмеченная культурно-эстетическая среда — вот наиболее привлекательные черты АКМ для молодежи. Лидеры организации вели более последовательную и эффективную публичную политическую деятельность, чем другие молодежные объединения на левом молодежном фланге. Руководство АКМ активно применяло PR-технологии в своей работе и стремилось использовать любой подходящий информационный повод для популяризации собственного бренда. Яркие, эпатажные, отчасти агрессивные действия, столкновения с милицией, многочисленные «акции прямого действия» заставляют говорить об АКМ как о наиболее серьезном оппозиционном молодежном объединении. Но следование политической конъюнктуре приводит АКМ и к заметным идеологическим преобразованиям. Радикальная антикапиталистическая риторика к концу 2000-х гг. сменилась вполне либеральными требованиями свободы собраний и образования демократического парламента. Фактически АКМ — это уже не леворадикальная или сталинистская организация, несмотря на вполне революционную программу.

Объединение «несистемной» левой оппозиции в политический союз Левый Фронт (с 2008 г.), а затем и в партию РОТ Фронт (с 2010 г.) является попыткой руководства АКМ и РКРП-РПК объединить оставшиеся в стране раздробленные левые группы [8]. Однако очевидно, что эти проекты лишены реальной по-

литической и электоральной успешности. Популистское фразерство при практически отсутствующей пропагандистской работе с целевой аудиторией обрекает эти объединения на существование лишь в медийном пространстве. Подобные попытки объединения молодых левых в стране уже предпринимались. Когда избирательные кампании 2003-2004 гг. показали, что внимание к молодежным движениям существенно возросло, многие партии стали активно проводить свою молодежную политику. Создание молодежной левой коалиции Молодежный Левый Фронт (МЛФ) предполагалось как объединение прокоммунистических молодежных групп (Союз коммунистической молодежи Российской Федерации, АКМ, РКСМ (б), «Социалистическое сопротивление», Революционная рабочая партия) под патронажем КПРФ в рамках обновления имиджа партии. Среди наиболее заметных мероприятий, организованных МЛФ, следует отметить проведение ежегодных акций протеста «Антикапитализм», сопровождавшихся столкновениями с милицией и уличными беспорядками. Впоследствии руководство КПРФ прекращает развитие этого проекта, возможно, по причине того, что МЛФ мог стать конкурентом партии на левом фланге или быть использованным иными политическими силами [11].

Тем самым молодежные сталинистские группы, имея существенный политический и материальный ресурс в 1990-х гг., фактически утратили свое влияние к середине 2000-х гг., оказавшись неспособными вести последовательную деятельность согласно собственным политическим интересам. Во многом это связано со сталинизмом как набором идеологических установок. Свойственные сталинизму апологетика СССР, великодержавный патриотизм, антизападная риторика в начале 2000-х гг. стали использоваться в пропагандистских целях политической элитой страны. Национал-патриотизм перестает быть идеологемой политических маргиналов и приобретает государственный уровень. Как следствие, наиболее ортодоксальные сталинистские молодежные группы замыкаются в своей политической нише и практически никак себя не проявляют, другие же, следуя политической конъюнктуре, но претерпевая идеологические изменения, остаются субъектами политического процесса.

Функционирование сталинистских объединений в контексте этнополитических процессов Юга России на современном этапе, на наш взгляд, неэффективно, однако имеет положительный потенциал. Данные политические группы используют ярко выраженный просоветский реваншистский дискурс, который в условиях многонационального состава региона и сепаратистских тенденций 1990-х гг. воспроизводит идеологемы периода централизованного территориально-административного управления и крайне жесткой национальной политики, особенно в сталинский период. На современном этапе этатистские идеологемы в левом сталинистском варианте в этнополитических процессах Юга России не отвечают запросам как местной элиты, так и населения, про-

являющего все больше скепсиса относительно тенденции к углублению политико-экономической централизации. Но в то же время в случае формирования подобными объединениями наднационального, общегражданского проекта развития региона с равными условиями интеграции и снижением межнациональной напряженности ненасильственными методами эти группы могут рассчитывать на поддержку населения левых и консервативных взглядов.

Другая часть леворадикального фланга — анархистское движение претерпевает в России бурный рост в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда возникают наиболее многочисленные анархистские объединения: Конфедерация анархо-синдикалистов, Ассоциация движений анархистов, Федерация революционных анархистов, Федерация анархистов Кубани и ряд других. Идеологически анархизм также неоднороден. Внутри течения выделяются правые тенденции (анархо-индивидуализм, анархо-капитализм) и левые (анархо-коммунизм). В современную эпоху наиболее активным сегментом распространения анархистских идеологием является неформальная контркультурная молодежная среда. Однако здесь анархизм рассматривается скорее как стиль поведения, чем как политическая идеология. Тем не менее традиционно неформальная молодежь выступает главным кадровым ресурсом анархистских объединений.

Левый вариант анархизма в России возобладал к концу 1990-х гг., когда в среде контркультурных активистов стали популярными формы и технологии деятельности представителей разнообразных европейский левых автономных течений, главным образом милитант-антифашистов. Наиболее активное в России объединение анархистов — движение «Автономное действие» (АД) образовалось в 2000 г. после так называемого краснодарского дела, фигурантами которого были представители Федерации анархистов Кубани, обвиненные в подготовке покушения на губернатора Краснодарского края, национал-патриота Н.И. Кондратенко [10]. Создание АД было призвано осуществить ребрендинг российских анархистов, произвести идеологические корректировки относительно современных западных леворадикальных тенденций, которые в большинстве своем полностью копировались [3]. Идеологическая установка АД на борьбу со всеми формами дискриминации и подавления личности существенно разнообразила и технологический характер деятельности российских леворадикалов. Различного рода экологические акции, отстаивание прав сексуальных меньшинств, выступления за права животных стали неотъемлемой частью либертарного левого движения в России. Однако изначальная ориентация на полулегальные методы публичной деятельности приводит объединение к бессмысленному и бесперспективному уличному хулиганству без возможности участия в политическом процессе как серьезного актора. Также отрицание принципа партийности и подчинения меньшинства большинству, интерпретируемых как проявления авторитарности, на практике делает АД достаточно

аморфным политическим образованием, представляющим собой в значительной степени политизированное субкультурное сообщество [3].

Популярность среди молодежи движение обрело благодаря своей активной антифашистской деятельности, в том числе и силового характера. АД во многом способствовало развитию в России движения-субкультуры «антифа» как объединения молодежи для совместного противодействия деятельности неонацистов. В конце 2000-х гг. наметилась тенденция сближения анархистов с либеральным правозащитным движением. Это связано во многом с ростом ксенофобских настроений в обществе, которому и анархисты и правозащитники пытаются противостоять. Также немаловажен фактор усиления репрессивных мер по отношению к молодым антифашистам со стороны правоохранительных органов. Правозащитники часто предоставляют юридическую защиту «антифа».

Деятельность анархистского движения в современной России существенным образом зависит от настроения молодежных субкультур (панков, стрэйт-эджеров, левых скинхедов). В этом как преимущества, так и недостатки движения. С одной стороны, анархисты могут привлекать на свои мероприятия большое количество активистов благодаря массовости субкультур. С другой стороны, отсутствие четкой организационной и кадровой структуры делает объединение неспособным к продолжительной и конструктивной работе. Анархистское движение так и не смогло сформировать политически влиятельного явления во многом из-за того, что не имело серьезной социальной базы и ориентировалось на представителей контркультуры. Антиавторитарный дискурс анархистов остается непонятным для простых граждан, а совершенно эфемерные призывы к ликвидации государства как политического института, безусловно, лежат вне сферы интересов большинства населения России.

В этнополитических процессах анархистские группы придерживаются федералистских, а часто и сепаратистских позиций. Очевидно, в некоторых регионах Юга России с высоким уровнем конфликтности в кризисных условиях анархистские объединения могут найти достаточную кадровую базу для активного функционирования. Наибольшую опасность для этнополитической безопасности региона представляет соединение социального и национально-го протеста в русле автономизма, что может привести к формированию сепаратистских военизированных групп, как, например, ЭТА в Испании или ИРА в Ирландии.

Троцкистская альтернатива в леворадикальном движении постсоветской России в 1990-е гг. находилась в состоянии организационного формирования. Многочисленные левые группы, являясь российскими филиалами троцкистских интернациональных образований, пытались создать необходимый потенциал для формирования реально функционирующих организаций. Наиболее крупным из таких объединений оставался Комитет за рабочую демокра-

тию и международный социализм как российская секция Комитета за рабочий интернационал [15]. Господство сталинистских групп в левом движении 1990-х гг. делало троцкизм слабозаметным явлением в российской политике. Троцкистские объединения постоянно преследовали расколы, смена названий, сотрудничества и конфликты с международными левыми коалициями.

Характерная черта российских троцкистов в 2000-х гг., отличающая их от остальных российских левых, — активная работа в рамках международного антиглобалистского движения. При поддержке международного Фонда Розы Люксембург троцкистские группы проводят разнообразные совещания и конференции, посвященные проблеме развития антиглобалистских тенденций в российском левом политическом секторе. Активисты троцкистских объединений также принимают участие в организации и работе различных международных и российских социальных форумов и контрсаммитов «Большой восьмерки». Среди наиболее заметных публичных троцкистских сообществ следует отметить движение «Альтернативы», одним из инициаторов которого является профессор МГУ, теоретик социалистического движения А.В. Бузгалин [5].

Тема международной солидарности трудящихся имеет первостепенное значение для троцкизма как идеологической концепции. Троцкисты ориентированы на работу с профсоюзами, рабочими объединениями, трудовыми коллективами. На этом поле деятельности наибольших успехов добилась пермская троцкистская организация «Рабочая демократия», участвовавшая в стачечном движении региона [12]. Несмотря на то что среди троцкистских групп нет формально молодежных объединений, основу большинства подобных организаций составляет радикально настроенное студенчество. Более взрослые члены, как правило, являются политическими деятелями еще с советских времен.

Среди троцкистских групп с молодым членским составом стоит отметить «Социалистическое сопротивление» [15]. Это объединение, образованное на основе Комитета за рабочую демократию и международный социализм, в начале 2000-х гг. смогло проявить себя как достаточно организованная и идейная группа. Главными направлениями деятельности организации стали борьба с уплотнительной застройкой и жилищное движение. Некоторое время «Социалистическое сопротивление» было единственной молодежной левой организацией, не придерживающейся патриотических взглядов. Участие этой организации в проекте КППРФ «Молодежный левый фронт» носило скорее тактический, чем стратегический характер. В 2005 г. в организации происходит раскол. Ряд активистов во главе с руководителем московского отделения заявляют о выходе из организации на основании личных и организационных претензий. Отколовшаяся группа образует свое троцкистское объединение — Социалистическое движение «Вперед» [14]. После своего образования «впередовцы» начинают тяготеть к наиболее правой тенденции мирового троц-

кизма — манделистам. Они стоят на позиции децентрализации партийного строительства в противовес традиционному большевизму классических троцкистов. Менделисты более склонны к тактике деятельности современных автономных анархистов, функционирующих по схеме независимых друг от друга ячеек. «Вперед» являлось российской секцией старейшего троцкистского международного объединения «Четвертый интернационал». В марте 2011 г. происходит образование нового троцкистского объединения — Российского социалистического движения (РСД) путем слияния «Социалистического сопротивления» и ранее отколовшегося «Вперед». Таким образом, на данном этапе своего развития троцкистский сектор российского левого радикализма является относительно консолидированным [13].

Молодежные объединения троцкистского толка заметно уступают в численности и влиянии своим анархистским и сталинистским аналогам в силу ряда причин. Во-первых, разрозненность и конкуренция троцкистских образований между собой не дают в полной мере раскрыть весь потенциал активистов. Внутриорганизационная борьба руководства этих леворадикальных объединений превалирует в их деятельности. Во-вторых, нонконформистская культурно-эстетическая среда в троцкизме занимает намного меньше места, чем у других левых. В-третьих, необходимость международного признания для троцкистов имеет важное идеологическое значение, а для того, чтобы вести переговоры с иностранными партнерами и взаимодействовать с серьезными политическими субъектами, радикальная молодежь не располагает ресурсами. Административная деятельность часто становится наиболее проблемным элементом практической работы для молодых левых и вынуждает их искать внешнее шефство, как правило, со стороны более влиятельных объединений. В-четвертых, повседневная пропагандистская работа в молодежной рабочей среде, практикуемая троцкистами, недостаточно адаптирована к взаимодействию с трудовыми коллективами и не дает должного эффекта, тем самым троцкизм как политическое явление довольно сложен для радикальной молодежи. Он остается в России в значительной степени сферой рефлексии левых интеллектуалов и теоретиков.

Троцкистские объединения в этнополитических процессах Юга России не представлены. Во многом это связано с характером социально-экономической структуры региона, где традиционно преобладает аграрный сектор. В результате троцкисты здесь не могут в полной мере опереться на свою социальную базу в виде индустриальных рабочих. Также они предпочитают не отделять этнические конфликты от классовых, что в условиях исторически сложившейся сложной системы межнациональных отношений в некоторых субъектах региона может привести к неадекватным оценкам протекающих процессов и, как следствие, неэффективному функционированию этих политических объединений. В целом троцкистские группы, в отличие от других

левых, проявляют наименьший интерес к этнополитической проблематике в силу идеологических особенностей.

Таким образом, в итоге можно выделить общие черты, свойственные современному молодежному левому радикализму в России как социально-политическому феномену, в определенной степени влияющие и на этнополитическую составляющую политического процесса.

В первую очередь следует отметить субкультурность. Молодежи в процессе своей социализации свойственно образовывать специфические сообщества, действующие в определенном порядке, имеющие свои отличительные символы и знаки. Элемент игры здесь является определяющим. Реализация личностного потенциала для молодых людей становится возможной в пределах этого сообщества. Большинство радикальных политических образований в молодежной среде носят именно такой характер. Политическая организация в данном случае выступает как некий аналог подростковой компании или криминальной группировки, в рамках которой молодые люди самоактуализуются, свободно проявляют агрессивность, создают свои правила и нормы. Политическая деятельность становится занимательным досугом молодых людей, как, например, спорт или музыка. В некоторых случаях границу между политическим объединением и собственно субкультурой даже на практике определить очень сложно (анархистская среда).

Также определяющим до сих пор остается догматизм многих молодежных объединений. Поиск идейных ориентиров для молодежи часто ограничивается абсолютизацией определенных идеологических постулатов и неприятием иных концепций, что на практике препятствует созданию реально функционирующей левой политической коалиции и создает широкий спектр конкурирующих политических образований. В результате многие левые молодежные объединения выглядят парадоксально архаично в современную политическую эпоху. Определенными идеологическими границами леворадикального сектора политики могут быть описанные в данной статье сталинизм, троцкизм, анархизм и религиозный фанатизм.

Следует отметить, что леворадикальные молодежные объединения в современной России слабо справляются со своей функциональной ролью агентов артикуляции и агрегации интересов работников наемного труда как в силу внутренних организационных и субъективных причин, так и в силу особенностей политического процесса в стране. Более того, в этнополитические процессы данные объединения также слабо интегрированы. Однако их возможная роль в обеспечении этнополитической безопасности субъектов Юга России, на наш взгляд, существенно недооценена. Обозначим потенциально благоприятные аспекты функционирования подобных объединений в регионе.

Во-первых, леворадикальные объединения, в отличие от умеренных левых, не поддерживают перехода конфликтов в латентную стадию за счет админи-

стративного вмешательства. В данном случае работа леворадикальных объединений направлена на поиск истинных причин конфликтов, как, например, социальное неравенство или коррупция, выраженные в этнической структуре местного сообщества. Так, за мнимым раздражителем в виде этнокультурных различий может скрываться подлинная причина конфликта в виде социально-экономических противоречий. Эффективное функционирование левых объединений позволяет избегать возникновения непосредственно межэтнических конфликтов за счет переориентирования целевой аудитории с использованием своих каналов воздействия от этнокультурного к социально-экономическому фактору.

Во-вторых, леворадикальные объединения могут способствовать решению части проблем, сопутствующих миграционным процессам в регионе. Отстаивая трудовые права мигрантов, левые выступают агентами их социализации и интеграции в местное сообщество, что может снизить уровень этнической преступности в регионе. Объединение мигрантов в профсоюзные коллективы повысит уровень ответственности как работодателей, так и самих работников, способствуя конструктивному диалогу и правовому варианту решения конфликтов.

В-третьих, важно противостояние леворадикальных молодежных объединений националистическому популизму. В многонациональном регионе со сложными историческими этапами становления межнациональных отношений любая спекуляция на болевых точках этнополитических процессов может привести к крайне нежелательным результатам. Однако эффективная работа левых антифашистских объединений может лишить националистов социальной базы в первую очередь среди молодежи и не допустить формирования у целевой аудитории деструктивных идеологических установок.

В-четвертых, леворадикальные объединения подчеркнута нерелигиозны. Выступая за современное светское государство, эти группы крайне негативно относятся к религиозному фундаментализму, который представляет серьезную угрозу для этнополитической безопасности региона. Среди механизмов снижения социальной конфликтности левые видят не теократические, а социально-экономические преобразования. Данные идеологические особенности работы левых групп могут снизить градус религиозной ангажированности публичного политического дискурса в регионе.

Подобные желаемые результаты функционирования левых объединений в регионах Юга России возможны только при должном внимании к обозначенному инструменту сохранения этнополитической безопасности со стороны местного сообщества и властных структур государства. Если региональные элиты будут заинтересованы в работе агентов гражданского общества, прежде всего в виде независимых общественно-политических объединений, то их активная работа принесет свои заметные позитивные плоды. Очевидно, не все

левые группы нуждаются в поддержке местного сообщества, некоторые из них в определенных условиях могут артикулировать нежелательные требования и интересы, агрегирование которых сложно осуществить правовыми методами. Таким образом, этнополитическая безопасность Юга России — сложный феномен относительно стратегий акторов регионального политического процесса. Отказ от административно-силового варианта решения межэтнических проблем с региональной спецификой в пользу работы общественно-политических объединений несет немало краткосрочных рисков, однако является необходимым шагом для долгосрочного динамичного развития Юга России как региона с высоким уровнем этнополитической безопасности.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Динамика регионального конфликтного процесса на Юге России (экспертная оценка) // Социологические исследования. 2007. №9.
2. Авангард Красной Молодежи. URL: <http://www.akm1917.org/>
3. Автономное Действие — Вики АЧК и АД. Вики по либертарному коммунизму. URL: <http://wiki.avtonom.org/index.php/>
4. Алмонд Г. [и др.] Сравнительная политология сегодня: мировой обзор/Г. Алмонд, Г. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. М.: Аспект Пресс, 2002.
5. Альтернативы. URL: <http://www.alternativy.ru/>
6. Громов Д.В. Молодежь: конструирование экстремальности // Мужской сборник. Вып. 3: Мужчина в экстремальной ситуации. М.: Индрик, 2007.
7. История РКСМ (б). URL: <http://rksmb.ru/history.php/>
8. Левый Фронт. URL: <http://www.leftfront.ru/>
9. Леонов Ю.С. Жизненные стратегии молодых людей: массовые стереотипы и потребности их коррекции // Молодежная политика: зарубежный и отечественный опыт: Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2007. №16 (304).
10. Овсянников И. Критический путеводитель по российским левым. URL: <http://socialism.ru/old/index.php?id=1379/>
11. Пономарев И. Молодежный Левый Фронт: история и уроки. URL: <http://kremenchug-kpu.nm.ru/read/pl000002.htm/>
12. Рабочая демократия. URL: <http://www.revkom.com/>
13. Сайт Российского социалистического движения — РСД — Российское социалистическое движение. URL: <http://www.antikapitalist.ru/>
14. Социалистическое движение «Вперед». URL: <http://vpered.org.ru/>
15. Социалистическое сопротивление. URL: <http://www.socsopr.ru/>
16. Союз офицеров. URL: http://oficeri.ucoz.ru/index/oficialnaja_informacija_opo_sojuz_oficerov/0-2/

ЛЕГИТИМНОСТЬ И СВОДИМОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В ПОЛЕ ВЛАСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

.....

В. В. Меньшиков, Ю. А. Пеницын¹

В статье рассматривается легитимность как определенное качество, характеризующее властное взаимодействие в обществе. Дается анализ основных факторов, обуславливающих наличие легитимности. Особое внимание обращается на сводимость основных интересов как одного из условий, обеспечивающих стабильность и устойчивость общественного развития.

Ключевые слова: легитимность, политика, власть, идентификация, технологии, доверие.

In the introduced article legitimacy is considered as a definite quality which characterizes masterful interaction in the society. The analysis of the main factors is given. They determine the presence of legitimacy. Special attention is paid on the reducibility of the main interests as one of the conditions which ensure stability and hardness of the society development.

Key words: legitimacy, policy, power, identification, technology, trust.

Проблема легитимности государственной власти в условиях современной России приобретает не только важное научно-теоретическое, но и практическое значение. Это связано прежде всего с преобразованиями общественной жизни страны, необходимостью мобилизации интересов и привлечения населения для реализации намеченного правительством стратегического курса. Реальное положение дел в России свидетельствует, что становление нового общественного строя — процесс внутренне противоречивый, требующий больших усилий для преодоления имеющихся трудностей, создания механизмов, способствующих консолидации различных политических сил общества. Определяющую роль в этом процессе играет государственная власть,

---

¹ Меньшиков Валерий Владимирович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Пеницын Юрий Андреевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

что не умаляет значимости общественно-политических организаций, представителей бизнеса, общественных образований, населения страны в целом.

Легитимность политической власти выступает как определённое качество, характеризующее деятельность субъекта властных отношений с точки зрения её оправданности, необходимости, социальной значимости, правильности. Вместе с тем легитимность — это не только процесс односторонней оценки деятельности власти со стороны объекта, в её наличии активным образом заинтересована сама государственная власть. Заинтересованность может выступать или как принцип, лежащий в основе деятельности власти, или как одна из идеологических функций, направленная на сохранение и упрочение своих позиций. Говоря иначе, власть может руководствоваться действительными критериями, лежащими в основе легитимности, или строить отношения с объектом, создавая видимость легитимности. «Обеспечение легитимности, или легитимизация, — это форма обоснования, которая призвана интегрировать разрозненные институты, отношения, процессы, подсистемы и т. д., тем самым придавая смысл всему социальному порядку. Политическая легитимизация — это признание, по меньшей мере, большинством общества правомерности господства, действующего в данный конкретный период политического режима» [2, с. 240]. В определённой мере легитимность государственной власти зависит от социальных условий: чем благополучнее ситуация в обществе, тем легче власти справляться с возложенными на неё обязанностями.

Политические отношения представляют собой разновидность всеобщих связей, возникающих при реализации власти в обществе, в котором имеются в достаточной мере сложившиеся социальные общности. В качестве регулятора политических отношений могут выступать как правовые, так и религиозные, моральные и другие нормы. Политические отношения в демократически организованном обществе регулируются правом постольку, поскольку они выступают в форме правоотношений. Степень соответствия деятельности государственной власти существующему законодательству может восприниматься как одно из условий легитимности. Вместе с тем право не исчерпывает содержания легитимности политической власти, которая наряду с ним предполагает наличие ряда других факторов. К таковым относятся: наличие стратегической цели общественного развития, доверие масс, согласие, одобрение и поддержка осуществляемой политики. Остановимся на данных факторах несколько подробнее.

Наличие научно обоснованной стратегической цели позволяет систематизировать меры, направленные на её осуществление. Без четкого понимания цели общественного развития неизбежны ошибки, субъективизм, дезорганизованные формы поведения людей, другие социальные издержки. От выбора стратегической цели общественного развития зависит стабильность общественной системы, согласие в обществе. Яркий пример неправильных действий

российского правительства — непродуманный во многих отношениях политический курс, проводимый в 1990-е гг. в период президентства Б.Н. Ельцина. «В этом смысле демократические реформы 90-х гг. XX в. в России войдут в её политическую историю как *эпоха самой безнравственной революции*, совершенной не народом, а частью старой советской бюрократии и, за небольшим исключением, не лучшей частью советской интеллигенции» [4, с. 34].

Доверие к власти формируется на основе определённых критериев оценки действий субъекта властных отношений. Оно предполагает наличие осмысленного отношения к анализу действий и решений власти. Эти критерии могут носить преимущественно объективный или преимущественно субъективный характер, быть четко означенными или расплывчатыми. На формирование критериев оценки существенное влияние оказывают действия самой власти, сопровождающие её социальные последствия. Важную роль при этом играет учет сложившейся в обществе ситуации, понимание текущих задач, мера совпадения основных установок и интересов.

Доверие становится возможным лишь тогда, когда появляется убежденность в правильности предлагаемого правительством курса, в необходимости его осуществления. Если этого нет, то оно при известных обстоятельствах может трансформироваться в фанатизм, безоговорочное подчинение авторитету власти. Здесь по сути дела речь идет уже не о доверии, а о слепой вере со всеми вытекающими последствиями. Властные отношения такого рода чаще всего присущи тоталитарным режимам, где всякое инакомыслие рассматривается как покушение на общественный строй, государственный порядок и жестко карается. Возможна и другая крайность — нигилизм, резко отрицательное отношение к власти вследствие категорического несогласия с её действиями. Наряду с этим доверие к власти, её действиям может обуславливаться низкой политической культурой определённой части электората, его неспособностью правильно оценить реальную обстановку и действия властей.

Вместе с тем доверие масс — это не просто выражение мнения. На определённых этапах оно преобразуется в конкретные действия людей, предопределяет характер последних. Доверие — внутренне противоречивый феномен. Оно существует наряду с недоверием, несогласием с деятельностью соответствующего субъекта власти. Степень доверия к власти в значительной мере предопределяет качественный уровень её легитимности.

Доверие находит своё проявление в согласии с проводимой государственной властью политикой, выражается в одобрении. Основу согласия составляет оценочный подход, как процесс он неоднозначен, противоречив. В какой-то мере объект может соглашаться или не соглашаться с проводимой политикой. Все зависит от критериев, ориентируясь на которые оценивают события. Последнее влияет на формирование волевой активности, волевой установки. В результате формируется энергия волевого импульса, направленная

на активное реагирование, иначе говоря, согласие предполагает совпадение основных интересов в понимании необходимости осуществления проводимой политики.

Одобрение — это форма активной деятельности, направленная на выражение своего отношения к действиям власти. Переход одобрения на стадию практической реализации выступает как поддержка. Легитимность власти выглядит наиболее убедительно, когда она опирается на активную поддержку масс. Однако данный критерий многообразен в своих проявлениях. Дело в том, что власть может прибегать к искусственному имитированию, созданию видимости поддержки, выдавая свои интересы или интересы узкой группы лиц за общенародные, общенациональные. Специально проводимая для этого работа, мероприятия, идеологический прессинг могут исказить действительное положение дел и создать видимость существующей поддержки. Поэтому нужно различать поддержку власти подлинную, истинную и имитированную.

Наиболее полную поддержку политический курс, проводимый государственной властью, находит тогда, когда имеется предварительное согласование намерений власти с большинством населения, совпадение их основных интересов, наличие организационно оформленных структур для осуществления поддержки. Поддержка может усиливаться, когда налицо конкретные результаты проводимой политики, и, наоборот, уменьшаться, если этого нет. Иногда правительство, выясняя отношения с народом или оппозицией, прибегает к военной силе. В этом случае поддержка и неподдержка дифференцируются в зависимости от занимаемой субъектом позиции. Они получают самые разнообразные формы выражения — от молчаливого согласия до крайних форм протеста. Подлинная демократия может функционировать только на легитимной правовой основе.

Интересный в научном отношении семантический и когнитивный анализ развития представлений о легитимности дан К. Ф. Завершинским. Отмечая важную роль в современном политическом дискурсе понятия «легитимность», он констатирует, что в западной политологии это понятие фиксирует процесс обоснованности, оправданности, объяснимости, согласованности, институционального порядка, характерного для тех или иных политий. Это позволяет рассматривать легитимность как специфическое состояние политической системы, где существующий порядок распределения власти обеспечивает возможность направлять действия политических субъектов с минимальным использованием принуждения и насилия. «Легитимность выступает в таком случае неким «горизонтальным» уровнем интеграции политических институтов, основанным на субъективном признании участниками интеракций, независимо от их статусных и ролевых предпочтений, общего смысла политического процесса, по крайней мере, в темпоральных границах устойчивого существования той или иной политики» [3, с. 113]. Данного рода интеграция,

по мнению автора, неизбежно предполагает использование символических ресурсов, а не только институциональных или каких-либо иных инструментальных средств.

Легитимность не исчерпывает всего многообразия взаимоотношений государственной власти с населением. Будучи составляющей данных отношений, она может базироваться на различных основаниях, выступать в различном качестве. Одной из таких составляющих, влияющих на стабильность, устойчивость, легитимность политической власти, является сводимость основных интересов, которая может рассматриваться как одно из проявлений идентификации. Идентификация представляет своеобразное свойство, присущее соответствующему числу элементов системы, которое выражается в совпадении по некоторым параметрам мнения, понимания, отношения к политической действительности, происходящим в обществе процессам. Для того чтобы идентификация имела место, необходимы соответствующие условия [1, с. 63]. Социальная среда, как правило, неоднозначна по своему наполнению участниками политического процесса. Идентификация проявляется в совпадении (частичном совпадении) ориентаций в понимании необходимости осуществления политических действий для достижения определённых целей, решения задач, реализации интересов. Дело в том, что интересы могут носить противоречивый, взаимоисключающий характер и в то же время сосуществовать в рамках данной системы, более того, носить системно ориентированный характер. В таких случаях системность — это качество, которое обеспечивает сводимость данных противоположных интересов в рамках заранее установленных или декларируемых правил. При этом главный смысл сводимости состоит в том, чтобы, целенаправленно влияя на сознание людей, приобщать их к соответствующему участию в политических и иных процессах. Без сводимости интересов социальная система предрасположена к утрате способности сохранения системообразующих признаков. Исходя из этого, сводимость следует понимать как деятельность, направленную на обеспечение условий для относительно стабильного взаимодействия различных социальных образований в обществе с целью согласования противоречивых интересов в рамках проводимой государством политики. Сводимость — это поиск путей, разработка и внедрение технологий, позволяющих ориентировать в нужном для государства направлении интересы групп для решения в конечном счете стратегически значимых задач.

Если государственная власть представляет интересы незначительной части населения, то она вольно или невольно для сохранения своих приоритетов вынуждена прибегать к методам нейтрализации недовольства большинства населения: «Если субъектов власти любого уровня обозначить категорией «политическая элита» (не обязательно от должного, но и по факту наличия власти), то... управление легитимно, если политические элиты осуществляют власть,

опираясь на согласие широких масс, а значит, эта власть принимается массами, а не просто ей навязывается. Для этого необходимо наличие определенных механизмов и принципов, функционирование которых дает право одним приказывать и обязывает остальных подчиняться этим приказам» [5, с. 49].

Разрешение данного противоречия применительно к обществу в целом возможно лишь при создании условий для сводимости интересов. Для этого необходимо, во-первых, выявить существующие различия в подходах к пониманию путей общественного развития и государственного строительства, чтобы определить возможные направления сводимости. Во-вторых, следует сформулировать цели и задачи, которые поддерживало бы большинство населения страны и в осуществлении которых оно было бы заинтересовано. В-третьих, необходимо создать соответствующие структуры, способные на практике осуществлять сводимость интересов в рамках существующих ценностных ориентаций. В-четвертых, нужно привести к органической сводимости системы государственного регулирования и общественного самоуправления. В-пятых, следует предусмотреть основные социальные и политические стимуляторы для воздействия на деятельность и поведение людей в нужном для общества направлении.

Такого рода абстрактный подход, носящий преимущественно нормативный характер, может быть дополнен соответствующим технологическим инструментарием, который предусматривает осуществление следующих процедур:

- устранение факторов, причин, обуславливающих наличие крайне противоречивых интересов;
- подведение противоречивых интересов под общее системное основание;
- поиск вариантов внутренней и внешней переориентации противоречивых интересов;
- координирование шкалы ценностных ориентаций, влияющих на интересы;
- определение наиболее важных положений, лежащих в основе противоречивых интересов;
- изменение состояния социальной среды, парадигмы властного поля;
- использование правовых возможностей, моральное воздействие.

Сказанное позволяет сделать вывод: сводимость политических интересов — это весьма существенный фактор, умелое использование которого может влиять на устойчивость, стабильность общественного развития, на легитимизацию действий государственной власти.

Библиографический список

1. *Анисимова А., Ечевская О.* Сибирская идентичность как политическое высказывание // Pro et Contra. 2012. Т. 16, № 3. Май-июнь.

2. *Гаджиев К. С.* Политическая философия. М.: Логос, 1999.
3. *Завершинский К. Ф.* Легитимность: генезис, становление и развитие // Полис. 2001. № 2.
4. *Федоркин Н. С.* Ценностные ориентации власти как интегрирующий фактор социального знания // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 2001. № 2.
5. *Саркисян Н. А.* Легитимность в политической системе // Легитимность политической власти: тез. докладов и сообщений науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 28-29 января 1994 г.). Ростов н/Д: РГУ, 1994.

ПАТЕРНАЛИЗМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: ПОЗИЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОЖИДАНИЯ ГРАЖДАН

.....

Ю. А. Зеликова, Ж. В. Чернова¹

Статья посвящена сравнительному анализу мер современной семейной политики и потребностей граждан с семейными обязанностями в помощи со стороны государства. На материалах количественного опроса жителей г. Санкт-Петербурга исследуется отношение родителей к мерам поддержки, предоставляемым государством. Делается вывод о том, что инструменты семейной политики, а также запрос со стороны различного типа семей совпадают по своей идеологической направленности. Рассматриваются причины неэффективности проводимой государственной семейной политики.

Ключевые слова: семья, семейная политика, патернализм.

Paper deals with a comparative analysis of contemporary measures of family policy and the needs of citizens with family responsibilities in aid from the state. Quantitative survey of the residents of St. Petersburg analyses the relationship of parents to support measures provided by the state. The conclusion is that the instruments of family policy, as well as a request from the different types of families are the same in their ideological orientation. The reasons of inefficiency carried the state family policy.

Key words: family, family policy, paternalism.

Концептуализация семейной политики

В литературе сложилось несколько подходов к определению семейной политики и используемых государством мер [13; 9; 16; 11]. Все многообразие представленных точек зрения на то, что понимается под семейной политикой, можно разделить на два основных подхода. Первый условно можно назвать узким,

---

¹ Зеликова Юлия Александровна – кандидат социологических наук, доцент факультета социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург. Эл. почта: juliazelikova@hotmail.com

Чернова Жанна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент факультета социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург. Эл. почта: chernova30@mail.ru

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 г., грант № 12-05-0017.

когда семейная политика, будучи субкатегорией социальной политики, занимается исключительно проблемами семьи, в отличие от социальной политики, которая рассматривает проблемы индивидов в обществе в целом, не делая акцента на их семейном положении. Первый подход следует британской традиции определения социальной политики, предложенной Р. Титмуссом [15, р. 23-32]. Сторонники данного направления рассматривают семейную политику как действия государства, направленные на достижение специфических целей, таких как повышение уровня рождаемости, обеспечение благосостояния, гарантирование минимального уровня доходов гражданам с семейными обязанностями, и ряд мер по прогрессивному перераспределению общих ресурсов между семьями с детьми и бездетными гражданами. В поле внимания исследователей попадают все специальные действия, предпринимаемые государством непосредственно в отношении семьи. К мерам семейной политики в таком узком ее понимании обычно относят прямые материальные поддержки, например, пособия, которые выплачиваются государством [12, р. 140; 11, р. 132].

Второй, более широкий подход заключается в представлении о том, что семейная политика должна рассматриваться шире, чем социальная политика. Ш. Циммерман предлагает ее следующим образом: «В широком смысле семейная политика — это все действия правительства, которые затрагивают семью непосредственно или опосредованно. Первичной целью семейной политики в этом случае является индивидуальное и семейное благосостояние. Важность благосостояния связана с его значением для функционирования индивида и семьи, для социальных отношений и интеграции, для демократического гражданства. Таким образом, задача заключается в том, чтобы добиться индивидуального и семейного благосостояния, что в итоге будет способствовать достижению других социальных целей и ценностей» [16, р. 153]. Такой подход означает, что исследователи должны оценивать весь спектр действий, предпринимаемых государством, через призму семейного измерения, т.е. исходя из того, какое влияние они оказывают на положение членов семьи в обществе. Критерием оценки действий правительств является благополучие семьи в самом широком смысле этого слова, например, экономическом, социальном, физическом и др. [16, р. 19].

Широкая трактовка семейной политики, включающей все действия, которые предпринимает государство опосредованно или непосредственно в отношении семьи, подвергается критике, поскольку она предполагает рассмотрение всего списка правительственных программ и мероприятий, а также последствий их реализации для семьи, что затрудняет выделение собственно предмета семейной политики [9; 14]. Кроме того, определение семейной политики, предложенное Ш. Циммерманом, ограничивает данное понятие исключительно политикой, оказывающей положительное влияние на положение семьи и ее членов в обществе, тогда как неблагоприятные последствия, к кото-

рым могут привести действия государства, остаются за рамками ее рассмотрения. Однако политические решения часто негативно сказываются на положении семьи, так как рассматривают индивидов вне их семейных обязанностей. По мнению М. Кауфмана, это характерная форма структурного пренебрежения к семье со стороны государства, которую нельзя не учитывать при анализе семейной политики [14, р. 430-431]. Тем не менее данный подход к определению того, что такое семейная политика и какие меры к ней относятся, довольно распространена в западной научной литературе.

Итак, широкое понимание семейной политики позволяет утверждать, что она эквивалентна социальной политике в целом, поскольку охватывает все те мероприятия, которые государство осуществляет в отношении семьи и которые так или иначе затрагивают институт семьи. Согласно узкому пониманию она выступает только частью социальной политики, так как состоит из непосредственной поддержки, которую государство предоставляет семье с детьми, и нацелена на то, чтобы поддержать и /или улучшить благосостояние таких семей.

Концептуализация семейной политики может осуществляться на основе ее целей. В этом случае, как правило, говорят, об эксплицитных и имплицитных целях. К эксплицитным относят явно сформулированные цели семейной политики, например, повышение уровня рождаемости посредством прямых материальных выплат матерям в связи с очередным рождением ребенка. Имплицитные, или скрытые, цели могут формально относиться к другим направлениям политики государства, но иметь последствия для благополучия граждан с семейными обязанностями. Например, развитие мер социальной защиты населения ведет к увеличению социальной стабильности, что также может оказывать положительное влияние на принятие семьей решения о рождении детей. Другие меры социальной политики — развитие транспортной инфраструктуры, улучшение жилищных условий, доступное и качественное медицинское обслуживание и образование — могут иметь аналогичные эффекты.

Кроме концептуализации семейной политики на основе целей, обычно разделяют преднамеренные и непреднамеренные последствия, связанные с ее эффективностью. Ожидаемые последствия, как правило, совпадают с поставленными задачами семейной политики. Важным условием в данном случае выступает совпадение предоставляемых в рамках семейной политики различных видов поддержек и тех или иных видов помощи с ожиданиями и индивидуальными предпочтениями граждан с семейными обязанностями. По мнению К. Хаким, семейная политика эффективна только тогда, когда она совпадает с предпочтениями большой категории граждан, являясь адекватным ответом на запросы со стороны семей [10]. Непреднамеренными для разработчиков политики последствиями могут быть незапланированные эффекты. Например,

таким последствием введения в России с 2007 г. материнского капитала может стать тот факт, что вместо повышения мотивации к рождению второго ребенка он всего лишь ускорит сроки второго рождения, если оно и так планировалось семьей.

Важна также позиция государства как одного из основных акторов социальных и политических действий в отношении семьи. Речь идет о роли и степени влияния, которые может оказывать государство на благополучие семьи. Можно выделить следующие основные позиции государства:

- 1) позицию *максимального* участия государства, постулирующую основную и эксплицитную ответственность государства за защиту и поддержку семьи;
- 2) позицию *минимального* государственного вмешательства, когда семья рассматривается как часть частной, приватной сферы, куда государство не может и не должно вмешиваться;
- 3) позицию *выборочной* ответственности государства, позволяющую государству вмешиваться только в дела тех семей, которые испытывают определенные социальные и экономические проблемы, например, малообеспеченные семьи, многодетные семьи, моно-родительские семьи (т.е. семьи, состоящие из одного родителя, как правило, матери и детей), семьи с детьми-инвалидами и др. [14, p. 430].

Необходимо отметить, что обозначенные точки зрения на возможности и степень влияния государства на жизнь семьи вписаны в более широкую институциональную рамку социальной политики. Таким образом, мы исходим из первого подхода к определению семейной политики, считая ее отдельной, институционализированной областью действий государства с открыто декларируемыми целями. Эксплицитный характер современной российской семейной политики, а также пакет мер, адресованных семьям с детьми, позволяет определять ее как пронаталистскую. Это означает, что основной акцент деятельности государства сделан на материальных поддержках, направленных на стимулирование рождаемости [3; 5; 7]. При этом нас интересует характер взаимоотношений государства и граждан с семейными обязанностями, а также то, насколько потребности семей с детьми совпадают с реализуемыми мерами семейной политики.

Семейная политика в постсоветской России складывалась в контексте болезненных трансформаций, которые переживало российское общество при переходе от командно-административной к рыночной экономике. Можно говорить о том, что произошел отказ от универсалистского принципа оказания помощи семьям с детьми в пользу ограниченной по размеру и числу бенефициариев помощи. На практике принцип минимализма, который был характерен для начала 2000-х гг., выразался в изменении выплаты пособий по уходу за детьми, сокращением детских дошкольных учреждений. С 2007 г. начина-

ется новый этап формирования и развития семейной политики как на уровне идеологии, так и на уровне конкретных инструментов ее реализации [4; 6; 8]. Произошел переход от политики, построенной на принципах минимализма, к эксплицитным пронаталистским действиям государства в отношении семьи. С 2007 г. преодоление демографического кризиса, а именно повышение рождаемости и решение семейного вопроса как возрождение традиционных семейных ценностей, по сути, является пятым национальным проектом, для успешной реализации которого государство готово мобилизовать как экономические, так и идеологические ресурсы. Пронаталистская направленность семейной политики следует из того, что главным и по существу единственным направлением практических действий государства в отношении семьи стало стимулирование рождаемости с помощью прямых мер преимущественно монетарного характера: выделение материнского капитала женщине, родившей или усыновившей второго и последующих детей; увеличение размера пособия по уходу за ребенком до полутора лет; выплата работающим до отпуска по беременности и родам женщинам пособий по уходу за ребенком в размере не менее 40% заработной платы²; компенсация на пребывание ребенка в детском дошкольном учреждении; увеличение стоимости родовых сертификатов.

В этот период также происходит возврат к патерналистскому характеру отношений между государством и семьей, а именно матерью. Неуверенность женщин в завтрашнем дне, необходимость делать выбор между материнством и работой, боязнь неспособности обеспечить приемлемый образ жизни своим детям — все эти в первую очередь материальные обстоятельства, с точки зрения государства, определяют низкий уровень рождаемости. В глазах представителей власти именно материальные поддержки наиболее востребованы семьями с детьми, а возврат к патерналистским отношениям между семьей и государством обеспечат достижение заявленных целей в сфере семейной политики. Таким образом, можно говорить о том, что в последние годы произошло переформулирование общественного договора между гражданами и государством. Государство не только обозначило свою заинтересованную позицию в отношении брачно-репродуктивного поведения граждан, но и продемонстрировало реальную готовность взять на себя определенные, преимущественно материальные, обязательства по оказанию помощи семьям с детьми. Однако в заключении контракта участвует и другая сторона, поэтому не-

---

² С 1 января 2013 г. изменится порядок выплаты пособий по беременности и родам. Они будут рассчитываться исходя из заработной платы женщин. Данные поправки были введены с 1 января 2011 г., но вызвали массовое недовольство беременных женщин, особенно тех, у которых до оформления декретного отпуска не было необходимого стажа работы, например, студенток. Многие получатели пособий также заявили, что новая редакция закона ухудшит положение матерей — размер пособия у многих уменьшится на треть, а то и в два-три раза. После обращения женщин в органы власти был введен мораторий на изменения порядка выплаты пособий до 31 декабря 2012 г., когда женщины сами могли выбирать порядок начисления пособий: по старой или новой схеме.

обходимо изучить, каково отношение граждан с семейными обязанностями к существующим поддержкам со стороны государства и в какой именно заботе они нуждаются.

Методология исследования

Эмпирические материалы были собраны в ходе проведения исследования «Родительство в современной России: политика, ценности и практики», которое включало проведение анкетного опроса родителей детей в возрасте от 0 до 16 лет. Объем выборки составил 2000 чел., из них половина отцов и половина матерей. Опрос проводился по кластерной выборке в несколько этапов.

На первом этапе проводился случайный отбор школ и детских садов Санкт-Петербурга. Для этого все школы Петербурга были разбиты на 3 группы: 1) общеобразовательные школы; 2) гимназии и лицеи; 3) школы с углубленным изучением какого-либо предмета. Из каждой группы школ случайным образом и пропорционально представленности данной группы в общем списке школ Петербурга были выделены 20 школ. Выбор детских садов осуществлялся также случайным образом из общего их списка в городе. Всего было выбрано 10 детских садов. На втором этапе в каждой школе и в каждом детском саду случайным образом выбиралось несколько классов или групп. Выбор осуществлялся так, чтобы в каждой школе были представлены начальные, средние и старшие классы, а в каждом детском саду — младшие, средние и старшие группы. В результате было выбрано 85 классов и 25 групп детских садов. На третьем этапе проводился сплошной опрос родителей в выбранных классах и группах. В школах опрос проходил во время родительских собраний, а в детских садах — в то время, когда родители приходили в детский сад за детьми. От каждой семьи опрашивался один родитель.

В связи с тем что матери чаще посещают родительские собрания и чаще забирают детей из детских садов, подвыборка матерей была сформирована быстрее. После завершения опроса матерей проводился целенаправленный опрос отцов. В результате отбора была сформирована выборка родителей, где отцы и матери представлены в равных долях. Следует отметить, что в нашу выборку не попали родители, которые никогда не посещают родительских собраний и никогда не забирают детей из детских садов. Это обстоятельство, с одной стороны, нарушает принцип случайного отбора, но с другой стороны, представляет нам мнение ответственных родителей (особенно это относится к отцам, попавшим в нашу выборку). В сформированной выборке семьи с одним ребенком составляют 57%, семьи с двумя детьми — 36, а семьи с тремя и более детьми — 7%. Данное распределение примерно соответствует структуре семей разного типа в Санкт-Петербурге.

Анкета для проведения личного опроса включала следующие блоки: ценности воспитания детей, организация заботы и ухода за детьми, семейные цен-

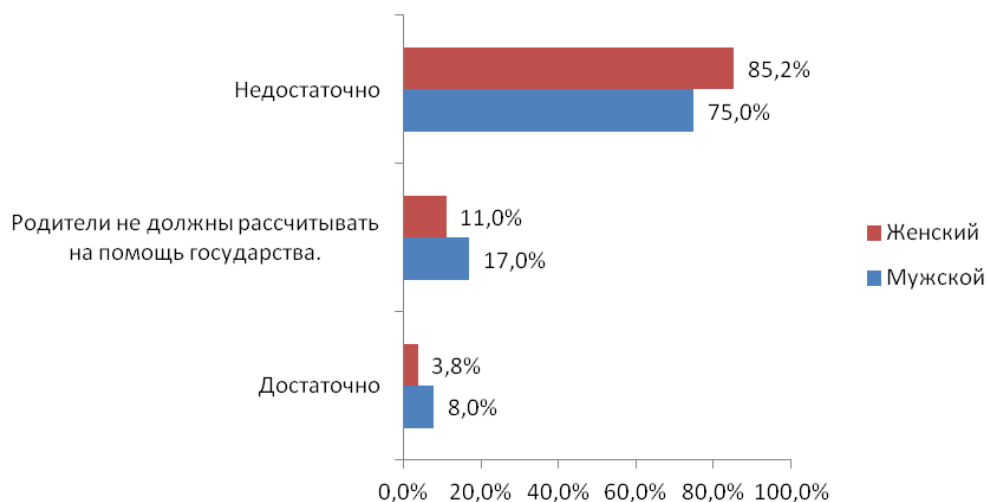

Рис. 1. Распределение ответов родителей на вопрос «Как Вы считаете, государство достаточно помогает семьям с детьми?»

ности и семейное поведение родителей, отношение к мерам государственной поддержки семьи, известность и востребованность мер государственной поддержки семей.

Патерналистские ожидания: восприятие родителями мер современной российской семейной политики

Анализ отношения граждан с семейными обязанностями к государственной поддержке семей с детьми позволяет сделать вывод о том, что абсолютное большинство родителей Санкт-Петербурга считают, что государство недостаточно поддерживает такие семьи (рис. 1). Важно отметить, что значимых различий между мужчинами и женщинами по этому вопросу нет ($\chi^2 = 5,07$, $p = 0,079$). Только 8% отцов и 4% матерей признают помощь государства достаточной. При этом чуть более 10% родителей не рассчитывают на помощь государства и считают, что уход и воспитание детей — это ответственность только родителей. Возможно, такое мнение связано не столько с готовностью родителей отказаться от помощи государства, сколько с уверенностью в том, что государство все равно не в состоянии предоставить родителям помощь, адекватную реальным потребностям семей с детьми, поэтому и рассчитывать на нее не стоит.

Значимые различия в отношении к поддержке со стороны государства выявлена у семей с разным уровнем дохода ($\chi^2 = 54$, $p < 0,05$) (рис. 2). Родители, обладающие высоким уровнем доходов, чаще, чем родители из средне- и низкодходных групп, полагают, что государство достаточно помогает семьям

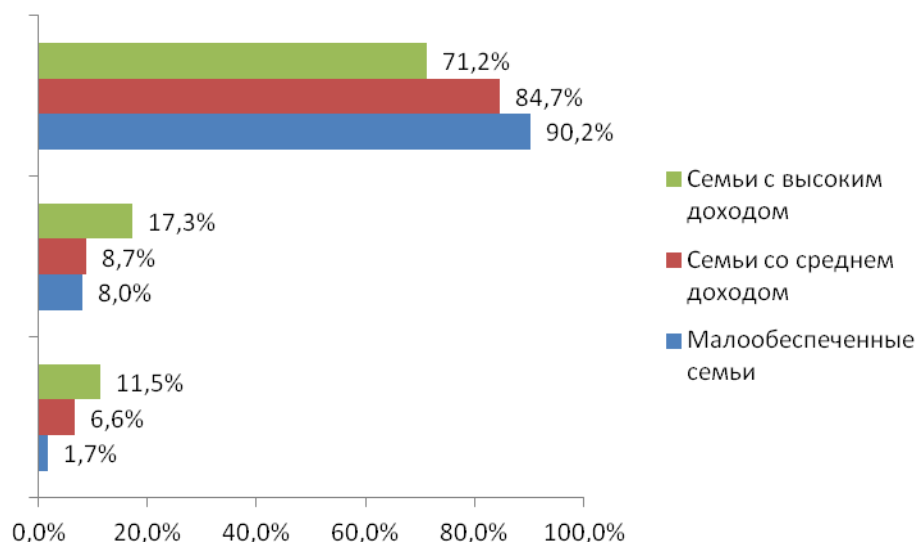

Рис. 2. Отношение родителей к государственной поддержке семей в зависимости от дохода семьи

с детьми и что родители не должны рассчитывать на поддержку государства. Такая оценка государственной поддержки семей связана с тем, что в общей структуре доходов таких семей пособия и выплаты, связанные с ребенком, составляют несущественную часть регистрируемых денежных поступлений. По оценкам специалистов, только у многодетных семей государственные пособия начинают играть значимую роль в доходах [2, с. 139]. Вероятно, высокодоходные родители положительно оценивают сам факт помощи со стороны государства, при этом реально не рассчитывая на полученные от него деньги для поддержания благосостояния семьи. Но несмотря на все различия, абсолютное большинство родителей из семей с любым уровнем дохода уверено, что государство поддерживает семьи с детьми недостаточно. Это связано с тем, что основная материальная поддержка государства семьям с детьми, которая приходится на период от рождения до достижения ребенком полутора лет, неадекватна реальным расходам родителей и компенсирует только их незначительную часть.

В этой связи нас интересовало мнение респондентов относительно того, до какого возраста семьи с детьми нуждаются в материальной поддержке со стороны государства (рис. 3). Следует отметить, что в данном вопросе мнения отцов и матерей имеют значимые различия ($\chi^2 = 34, p < 0,05$).

Как видно из рис. 3, более 50% матерей и более 35% отцов считает, что семья нуждается в поддержке государства до совершеннолетия ребенка. Это говорит о том, что в современных российских условиях родители не уверены

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Когда семья с ребенком больше всего нуждается в поддержке государства» в зависимости от пола респондента

в том, что смогут обеспечить благополучие детей. Родители хотели бы, чтобы государство как можно дольше поддерживало их, поскольку с увеличением как возраста ребенка, так и количества детей в семье увеличивается вклад родителей в обеспечение их благосостояния.

Несмотря на то что основной пакет прямых поддержек семьям с детьми адресован матерям, именно они чувствуют свою уязвимость на рынке труда в связи с материнством. Они не могут рассчитывать исключительно на собственные силы и не всегда уверены в стабильной помощи со стороны партнера, особенно в случае развода, поэтому хотели бы получать гарантированную помощь от государства. Именно матери демонстрируют наибольшую заинтересованность в патерналистском отношении со стороны государства до совершеннолетия ребенка, т. е. до того момента, когда они смогут снять с себя ответственность за заботу о нем.

Мужчины хотят гарантий со стороны государства в дошкольный период жизни ребенка или в течение первого десятилетия его жизни, поскольку часто оказываются единственными кормильцами в семье. После того как ребенок пошел в школу, мужчины могут разделить ответственность за материальное положение семьи с матерью ребенка, так как у женщины к тому времени уже нет одобряемого со стороны общества права не работать. Таким образом, несмотря на то, что большинство мужчин декларируют желание, чтобы уход за детьми дошкольного возраста осуществляли матери детей, они не готовы

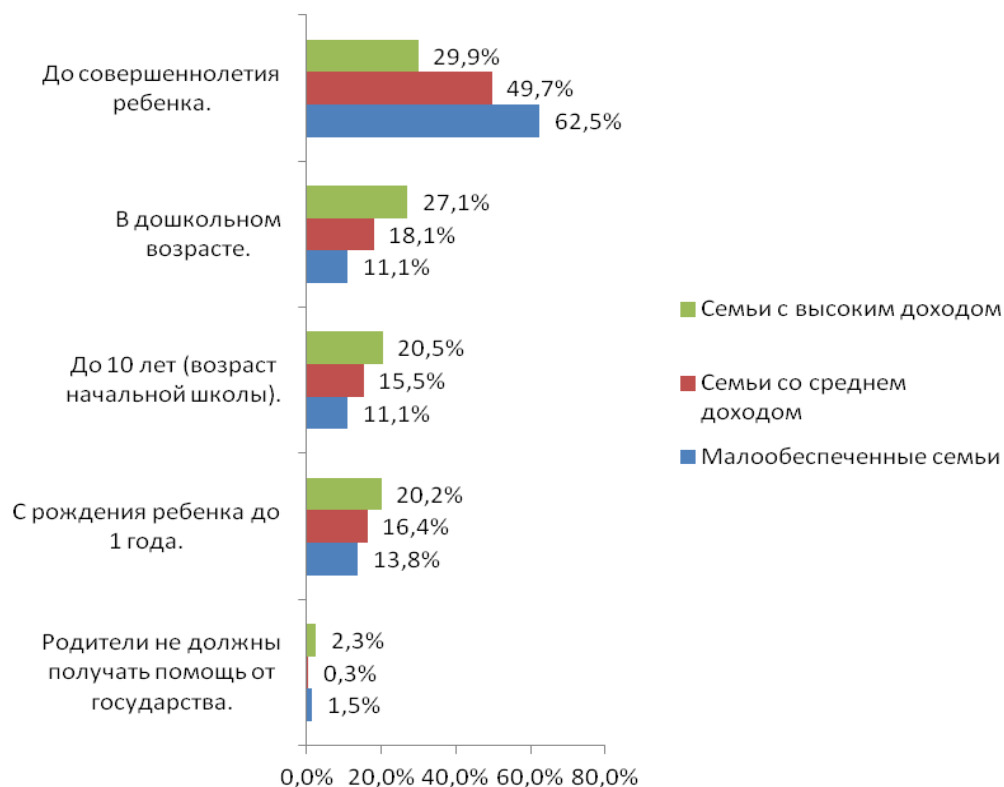

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Когда семья с ребенком больше всего нуждается в поддержке государства» в зависимости от дохода семьи

взять на себя полную ответственность за обеспечение семьи и рассчитывают на поддержку государства в форме пособий и компенсаций хотя бы в первые 7-10 лет жизни ребенка.

Анализ распределений ответов на вопрос, до какого возраста ребенка семья нуждается в поддержке государства в зависимости от дохода семьи (рис. 4), показывает, что между семьями с разным уровнем дохода существуют значимые различия ($\chi^2 = 89, p < 0,05$). Половина семей со средним уровнем дохода и более 60% семей с низким доходом считает, что государство должно поддерживать семьи до совершеннолетия детей. Среди семей с высоким доходом это мнение поддерживают только 30% родителей. При этом 48% из них считают, что государство должно помогать семье до семи- или десятилетнего возраста ребенка. Таким образом, даже в высокодоходных семьях, как правило, один родитель не может обеспечить благополучие ребенка и семьи в целом и нуждается в гарантированной поддержке со стороны государства.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Вы знаете о том, какие виды помощи предоставляет государство родителям с детьми?» (Множественный вопрос, сумма ответов больше 100%)

Согласно результатам исследования все меры государства, направленные на поддержание семьи в первый год жизни ребенка, не способны решить проблемы, связанные с рождаемостью, если государство не предложит мер для дальнейшей поддержки семьи. Даже в высокодоходных семьях только 20% родителей полагают, что государство может ограничиться поддержкой семей в первый год жизни ребенка. В семьях со средним и низким доходом доля таких родителей еще меньше. Большинство родителей, независимо от дохода, не готовы сразу после первого года жизни ребенка самостоятельно справлять-

ся с материальными проблемами, им нужна дальнейшая поддержка со стороны государства.

Как видно из рис. 4, доля родителей, которые считают, что семья может обойтись без помощи государства, даже в высокодоходных семьях не превышает 2%. Очевидно, именно такой процент составляют семьи, для которых размер пособий и компенсаций со стороны государства настолько незначим для их бюджета, что они готовы отказаться от этих выплат. Остальные семьи ожидают от государства увеличения как размера поддержки, так и сроков, в течение которых эта поддержка будет выплачиваться.

Кроме отношения родителей к мерам государственной поддержки семей с детьми, в ходе исследования анализировались известность мер государственной поддержки и востребованность этих мер со стороны родителей. Абсолютное большинство родителей (85%) знают о том, что государство предоставляет ежемесячные пособия по уходу за ребенком и выдает материнский капитал при рождении второго ребенка (рис. 5). Эти меры, с одной стороны, активно пропагандируются государством с помощью СМИ как форма заботы о семьях с детьми и как комплекс мер, направленных на повышение рождаемости. С другой стороны, данные меры адекватны патерналистскому отношению к государству со стороны родителей, поэтому родители их знают и пользуются ими.

Однако помимо прямых материальных поддержек, которые государство предоставляет семьям, инструменты современной семейной политики также включают косвенные, сервисные виды помощи: государственная программа переквалификации женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком; бесплатное психологическое консультирование родителей; одноразовая материальная помощь семьям, находящимся в тяжелой жизненной ситуации; помощь в оформлении пособий; бесплатное предоставление ребенку услуг логопедов, дефектологов и других коррекционных специалистов; помощь женщинам и детям в ситуации домашнего насилия; организация досуга детей.

Результаты исследования показывают, что косвенные виды помощи известны родителям гораздо меньше. В среднем только каждый пятый из опрошенных родителей мог назвать еще какие-либо виды государственной помощи, кроме прямых денежных выплат. Низкую известность таких мер, как помощь женщинам и детям в ситуации домашнего насилия и помощь в тяжелых жизненных ситуациях можно объяснить узкой направленностью данных мер, а также нежеланием женщин делать ситуации домашнего насилия публичными и искать помощь в тяжелых семейных ситуациях у государства. Однако основная причина низкой известности сервисных видов помощи состоит в том, что от государства родители ждут в основном материальной помощи, а все остальные свои проблемы предпочитают решать с помощью социальных связей.

При этом значимость таких мер, как психологическое консультирование и переквалификация женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком,

достаточно высока, учитывая проблемы адаптации к новой родительской роли, которую переживают многие женщины после рождения ребенка, а также потери их конкурентоспособности на рабочем месте в связи с продолжительным отсутствием на рынке труда из-за рождения и ухода за ребенком. Если бы родители, особенно женщины, были ориентированы на самостоятельное решение проблем, связанных с уходом за ребенком, они бы ждали от государства развития инфраструктуры и создания условий для того, чтобы мать имела возможность оптимально совмещать профессиональные и родительские обязанности и не уходить с рынка труда после рождения ребенка. В этих условиях психологическая поддержка родителей, а также возможность переквалификации были бы востребованы гражданами с семейными обязанностями. Однако в настоящее время данные виды поддержки семей с детьми не релевантны потребностям граждан.

Как показали результаты исследования, к наиболее востребованным видам государственной помощи среди родителей относятся ежемесячные пособия по уходу за детьми. Такие пособия получают примерно 60% семей как с одним ребенком, так и с двумя и более детьми. Этот вид помощи со стороны государства максимально соответствует ожиданиям родителей, поэтому и наиболее востребован. Материнский капитал оформили только 55% семей, в которых второй (или третий) ребенок родился после 2007 г. Отчасти это связано с проблемами легализации мигрантов, а также получением регистрации и прописки приезжими из других регионов России. Но можно предположить, что часть семей, которые имеют право на материнский капитал, не оформляют его, так как не видят возможностей для его использования [2, с. 142-144; 1]. Примерно 10% семей получали от государства бесплатные услуги коррекционных специалистов и столько же семей воспользовались возможностью организовать досуг ребенка с помощью государства. Остальными видами государственной поддержки семей пользовались не более 3% семей с детьми.

В ходе исследования родителям задавали вопрос о том, какие еще виды помощи государство должно предоставлять семьям с детьми. Большинство ответов родителей касалось увеличения размера пособий, продления сроков выплат пособий, а также предоставления бесплатных образовательных услуг и бесплатной медицинской помощи. Никаких пожеланий, связанных с обеспечением гарантий и возможностей для женщины продолжать свою карьеру и тем самым самой нести ответственность за благосостояние и воспитание своих детей, родителями не высказывалось. Никаких требований, связанных с увеличением числа детских садов, с увеличением продолжительности работы детских садов и групп продленного дня, с оплатой государством услуг няни, а также других форм организации социальной заботы за детьми, родителями не артикулировалось.

Результаты нашего исследования показывают важный парадокс современной российской семейной политики. С одной стороны, абсолютное большинство родителей считают помощь государства, направленную на поддержку семей с детьми, недостаточной. Патерналистский характер отношений между государством и семьей отвечает как интересам, так и потребностям большинства родителей, но, государство в силу ограниченности ресурсов не способно удовлетворить патерналистские ожидания родителей в полном объеме и не готово предложить другой социальный контракт отношений между государством и гражданами с семейными обязанностями. С другой стороны, родители не способны взять на себя ответственность за благосостояние семей и благополучие детей и не готовы сформулировать запрос на новый контракт с государством, который изменил бы характер отношений государства и работников с родительскими обязанностями. Таким образом, сформировавшийся патерналистский социальный контракт не удовлетворяет ни ту, ни другую сторону договора. Государство, несмотря на затраченные материальные ресурсы, не достигает эксплицитных целей, связанных с увеличением рождаемости. Родители повышают свои требования к размеру государственной поддержки и срокам ее оказания, не меняя характера своего репродуктивного поведения. В результате семейную политику в современной России можно назвать неэффективной, хотя, ее направленность и основной пакет предоставляемых поддержек удовлетворяет запросам большинства родителей.

Библиографический список

1. *Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А.* Как распорядиться материнским капиталом, или Граждане в семейной политике // Социологические исследования. 2012. № 7.
2. *Бурдяк А. [и др.]* Новые меры семейной политики и их влияние на материально-имущественное положение семей с детьми / А. Бурдяк, И. Корчагина, Л. Овчарова, Л. Прокофьева, О. Синявская // Семья в центре социально-демографической политики? Сборник аналитических статей. М.: Независимый институт социальной политики, 2009.
3. *Чернова Ж.* Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.
4. *Чернова Ж.* Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности // Женщина в российском обществе. 2011. № 3.
5. *Чернова Ж.* Семейная политика в современной России: «пятый нацпроект» // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2.
6. *Ярская-Смирнова Е.* «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2.
7. *Ярская-Смирнова Е.* Ценностно-символическое пространство семейной политики. URL: demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit05.php

8. *Chernova Zh.* New Pronatalism? Family Policy in Post-Soviet Russia // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia. 2012. 1 (1).
9. *Gauthier A.* The State and the Family: a comparative analysis of family polices in industrialized counties. Oxford: Clarendon Press, 1996.
10. *Hakim C.* Models of the Family in Modern Society: Ideals And Realities. Aldershot: Ashgate, 2004.
11. *Hantrais L.* Family Policy Matter: Responding to family change in Europe. Bristol: The Policy Press, 2004.
12. *Hantrais L., Letablier M.-T.* Family and Family policies in Europe. London: Longman, 1996.
13. *Kamerman S.B., Kahn A.J.* Family policy: Government and families in fourteen countries. New York: Columbia University Press. 1978.
14. *Kaufmann K.-X.* Politics and Policies towards the Family in Europe: A Framework and in Inquiry into their differences and convergences // Family Life and Family Policies in Europe. Vol. 2: Problems and Issues in Comparative Perspective/ed. by Franz-Xaver Kaufmann et al. Oxford: Clarendon Press, 2002.
15. *Titmuss R.M.* Social Policy. An Introduction. New York: Pantheon Books, 1974.
16. *Zimmerman Sh.* Understanding Family Policy: theories and applications. Newbury Park, CA: Sage, 1998.

СЕТЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

.....

Е. Г. Довбыш¹

В статье рассматривается феномен городской идентичности. На примере кейсов инициативных групп горожан по проблемам городской среды, возникших в Казани и Краснодаре, анализируется роль сетей в её формировании. Автор приходит к выводу, что в процессе сетевого взаимодействия у его участников происходит формирование двух основных компонентов городской идентичности: идентификации с местом и идентификации с локальным сообществом.

Ключевые слова: городская идентичность, социальные сети, сетевые технологии.

The article is devoted to the phenomena of city identity. The role of social nets in its developments is shown by means of studying two cases of urban environment problem groups of citizens which have been organized in Kazan and Krasnodar. The author concludes that while interacting social actors shape their identity with a space and their sense of belonging to a local community, both of which are the main components of city identity.

Key words: city identity, social nets, social net technologies.

Пространство города многомерно. Современный город сложно представить как единый организм. Границы города (географические и социальные) слишком прозрачны и растяжимы [1]. В изучении города как сложного социально-политического образования, жесткой неомарксистской рамке исследования пришли на смену постнеклассические исследования, в центре внимания которых вопросы идентичности горожан [12; 16]. В городах проявления социальной дифференциации и разнообразные варианты идентичности пересекаются, образуя сложный рисунок социально-политических взаимодействий между горожанами.

Городская (локальная) идентичность, связанная с сопричастностью человека месту его проживания, представляет собой одну из наиболее значимых соци-

---

¹ Довбыш Евгений Геннадьевич – аспирант ИМЭМО РАН. Эл. почта: edovbysh@gmail.com

Статья выполнена в рамках работы над проектом «Сетевой ландшафт российской публичной политики: проблемы развития и безопасность» по программе государственного заказа Министерства образования и науки 2012 г. Шифр заявки 6.1134.2011.

альных идентичностей наряду с профессиональной, этнической, религиозной и др. Внимание к идентичности предполагает чёткое различие психологического (идентичность как часть Я-концепции индивида) и социологического (идентичность как соотнесение себя с социальной группой) её понимания [см. 8]. Вместе с тем от городской идентичности следует отличать идентичность города. Город сам по себе обладает идентичностью, которая всегда аутентична [10, с. 245]. Российские города постепенно втягиваются в борьбу за людские, информационные и денежные потоки, преимущественно при этом обладают те города, которые могут подчеркнуть свою уникальность [5]. Проводимая с этой целью политика аутентичности призвана создать и поддерживать образ, черты которого будут выгодно отличать данный конкретный город от его конкурентов.

В этом отношении локальная (городская) идентичность горожан служит важным ресурсом развития территории. Она способствует не только большей включенности жителей в решение местных проблем, но и объединению локальных политических акторов, складыванию консенсуса по поводу городской политической повестки дня. Этот консенсус невозможен без относительного согласия по поводу общих для всего локального сообщества ценностей. Появление городских политических режимов также возможно в тех городах, где существует сильная локальная идентичность.

В этих условиях местная элита, желая упрочить свое положение, зачастую проводит политику идентичности, которая своей целью имеет создание или поддержание представления об уникальности места, сплочение местного сообщества, выработку общих ценностей и «чувства отличия от других центров» [3, с. 48]. Цель такой политики — подчеркнуть аутентичность города, его особенности, что может способствовать как повышению шансов в конкуренции с другими городами, так и формированию местного патриотизма, который может быть использован для политической мобилизации.

Идентичность горожанина включает в себя множество аспектов, но так или иначе она основана на понятии территории и самосознании сообщества, эту территорию населяющего. Городская идентичность предполагает в первую очередь идентичность с местом. Городская среда является физическим образованием и имеет определенные показатели экологического состояния; каждый город и даже городской район отличается один от другого по этим показателям. М. Лалли на основе всестороннего анализа теорий и направлений исследований идентичности с местом ввел понятие «идентичность, связанная с городом» (*urban-related identity*) [13]. Он описывает городскую средовую идентичность как часть личностной идентичности (Я-концепции). Но город — это не только особое территориальное, но и социальное образование; город можно рассматривать и как сообщество. В этом случае городская идентичность пред-

ставляет собой прежде всего самоидентификацию себя с этим сообществом как социальной группой [см.: 15].

Городская идентичность как разновидность социальной территориальной идентичности включает в себя когнитивный компонент (образ района и себя как его жителя), аффективный компонент (эмоции и переживания, связанные с районом) и оценочный компонент (оценка района, его значение и ценность) [7, с. 35]. И. С. Самошкина ключевым компонентом в структуре территориальной идентичности считает эмоциональный [9, с. 47]. Он находит свое выражение в специфических явлениях: «чувство места», «привязанность к месту», забота о состоянии места, оценка разных мест. Эти явления обусловлены совместным проживанием людей на одной территории, осознанием принадлежности к определенной общности.

Процесс формирования городской идентичности сложен. Она формируется путем включения в социальное взаимодействие, происходящее на данной территории. Место проживания является не просто местом жизнедеятельности, но и местом социализации, т. е. участия в локальных социальных процессах. Как указывает М. Кастельс, «люди социализируются и взаимодействуют в своей локальной среде, будь это деревня, город или пригород, и они строят социальные сети со своими соседями. С другой стороны, локальная идентичность пересекается с другими ресурсами значений и социального познания, множеством различных образцов, дающих альтернативные интерпретации» [11]. Другими словами, складывание территориальной идентичности предполагает некое территориальное поведение, и именно в нем она в полной мере находит свое выражение.

Городская среда служит питательной почвой для появления и роста различных социальных сетей. В городском сообществе формируются прочные связи между людьми, которые являются отличительными признаками социального капитала и социальной сплоченности [4, с. 64]. В городе одновременно сосуществует и взаимодействует множество сетей социальных связей, которые носят территориальную привязанность. Карта социального пространства крупного города представляет собой сложный рисунок из социальных связей между жителями города разной интенсивности, в котором можно выделить отдельные места концентрации связей — узлы сети. Её акторами могут быть как индивиды, так и различные социальные структуры — малые группы, организации и др., активно участвующие в социальном взаимодействии на локальном уровне и обладающие достаточными ресурсами для этого.

Социальные сети в городах способствуют формированию городской идентичности, так как территориальное поведение в виде социального взаимодействия напрямую связано с деятельностью сетей. По большому счету, территориальное поведение невозможно вне рамок той или иной локальной социальной сети. Индивид или группа, желающие реализовать на локальном уровне

свои значимые цели, рано или поздно должны вступить во взаимодействие с уже существующими локальными сетями или организовать новые.

Примером появления новой локальной сети, участвующей в формировании городской идентичности, является кейс экологических активистов г. Краснодара, которые позиционируют себя в качестве внепартийной гражданской инициативной группы по вопросам экологии в Краснодарском крае. Инициаторами этой группы стали известные краснодарские блогеры, способствовавшие её формированию в начале 2012 г. Первоначально, весной-летом 2011 г., они участвовали в реализации общероссийских экологических инициатив (например, «500 уборок в один день», «Блогер против мусора»), выступая в роли региональных и городских координаторов акций.

На сегодняшний день это виртуально-реальная сеть из 20-30 активистов, изначально возникшая благодаря сервису интернет-блогов LiveJournal.com, где участники обменивались информацией, связанной с экологией города. Вместе с тем большая часть её участников — это также активисты экологических организаций, действующих в городе («ЭКА», «ЭВСК» и др.), что обеспечивает их дополнительным социальным капиталом и включает в деятельность сети дополнительных участников. Участниками сети являются жители Краснодара, с высшим образованием, работающие в сфере услуг и управления, обладающие возможностью выхода в Интернет и озабоченные экологической обстановкой в городе.

В активную фазу деятельности сеть перешла осенью-зимой 2011 г., после встречи губернатора края, а затем и мэра Краснодара с представителями интернет-общественности, среди которых были и участники этой сети. Они активно включились в обсуждение проблем природопользования и экологии края, и особенно г. Краснодара, высказывая свои предложения и замечания в отношении природоохранной политики властей. Несмотря на то что прямых политических целей представители данной сети не ставят, они активно используют политические технологии для достижения своих задач. Не будучи связанной с коммерческими структурами, сеть лоббирует и контролирует исполнение ряда природоохранных инициатив: внедрение пилотного проекта раздельного сбора мусора в одном из районов Краснодара, установки дополнительных уличных урн, создание единой карты экологических проблем города. После встречи с губернатором активисты сети получили возможность участвовать в выработке политических решений в сфере природопользования и экологии края и города. При этом стоит отметить, что в формировании общественного экологического совета при губернаторе края эта сеть не принимала участия.

Сеть экологических активистов не институционализована, у неё отсутствуют какие-либо организационные структуры, а большая часть взаимодействия осуществляется в Интернете и в виде неформальных встреч. В этом отношении сеть испытывает те же трудности, свойственные всем виртуальным

группам, стремящимся перенести свою деятельность в реальное пространство [см. подробнее: 2]. Участники сети сотрудничают с экологическими организациями, действующими на территории города, перераспределяют ресурсы — прежде всего организационный, человеческий и в меньшей степени материальный. Для привлечения большего внимания общественности к проблемам окружающей городской среды на ближайшее время намечена реализация проекта единого информационного экологического портала города, финансируемого на частные средства и средства организации «Гражданский экологический контроль».

Сетевое сообщество, имеющее виртуальный характер, не теряет своих социальных характеристик [6]. Участники сети экологических активистов идентифицируют себя как жителей Краснодара и имеют общие цели по решению важнейших экологических проблем города.

Однако городское пространство представляет собой не только окружающую экологическую среду. Значительное место в урбанизированном пространстве играет его культурная составляющая — историческая среда города. Забота о месте предполагает внимание не только к экологической ситуации в родном городе, но и к его культурному наследию, которое состоит из отдельных памятников архитектуры и из городского культурного пространства в целом. Именно культурное, урбанизированное пространство обеспечивает самобытность города.

В любом городе, согласно А. Лефевру, сосуществуют два типа пространств. С одной стороны, «непродуктивное» пространство парков и садов, зеленых насаждений вдоль дорог, служащих для удовольствия и эстетического наслаждения. С другой — коммодифицированное пространство дорог, парковок и гаражей, которое производит прибавочную стоимость [14]. Вопросы охраны историко-культурной среды города актуализируются в периоды интенсификации освоения городского пространства бизнесом.

Один из ярких примеров активного взаимодействия между бизнесом, властью и локальным сообществом по поводу городской исторической среды можно наблюдать в Казани. В настоящее время на территории Казани в качестве памятников государственной охране подлежат 552 объекта. 488 из них находятся в ведении республиканских и федеральных органов. 64 объекта относятся к числу памятников муниципального значения, за их сохранностью следит исполком города. Вместе с тем с момента принятия последнего Проекта зон охраны в 1988 г. площадь охраняемой территории была сокращена с 5 до 3% общей территории города.

В 2005 г. город праздновал своё тысячелетие, а в 2013 г. в столице Татарстана пройдет XXVII Универсиада. В процессе подготовки к этим масштабным событиям городское пространство подверглось серьезному давлению со стороны бизнеса и власти. Активное преобразование городской среды в 2000-е гг.

вызвало протесты городской общественности. Однако это не остановило процесса коммодификации городского пространства.

Принципиальные изменения произошли в 2011 г. После того как в период новогодних каникул в Казани были снесены два исторических памятника регионального значения — дом Потехина и номера Банарцева, начала складываться инициативная группа по охране городской исторической среды. В составе этой инициативной группы были известные казанские блогеры, активисты Общества охраны памятников, Социально-экологического общества Казани, члены Общества краеведов при музее Боратынского. Активную роль в деле охраны исторических памятников города играли городские экскурсоводы, которые в 2010 г. создали Гильдию экскурсоводов Казани. Сегодня в инициативную группу по охране городской исторической среды Казани входят около 30 активистов.

Обсуждая проблемы городской застройки, состояния памятников в своих блогах, они вместе с тем проявляют активность и в реальной жизни. Одной из основных своих задач эта группа считает привлечение общественного внимания к проблеме городской культурной среды. Весной 2011 г. активисты проводили пикеты у здания Министерства культуры Татарстана в защиту исторических зданий, собирали подписи, писали открытые письма. Для привлечения общественного внимания к проблеме предполагается проводить просветительскую работу среди горожан. В Казани частым явлением стали экскурсии и выставки, организованные для жителей города активистами. Во время таких пеших прогулок горожане могут лучше узнать историю города, познакомиться с его памятниками.

Известный экскурсовод и блогер Олеся Балтусова осенью 2011 г. провела семь экскурсий по городу для президента республики. Вместе с Балтусовой на утренние еженедельные прогулки выходили глава республики Рустам Минниханов, глава Министерства строительства и прокурор Татарстана. Рустам Минниханов назвал сохранение исторического облика центра Казани одним из приоритетных направлений своей работы, а Олеся Балтусову назначил своим помощником.

Активисты неоднократно встречались с министром культуры Татарстана, мэром города. Впервые вопрос о повышении качества архитектурной среды стал обсуждаться на заседаниях правительства республики. Благодаря деятельности сети были внесены изменения в программу «Мирас-Наследие», на основе которой в период 2012-2015 гг. будет проводиться работа по охране исторических памятников в республике.

Городская идентичность участников инициативных групп в Краснодаре и Казани формируется благодаря их взаимодействию с городской средой и урбанизированным ландшафтом. Включаясь в локальное социально-политическое взаимодействие, активисты осознают свою принадлежность к террито-

рии города и ответственность за её развитие. Такое внимание к экологии родного города, сохранению культурного наследия свидетельствует об городской самоидентификации их участников.

Данные социальные сети способствуют формированию одного из важных компонентов городской идентичности – приверженности месту не только у своих активистов, но и у вновь включаемых в неё участников. Своей задачей активисты видят решение проблем социально-экологической среды, прежде всего путем изменения общественного сознания. С этой целью предполагается сформировать ответственное сознание жителей указанных городов, реализуя проекты экологического образования и просвещения, экскурсий по городу. Кроме когнитивного компонента (узнать больше об окружающей городской среде), деятельность активистов способствует формированию у новых участников и ценностных ориентиров (установка на рациональное пользование природой, необходимость заботы об окружающей среде, внимательное отношение к судьбе исторических памятников). Вовлекая в свою деятельность новых участников, эти социальные сети помогают горожанам сформировать ответственное самосознание, лучше осознать свою связь с конкретной территорией. В результате складывается городская идентичность.

Таким образом, кейсы инициативных групп Краснодара и Казани показывают, что наряду с привлечением массового внимания к проблемам городского пространства и расширением участия локального сообщества в принятии политических решений несомненным положительным эффектом деятельности сетей является формирование городской идентичности у жителей. Достигнутые успехи этих инициативных групп говорят о большой роли сети в структуре социального взаимодействия внутри городов. Эти социальные сети участвуют в формировании базовых компонентов городской идентичности: соотнесения с местом и самосознания индивида. В процессе сетевого взаимодействия, а также при включении новых акторов, если это необходимо, происходит воздействие на обе эти составляющие. Однако на первоначальном этапе для появления проблемной сети на уровне города уже необходимо наличие городской идентичности у её участников. Объединение в сеть происходит на определенном этапе, когда у акторов, самоидентифицирующих себя с конкретной территорией и социальной группой, эту территорию населяющей, появляется потребность во включении в сеть и готовность к обмену ресурсами.

Основной механизм формирования городской идентичности с помощью сетей — включение её участников в социальное взаимодействие по проблемным вопросам городской жизни. Постановка проблем и их решение способствуют формированию городского самосознания — неперемного условия развития города как социальной общности.

Библиографический список

1. *Амин Э., Трифт Н.* Внятность повседневного города. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html>
2. *Киселев А. А., Самаркина И. В.* Интернет: модель и практики политического участия. Краснодар: Оттиск, 2007.
3. *Ледяев В.* Теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3-4.
4. *Морозова Е. В., Мирошниченко И. В.* «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона // Полис. 2009. № 2.
5. *Пантин В. И., Семенов И. С.* Проблемы идентичности и российская модернизация. URL: http://www.identity.ucoz.ru/load/stati/pantin_vi_semenenko_is_problemy_identichnosti_i_rossijskaja_modernizacij
6. *Римский В.* Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей // Вестник общественного мнения. 2009. № 1.
7. *Самошкина И.* Район проживания в чувствах и переживаниях // *Communitas*. 2006. № 1.
8. *Самошкина И. С.* Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
9. *Самошкина И. С.* Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования // Вестник РГГУ. 2008. № 3.
10. *Согомонов А.* Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).
11. *Castells M.* The Power of Identity. Vol. 2: The Information
12. *Age: Economy, Society and Culture.* Oxford; Malden, Mass: Blackwell, 1997.
13. *Imperial Cities: Landscapes, Display and Identity (Studies in Imperialism).* Manchester; New York: Manchester University Press, 2003.
14. *Lalli M.* Urban-related Identity: Theory, Measurement and Empirical Findings. URL: <http://www.scribd.com/doc/78116044/Place-Identity>.
15. *Lefebvre H.* Le droit à la ville. Paris: Anthropos, 1968.
16. *Pol E.* The Theoretical Background of the City-Identity-Sustainability Network. URL: <http://eab.sagepub.com/content/34/1/8.short>
17. *Roberts M.* Living in a Man-Made Word: Gender Assumptions in Modern Housing Design. URL: <http://goo.gl/wSYKi>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Аннотация. Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

« ____ » _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью